

РЕШЕТОРИЯ

Избранные произведения авторов независимого
литературного портала «Решето.ru»

Москва 2006

Решетория. Антология произведений авторов независимого литературного портала «Решето.ru». — М.: Introweb, 2006.

В антологию вошли стихотворения, проза и публицистика сорока двух авторов, опубликованные в 2005 – 2006 гг. в лентах литературного портала «Решето.ru».

© Компания «Introweb»

© Авторы опубликованных текстов

© В. Волков — составление, редактирование, предисловие

© В. Волков — рис. «Цитадель» (1-я страница обложки)

Сетевой литературе любят приписывать некие особые качества, представляя ее невиданным культурным явлением. Может, оно и так. Но верно и другое: и Сети и в жизни Автор творит по одним и тем же законам, повинаясь одинаковым по природе своей приступам вдохновения и выбирая объектом творчества одни и те же вечные темы, «сетевой» ямб ничем не отличается от «бу-мажного», а талант «реальный» — от «виртуального». «Имеет ли какие-то принципиальные различия текст, созданный «сетевым» автором, и текст, написанный автором, не имеющим отношения к субкультуре Интернета? — я отвечаю без сомнения: не имеет», — читаем мы в одной из статей Владимира Монахова и не можем с ним не согласиться.

Сеть — это не более чем этап жизни произведения на его пути к читателю. До эпохи блогов и общедоступных лент таким этапом были толстые литературные журналы, в которые отправлялись с трепетом великим заветные конверты с нетленками, эпохалками и нобелевками. В случае опубликования автор получал и необходимую любой творческой душе профессиональную критику, и читательские отклики и мог с чистой совестью переходить на следующий уровень — к изданию книги... То же мы наблюдаем и в Сети, с той лишь разницей, что процесс идет гораздо быстрее, в онлайн-режиме, а свобода публикации для каждого естественным образом уравнивается избирательностью критики (хорошей критики, разумеется).

Порталу «Решето» почти два года. В некоторой его недоработанности имеется и хорошая сторона — всегда есть к чему стремиться. В конце концов, качество ресурса определяется не столько внешним видом, сколько содержанием, которое творим мы сами, для чего стараемся не позволить лучшему из «вывешенного» у нас не сгинуть в безвестности. Ради этого время от времени публикуются обзоры, работает функция «Избранное» с «горячей пятеркой» на главной страничке, а при непосредственном участии компании «Introweb» была подготовлена эта антология — подборка избранных произведений наших авторов, которая, мы надеемся, не станет последней, ибо собранное под ее обложкой — лишь малая часть достойного быть изданным. Впрочем, о достоинствах и недостатках «Решетории» судить вам, уважаемые читатели.

Валерий ВОЛКОВ, Сергей ЖЕМЧУГОВ.

Владимир МОНАХОВ

vvv

(Братск)

Родился 1 мая 1955 года в городе Изюме Харьковской области. В 1972-м окончил школу, работал в районной газете, был призван на службу в армию. После увольнения в запас работал в печати Иркутской области. В 1983 году заочно окончил Иркутский государственный университет, получив профессию журналиста. С 1982 по 2002 год работал собкором «Восточно-Сибирской правды» в Братске, главным редактором программы новостей в ТРК «МЫ».

Сейчас возглавляет пресс-службу ООО «ФФ». Член Союза российских писателей. Автор 13 сборников стихотворений и прозы, в числе которых «Второе пришествие бытия», «Путешественник», «Человек человеку — рифма», «Эпоха снегопада», «Негосударственный человек. Этюды неконструктивной созерцательности», «Заросли бесконечного», «Вымысел правды». Публиковался в журналах «Литературная учеба», «Мансарда», «Арион», «Футурум АРТ», «Крещатик», «Сибирь», «Ренессанс», «Юность», «Дети РА», «Иркутское время», «Илья». Член жюри «Ильи-премии». В 1998 году стал дипломантом конкурса русского хайку, который проводили «АиФ» и посольство Японии. За публикации философских эссе в журнале «Юность» в 2006 году награжден премией имени Владимира Максимова.

Выключишь Интернет — и тебя уже нет!

работникам русской литературы

Существует миф о второсортности сетевой литературы, который связан со свободной публикацией текстов каждым, кто этого пожелает. Но низкое качество текстов можно было встретить всегда: и в книгах, и в журналах. Отсутствие редактора, конечно, сказывается. Хотя мы знаем, что диктатура редакторов губила и хорошие тексты.

Но для меня лично важно, что сеть утвердила в русской словесности хайку, создала новый жанр — танкетку, позволила расширить границы малой прозы и примыкающего к ней верлибра. Эти жанры стали вполне популярны в сети и благодаря этому динамично распространяются теперь и на бумажных носителях. Кроме того, сеть расширила возможности дневника, эссеистики и размножила старый новый жанр — сетевой архив (см. «Культтоварищество суперархивов»), с помощью которого лаборатория самодеятельного и профессионального авторов выставлена на всеобщее обозрение. Загляните на страницы писателей Живого Журнала, где архивная литература доминирует. Кроме того, уже появились книги, изданные на основе ЖЖ, о которых говорят и раскупают.

Серьезные авторы тоже обратились к сети. Пример: Кирилл Ковальджи и Вячеслав Куприянов. И то, что бумажные журналы активно выставляются в сети, а «Журнальный зал», недавно отметивший десятилетие, — самый посещаемый ресурс, свидетельствует, что бумажное легко трансформи-

руется в электронное. Все дело в привычке читателя, новом восприятии текстов. Кстати, существующая только в электронном виде «Сетевая словесность» вполне конкурентоспособна бумажной литературе.

На постоянно звучащий в сети вопрос — имеет ли какие-то принципиальные различия текст, созданный сетевым автором, и текст, написанный автором, не имеющим отношения к субкультуре Интернета? — я отвечаю без сомнения: не имеет. Многие мои работы появились сначала в сети, а затем по предложению редакторов переключались без изменений в журналы, альманахи и книги. Сочинялись они не для сети, не для журналов, а решали мою собственную творческую задачу, которую я перед собой ставил. И они нормально воспринимаются и там, и там. Поэтому я считаю, что любой серьезный писатель будет чувствовать себя уютно в любой сфере. Обратимся к эссеистике уже названного мною Вячеслава Куприянова, который выставляется на самом ругаемом сайте «Стихи.ру». Там он один из самых читаемых авторов и с ним можно вступить молниеносно в полемику, чего нет на бумажных ресурсах. Скорость развития полемики говорит в пользу сети. Сайты «Футурум Арт» и «Дети РА» одни из самых посещаемых в моем кругу литераторов, хотя бумажного варианта выпусков даже авторы публикаций не всегда могут увидеть. Поэтому, я не нахожу глобальных отличий между писателями сети и бумаги. Даже среди тех, кто активно использует визуальное слово, включает в тексты рисунок.

Минувшее десятилетие литературы ни в сети, ни на бумаге не открыло для нас великих литературных имен. Талантливых, оригинальных, предприимчивых, фонтанирующих, выдумывающих — это сколько угодно. Но великие пока себя не обнаружили и не заявили, что бы там ни писала укоренившаяся в словесности комплиментарная критика. Но это уже другая проблема.

Поэтому в целом и качество опубликованного существенно не изменилось, изменилась оценка читателя. Мне кажется, что художественными журналами интересуются в основном пишущие или преподающие литературу люди. Отсюда и малотиражность некогда популярных изданий в мире, а теперь и в России. К тому же книги стали выходить быстрее журналов, и теперь всё новое появляется на книжной полке раньше, чем в журнале. Технологии книгоиздания опередили и разрушили журнальную культуру. И в этой связи виртуальные сетевые издания, которых стало великое множество, составляют серьезную конкуренцию бумажным. Хотя это не значит, что журналов не должно быть.

Теоретики сети старательно ищут предпосылки для слияния сетевой и бумажной литературы в их существующих форматах в единое культурное пространство и активно проводят между ними границы. Но на самом деле, ничего искать не надо, на мой взгляд, уже давно все слилось если не воедино, то в целое. Только слепец этого не замечает. Журналы и издательства публикуют тексты, впервые появившиеся в сети, и выставляют книги и журналы в Интернете. Всё давно объединилось, а некоторые продолжают спорить об ущербности сети, тем самым доказывая только свою личную ущербность или ограниченность. У меня есть верлибр на обсуждаемую нами тему, посвященный поэту Юрию Беликову.

Легче легкого
Затеряться в России...
Уедешь из Москвы —
И тебя уже нет...

Проще простого
Потеряться в мире...
Выключишь Интернет,
Выйдешь на улицу
Подышать свежим воздухом —
И ты уже нечеловек-видимка,
Идущий по жизни незамеченным.

В изящной словесности главное достижение современной Сети в том, что за короткий срок она создала, сформировала и объединила самодостаточное сообщество поэтов в организованную поэтомассу, поэтотолпу. И это позволило поэзии выйти или даже, если хотите, выпасть из политического контекста истории, что бы активно существовать самой по себе в своем собственном пространстве, даже игнорируя читателя, сделав своими читателями таких же производителей стихов. По существованию поэтомассы производит и потребляет стихи, создав замкнутый круг творчества, куда каждый может легко проникнуть и столь же легко выйти. В этом открытом пространстве массовой поэзии Поэт перестаёт служить идеям, а молится только Слову, сосредоточив в нём новое чувство Бога-отца, сына и святого духа. Поэт сознательно отказывается быть носителем идеологий и учений, а становится простым, часто незаменимым работником языка. Вдыхая Слово, как чистый дух, он стремится взамен выдохнуть вокруг себя чистые стихи, хотя при этом очень часто нарушает принятые каноны стихотворного сложения. За это его часто обвиняют в графоманстве, но он не обижается, а продолжает записывать свои даже корявые строки, где-то в коллективном подсознании надеясь, что его роль не менее важна, чем роль хлебопашца. Недаром замечено, что Поэт живет при любом режиме, каждый режим чахнет без Поэта.

Мне кажется, когда большая масса образованных людей продолжает создавать русскую литературу в сети и на бумаге без всякого шанса и надежды на этом заработать хотя бы на примитивную материальную жизнь, говорить о закате словесности в России — преждевременно. Тем не менее, у меня есть две версии: одна оптимистическая, другая пессимистическая, но, мне кажется, они где-то сойдутся, как бесконечные параллельные прямые Лобачевского. Сочинять и публиковаться за счет свободы сети будут больше, и проблема качества — это проблема восприятия, и в этом смысле я смотрю оптимистично. Но читать станут меньше, и в этом мой пессимистический прогноз. Оптимальным станет количество читателя не случайного, который от скуки берется за книгу или сборник стихов, а профессионального. И если такие читатели найдут друг друга, регулярно станут обмениваться мнениями, посылать друг другу ссылки, то тогда литература выживет для какой-то пока нам неведомой новой сверхзадачи неуязвимого Дон Кихота. Литературе, как я думаю или мечтаю, в целом пока ничего не угрожает. Сократить читательский и, как следствие, коммерческий спрос сможет только навалившаяся всеобщая гуманитарная безграмотность, а за ней и дебилизация большей части населения. Об этом еще двадцать лет назад мне говорил один крупный хозяйственный деятель эпохи заката развитого социализма. Но он говорил об очень далекой перспективе. А мы ее ощущаем уже сегодня.

Век двадцатый истлел...

Степану Пшенникову

Век двадцатый истлел —
У виска лишь звенит тишина.
Вечность снова заводит
Восходно-закатное время.
Как поэту жилось
В непрошедшие времена,
Помнит только одно
Нерожденное поколение.
Мы не знали друг друга,
Но мною ты будешь воспет,
Потому что вливал
В нашу пропасть стихами надежду.
И душой прикармливал
Беспощадно красивую смерть,
Что умело скрывалась
Невестою в белых одеждах.
Век двадцатый замешан
На поте любви и войны.
Сколько вас, нерожденных,
Ушло в поминальную Лету!
Жизнь, сыгравшая смерть
На подмостках прогнившей страны,
Поместилась в слезах
Не познавшего роли поэта.
Век двадцатый истлел,
У виска лишь звенит тишина.
Вечность снова заводит
Восходно-закатное время.
Как живется, поэт,
В непрошедшие времена
Знает только моё
Нерожденное поколение

И слеза с слезою говорит

* * *

Кто высушил на новостях мозги,
В поту лица нам тайны добывая,
Тот любит слушать правду о других,
Старательно свою от всех скрывая!

* * *

Поднялась ты за мной высоко,
Села рядом на звёздный карниз.
Подниматься было легко,

Ещё проще сорваться вниз.
Ты об этом не забывай
Средь молочнозвёздной глуши...
Прорастают мои слова
На обломках бессмертной души!

* * *

Жизнь замесить руками,
Оставив бессмертью перо.
Вечность считать веками,
Целуя в обугленный рот.
И раскаленной пылью
Зрячим глаза обожгли.
Уходят миры слепые
На поиски новой земли.

* * *

Отгрешим и муками души
Вновь постигнем жизненное благо.
Приживёмся совестью в глуши,
Что себя не замарала стягом
Государства, где чаи гонять
Для поддержки сил необходимо
И откуда можно лишь понять,
Как в России станет нелюдимо.

* * *

Туда, где всё притаилось,
Сбежав от житейских прикрас,
Вымаливать позднюю милость
Является каждый из нас.
И звёздного неба приплодом
Осветится всяка душа.
И высшего мира свобода
Приучит нас жить не спеша.

* * *

Давай с тобой, любимая, поплачем
Над предстоящим выходом из круга.
Пусть будет наперед слезой оплачен
Дальнейший путь, где жить нам друг без друга.
Давай с тобой, любимая, поплачем,
Когда взаимность всё ещё горит,
И, может быть, судьбу переиначим,
Пока слеза с слезою говорит!

* * *

Сколько раз он искал
Бессмертной любви, как ветер,
Семь раз женился, и дети
От каждой супруги в миру росли.

Но больше всего огорчился
Не тому, что любви не встретил,
А тому, что его искали
И тоже ведь не нашли.

Все выживет...

Все выживет, что смысла не имеет,
А что познало форму — разрушимо!
Бессмыслица — вот двигатель прогресса,
Грядущему опора и подмога!

Все сгинет, что реальных очертаний
Под муками рождения добилось.
Лишь движимый любовным состраданьем
Невидимо для видимых творит.

Спасется все, что форму отрицает!
Гармония — в отсутствии начала!
И кто об этом до сих пор не знает,
Тому полезно будет помолчать.

Бессмертно все, что формы не имеет!
Бессмертному не надобно рождаться!
Бессмертному достаточно не жить!

Русско-еврейская сила

Не могу простить евреям, что они кишат.
Марина Цветаева

*Евреи родственны русским, а немцы
японцам родня...*
Кирилл Ковальджи

1

«Как я отношусь к евреям? Как представитель нееврейской национальности заражен подозрительностью. Но в своей жизни я не встречал плохого, злого, подлого, плетущего заговоры против меня, моей семьи, моей страны еврея. Так как же я должен относиться к евреям? Конечно, подозрительно!

Как у нас с еврейским вопросом? Да все хуже, хуже и хуже! Кажется, что все давно переехали в Израиль, последних показывают по телевизору в новостях, но теперь мы в каждом втором русском подозреваем еврея».

Эту максиму я написал десять лет тому назад. Сегодня она устарела и воспринимается уже как общее место. Но тогда мой закадычный приятель, в семье которого наварен густой бульон российского имперского интернационала, предупредил, что я напрасно столь опасно шучу по этому сложному вопросу, поскольку евреи нация злопамятная и она не прощает

злословия в свой адрес со стороны представителей других национальностей, особенно славян.

— Ты же не еврей? — уточнил он.

— Когда как, — усмехнулся загадочно ваш покорный слуга на нескромный вопрос собеседника. — Когда евреев активно ругают, я всегда прикидываюсь евреем, чем ввожу в замешательство националистов. А когда евреи нагличают, то могу легко стать на сторону антисемитов.

— Опять рискованно злословишь! — серьезно отнесся к моим шуткам приятель.

— А разве это злословие? Это всего лишь легкое смехотворение, — удивился я с чистыми глазами славянина. — Наоборот, я в шутливой форме показал ничтожность антисемитизма.

— Это тебе только кажется, — не согласился с моей легковесностью приятель. — Ты еще посмотришь, как это отзовется в будущем.

И я увидел только сейчас, как это стало. И поэтому ниже вам предстоит прочитать серьезные мои заметы на эту тему.

2

На одной шестой планеты, в рамках нынешних границ Российской Федерации, на обломках бывших СССР и Российской империи, сформировалась новая постнационально-эволюционная сила, которую можно смело именовать русско-еврейской. Александр Солженицын в книге «Двести лет вместе», а вслед за ним его многочисленные апологеты, критики и откровенные хулители этой значительной работы вплотную приблизились к этому выводу, но все же не осмелились публично высказать столь крамольную мысль.

Между тем именно русско-еврейская сила, которая составляет костяк и основу самовосстанавливающегося базиса правящей элиты страны, стала цементирующей в новых попытках России окончательно и бесповоротно войти в состав Европы. Эта крупная национал-социальная сила, в отличие от метафизического евразийства, которое не одно десятилетие шаманит о великой и загадочной русской душе, активно пытается европеизировать страну приемами политического, экономического и партнерского прагматизма. Именно русско-еврейская сила пытается из России выдавить по капле Азию, чтобы отдать очищенную от метафизики страну в объятия Европы. Кто-то может сказать, что выдавливает по капле Азию, чтобы отдать в рабство Европе. Но никто не может точно знать, где России будет удобно, надо ли ей к кому-то примыкать или лежать в вечной зимней спячке в своей берлоге от самых южных до северных морей. В основном мы уже порабощены: наши кладовые, как пуповины, тесно привязаны к европейскому континенту, как когда-то Российская империя пенькой и салом. Впрочем, на сегодняшний момент мы видим, что евразийские силы активно тянут нефтетрубу в сторону Азии, и первым здесь после Японии значится Китай.

Но для нас важно сейчас разобраться не в экономических перипетиях нашей совместной истории, а решить еврейский вопрос на российской ниве. Я должен сказать, что его не существует. На этот вывод наводит новое патриотическое движение — русских фашистов, которое прессует всех инородцев, кроме евреев. Вектор русского национал-активизма в азиатской части, примыкающей к России, в так называемых «желтых» и лицах кавказской национальности. Если мне кто-то задаст вопрос: в каких политических формах сформирована эта русско-еврейская сила, то я легко могу назвать ряд общественных и политических организаций, которые при-

держиваются прозападной политики, к тому же в них мы легко обнаружим синтез славяно-израильской крови. Это партия «Единая Россия», ЛДПР, «Яблоко», КПРФ, СПС, всевозможные творческие союзы — писателей, художников, театральных и кинодеятелей, журналистов. Достаточно вспомнить, что коммунистическое марксистское движение в Россию принесли в том числе и евреи. Они сформировали рабочее движение, начали активно влиять на живопись, театр, литературу, кино. По сути, в России культурный слой построен преимущественно на базе русского языка, но по мысли и практике он еврейский. Вот и поэт Кирилл Ковальджи в своих записках отстраивает эту мысль таким образом. В России нередко «...евреи рассматриваются как устойчивая и неизменная категория, отмеченная роковой печатью этнического происхождения. Извольте сначала определить — кого вы зачислили в евреи? Большинство евреев по рождению, с которыми мне приходится сталкиваться, это ассимилированные россияне...». В тех же записках К. Ковальджи обращает наше внимание на то, что марксизм был мощным интернациональным учением и заметную роль в нем играли евреи потому, что чувствовали себя пасынками в странах, где родились. Поэтому спасались революцией. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов не считали себя евреями, Сталин — грузином, Дзержинский — поляком, Бухарин — русским. Они были революционерами, подчеркивает поэт К. Ковальджи, упорно обращая наше внимание на факты, а не на эмоции.

3

Я не вкладываю в свой тезис о русско-еврейской силе никакого негативного оттенка, как кому-то может показаться на первый взгляд. Я лишь пытаюсь понять, что формируется в нашем модернизирующемся государстве и к чему нам нужно быть готовым в ближайшем будущем. Лично для меня эта сила олицетворяет возможное новое силовое электрическое поле истории, которое позволит вывести Россию из затянувшегося состояния бесконечного упадка, если эта сила самоосознает себя единой, неделимой и не будет заниматься саморазрушением. Это сила, которая нуждается в серьезном осмыслении и развитии, потому что соединились социально и биологически народы, давшие миру удивительные исторические и духовные личности (воздержусь от перечисления), которые на столетия определили ход всемирной истории, хотя начинались как провинциально-местечковые. Соединенные вместе, они могут сотворить еще многое, не в том смысле, что станет жить лучше или хуже в России, это спорный вопрос оценки, но лучше станет в целом в мире, в том мире, где живет не только «золотой миллиард», но и мы с вами.

4

У меня не так уж и много читателей, еще меньше откликов на мои редкие публикации. Но когда они приходят — это радует душу. Вот один из них, от моего старинного приятеля по журналистскому ремеслу, известного публициста Игоря Королькова на заметки в Интернете: «Мне очень нравится твой стиль: спокойный, мудрый, ироничный, без навязывания своих мыслей кому-то. На днях купил книгу Ричарда Баха «Карманный справочник мессии». В одной из книг он упоминает этот справочник, а затем, видимо, решил издать отдельно собрание мыслей — попыток объяснить мир, себя, время... Там есть прекрасная в своей простоте, глубине и честности фраза: «В этой книге все может оказаться ошибкой». По-моему, в твоих рассуждениях всегда присутствует эта же мысль».

Я посчитал, что слова Ричарда Баха «В этой книге все может оказаться ошибкой» действительно можно считать эпиграфом ко многим моим размышлениям, особенно к тем, что вы прочитали выше. Сначала я хотел сделать их эпиграфом, но потом рассудил, что в качестве послесловия они придадут заметкам драматический характер, который часто присутствует незримо в человеческом бытовании независимо от вероисповедания, а тем более расы или национальности.

Р. С.: Эту выписку я сделал после того, как написал заметки «Русско-еврейская сила», но как она точно ложится в колею моих размышлений, которые вы только что прочитали, дорогие мои единомышленники!

«Вы помните, что говорил Розанов? Главные русофилы и патриоты России — это либо евреи с Кавказа, либо немецкие аристократы. Кстати, это совершенно точно. Так и должно быть.

Почему? Потому что профессиональное русофильство и патриотизм, писал Розанов, это ведь нерусское дело. А что, плохо, а? Потому что «истинно русский патриот» очень быстро становится погромщиком. А немцы и евреи — люди приличные и деловые, и почему-то любящие русских!» (Александр Пятигорский)

Антон СТРИЖАК

antz

(Чехов, Московская область)

Мне 31 год. Родился и живу в подмосковном Чехове. Образование высшее техническое — инженер связи, каковым и работал до 2005 г. В настоящее время переквалифицировался в программисты. Неженат. Стихи осознанно пишу лет с девятнадцати. Учителями считаю Есенина, Бродского, Гандлевского, Дениса Новикова, Алексея Цветкова — эти, пожалуй, повлияли наиболее сильно. Надеюсь, что не слишком им подражаю.

И когда-нибудь взвзвить...

И когда-нибудь взвзвить, и покрыть собеседника матом,
и, глаза возведя к потолку, спросить небеса —
почему ты сидишь и считаешь себя виноватым
в том, что в жизни его наступила не та полоса.

В привокзальном кафе, за столом в неизменной блевоте,
в окружении бомжей, утонув в сигаретном чаду,
цедишь водку сквозь зубы и всё говоришь о работе,
а хотел о другом. И в постылую эту дуду

дуешь месяцы, годы, века. Но чем дальше — тем чище
этот звук, что теряется в гуле чужих голосов.
И за пазухой прячешь ты — грязный, потрепанный, нищий
белый камень, что бросишь на чашу последних весов.

Вот и осень пришла...

Вот и осень пришла — подкатила, как к горлу комок
и зашторила небо, и вешает чёрный замок
на зелёные двери в леса, и бормочет невнятно,
что неплохо бы листья с деревьев убрать поскорей,
потому что зима будет ранней. И зелень дверей
покрывают неровные бурые пятна.

Вот и осень пришла — с дыроколом в дорожной суме
и приводит в порядок дела к предстоящей зиме,
подшивая листву в аккуратные серые папки.
Убирает в музей экспонаты из летних времён —
надувные матрасы, панамы, мячи, бадминтон,
волейбольные сетки, сифоны и пляжные тапки.

Вот и осень пришла — расплескала блестящую ртуть,
по ночам забирается в окна и давит на грудь,
так что вдруг просыпаешься от недостатка дыхания
и лежишь на измятой постели в тисках тишины,
словно пробуя зуб языком, вспоминаешь недавние сны
и глядишь в потолок на корявых теней колыханье.

И молчишь сам с собою от имени тех, кто пока
не умеет с тобою найти одного языка
и не может тебя обнадёжить спасительной ложью.
С потолка переводишь свой взгляд на оконный проём,
где звезда со звездой тоскуют о чём-то своём
в той дали, где всё время зима и пока бездорожье.

Им оттуда всё кажется проще: листвою шурша,
осень бродит по старой планете и, судьбы верша,
их листает, как будто потёртую старую книгу,
где полно белых пятен и вырванных с корнем листов,
где названия глав — имена, и сожженье мостов,
занимавшее в жизни года, здесь приравнено к мигу.

Блуждая по квартире...

Блуждая по квартире, набредёшь
на телефон и номер наберёшь.
Тебе ответят «Да» или «Алло»
или «Я слушаю», но, как назло,
слова — все те, которые ты знал,
их говорил, стихи из них писал —
все, как одно, столпились у ключиц,
наверх выталкивая только «Из-
вините, я ошибся». И затем —
короткие гудки. Ну и зачем
людей тревожить было? Всюду тишь
ненарушаемая. И стоишь
у телефона полным мудаком.
Так было и вот с этим вот стихом.
К нему я подступался, трепеща
и воспаряя, думая : «Ну, ща!»,
но кто-то вдруг пресечь движеньем рук
успел готовый выпростаться звук
и наложил узорную печать
мне на уста, чтоб мог я лишь мычать
и истину его едва-едва
сумел облечь в убогие слова
и высказаться так, чтоб вы не знали,
как это всё звучит в оригинале.

Отдельное стихотворение

Живёшь и всюю ненавидишь
душой какого-то козла.
Порой на улице увидишь
и спрашиваешь: «Как дела?
Как дети (если таковые
имеются), работа, дом?»
А в мыслях — хрясь ему по вые,
потом куда-то — сапогом
и, как в тумане, ищешь палку,
верёвку, камень, прут, наган,
а сам — обратно зажигалку
кладёшь во внутренний карман
и, сделав первую затяжку,
выслушивая про детей,
счищаешь пёсию какашку
с подошвы обуви своей.

Из раннего

Зима в подвале когти точит.
Прошли года, И вот уже
никто торжествовать не хочет,
упрятав дровни в гараже.
Под скользким небом серый город
готов к осаде. По утрам
Выходишь, поднимая ворот
в него, открытый всем ветрам.
И в нём — холодном, неуютном,
застывшем в снежной тишине,
как в некоем сиюминутном —
нелепом и кошмарном сне —
устало бродишь в нём, отчаясь
назвать хоть что-нибудь своим,
с людьми ненужными встречаясь
и руки пожимая им.
И в этой вымершей пустыне,
где не с кем нечего делить
вдруг понимаешь, что отныне
уже не сможешь разлюбить
и эту слякоть у подъезда,
и жизнь, кидающую в дрожь,
и Богом проклятое место,
где ты родился и живёшь,
и грязно-серые обои,
и поцарапанный паркет...
И это небо голубое —
одно на тысячу планет.

Октябрь бродит нудный

Октябрь бродит нудный, как еврей-старьевщик, барахло с собой таская.
А впрочем, репутация такая
у всех его собратьев-октябрей.
Стоит, бубнит, ссутулясь, у дверей,
наружу никого не выпуская.
И водит за собой на поводке
осенний ветер из породы псовых.
Искусан каждый первый в городке
всклокоченным глотателем берцовых
костей деревьев. Ощущая власть
свою, он страшно раскрывает пасть
и по-щенячьи с листьями играет
и каждый день под вечер умирает,
а ночью оживает и скулит
и шторами в квартирах шевелит
и запертые двери отпирает
и дань людскими снами собирает,
но ты не спишь и голова болит,
а ветер вдруг среди своих стенаний
колышет тупой иглой напоминаний
о старом, позабытом всеми долге
и ты встаёшь, прошаркиваешь к полке,
отхаркивая тысячи ангин,
в потёмках вяло ищешь анальгин.

Ваша светлость! В самом деле...

Ваша светлость! В самом деле
смерть приходит не с косой,
а с бутылкой, в самом деле
и варёной колбасой.
И в своей дорожной сумке
смерть приносит — спору нет —
две захватанные рюмки
и печёночный паштет.
Так всё время и бывает —
смерть садится у стола,
и бутылку открывает,
и глядится в зеркала.
Но они не отражают
смерти хмурого лица
и за это уважают
все подругу мертвеца
и смеются: «Что вы, что вы!»,
поджимая куцый хвост
и поддерживать готовы
идиотский самый тост.

И по этой вот причине,
особливо по утрам,
мы, поддавшись кручине,
очень часто умирам.

АНЖЕЛА

111111

(Киев)

На некоторых этажах безбрежной литературной Сети ее можно повстречать как Алежну. А всегда-таки решетовской Общалки знают ее еще и как Квітку Хвиолетову Ушастую. Вкусно готовит и не менее вкусно — пишет стихи.

Реприза

И прорастает сон-трава
сквозь рыхлого сознания вату...
так бессознательно права
и так безвинно виновата.
И фиолетовая боль
течет, пульсируя из вены...
Последний раз, играя роль,
Заснет паяц подлунной сцены.
Сомкнется занавес небес
и грянет гром аплодисментов.
Кто снимет, ангел или бес,
застывшей плоти дивиденды?
И звездной пылью божество
осыплется в Грааля чашу,
но продолжая торжество
жизнь на фарватер смерти ляжет...

По руслу высохшей реки
течет из бездны свет репризы...

Запястье жизненной руки
украшено браслетом тризны...

* * * * *

Из никакого дня,
разбавленного ночью,
Восходит раскаленное Светило.
Растянуты мгновенья в многоточья.....
Туманностью небесное кадило
окурит Ночь, рождающую мудрость.
Весь мир замрет... Чуть скрипнет тишина
И Выдохнет планета: С добрым утром.

Добро и зло смешается. Волна
дневная смоем кляксу этой ночи
И выцветет злотых созвездий бязь.
И кто-то очень робко пробормочет:
Позвольте с Ночью мне поздравить Вас.

Окончен бал... и черный саван ночи
прошит иглою солнечного дня.
Мой юный день лучом посланье строчит,
сжигая черновик в пылу огня .
А ночь моя, запрытавшись за спину,
барахтается тенью под ногой...
Сплетает Мастер Время паутину...
Сейчас король ты, через час — изгой.
А тот, кто изгнан был опять в фаворе.
В лучах прощания рождается привет.
Тот, кто не плавал, тот не знает моря ...
Кто видит только днем, тот не поэт.

Мне нравится

Мне нравится
читать стихи дождя
в стихийности небесного крещенья
и возвращаться, даже уходя
за грань субботы,
в платье воскресенья.

Мне нравится
рукой ласкать рассвет
и приручать речной, строптивый ветер.
Вновь находя сто «да» на твое «нет»,
Встречать с улыбкой
жизни нашей вечер.

Мне нравится
В обычный божий день...
горящую в огне благотворенья,
благодарить березовую тень,
танцующую
танец сотворенья.

Мне нравится...

Алёна КИРИЛИНА

akir

(Москва)

Я не куколка, а баба с опытом; да, еще Стерва-вся-Стихиры и Укротительница Дефственников. Живу в Москве, уже 14-й год. До этого жила в Рязани, еще более до этого — в Саратовской губернии (степные деушки — тонкие да звонкие; но это не я придумала). В данный момент мое семейство: сын и две кошки. Первый стих написала (именно что — написала; и ведь долго мучилась!) что-то лет в семь. А потом, лет с 12-ти, когда начался первый период нахлбучки, я стала их просто записывать. Нахлбучек с той поры было несколько, а вот манеру обращения со стихами изменить я так и не удосужилась — по-прежнему их записываю, и крайне не люблю над ними «работать».

Кстати, их можно почитать на сайтах «Stihi.ru» (Alena Kirilina, самое полное собрание сочинений), «Stih.ru» (akir), «Resheto.ru» (опять же — akir), «Rifma.ru» (Алена Кирилина), «Termitnik.ru» (тоже — Алена Кирилина), «Rifma.com.ru» (она же)... может, еще где-то есть, только я не помню. В сборниках так и не поучаствовала, поскольку — лениво.

Кроме своей красоты (что бесспорно) и великолепия ног (что общепризнанно), известна трогательной любовью к Дефственникам, нашедшей отражение в специальном цикле стихов. Ну, а благодаря общей стервозности организма и неумения ее скрывать (в стихах — в том числе), а также любви к собрать-себе-подобных-вмогучую-кучку на Вечерах Стервозной поэзии, была прозвана Основательницей стервозного течения поэзии, чем практически горжусь и за что не пинает меня только ленивый. Да и вообще, постоянно придумываю какие-нибудь idiotские затеи, но, слава Б-гу, не все довожу до конца.

До озноба

Я люблю тебя до озноба,
до тоски в пяти километрах.
Ветрен ты,
и моя особа
вряд ли выдержит этот бой...
Ты отчаянно переменчив,
в этом — буднично-постоянен.
Странен мне — как любой из женщин —
истеричный характер твой.

Уезжала к другим, пытаюсь
Хоть на день обрести надежду,
(прежде я —
или мне казалось —
не боялась терять покой).
Результат же — один: я снова

гибну в нескольких километрах...
Ветрен, но
всё же — коронован
быть не городом,
а — судьбой...

Русалочка

Ради тебя — безрассудно, знаю, —
Сладким шампанским стекло пила —
Ведьмин отвар, чтобы суть иная
В рыбьем обличье приют нашла.
Голос волшебный — морскую лиру-
Я без раздумья отдам за то,
Чтобы в твоём неизвестном мире
На каблучках танцевать бостон.
Буду теперь (и пусть мне дороги
в пятки вонзает земная твердь),
Кровью стекая тебе под ноги,
Губы кусая, в глаза смотреть
Молча... Навеки нема... навеки...
Знаешь ли цену ТАКОЙ цене?
Знаешь ли, как набухают веки
Тяжестью слов, недоступных мне.
Сердцем любить и не только...каждой
Клеткой, секундой, надеждой и
Наверняка знать, что ты однажды
Станешь, отдавшись любви, чужим...

Ради тебя (чтоб не стало горше),
Ведьминой кухни отведав яд,
Вдаль уходя, стану звёздной крошкой
В тех небесах, что тебя хранят...

(Между прочим, «Русалочка» Алёны Кирилиной была одним из двух главных претендентов на победу в поэтическом конкурсе, проводившемся на «Решете» весной 2005 года в связи с 200-летием Ханса Кристиана Андерсена. Это одно из тех стихотворений, в которых автор выплескивается до самого дна)

Разговор у подъезда в день похорон Мастера и Маргариты

Пурпура — только на шапку малую,
Золота — только на вензель «Эм»,
Лужи стекали в окно подвала...
Мужа ведь бросила! А зачем?

Мастер? Угу... одного творенья...
Не говорите... взорвусь еще:

Сделал подарок на день рожденья —
Новую ей главу прочел.

Бал? Как же, помню: стоит нагая.
Он даже платье не смог купить.
Так экономил — я точно знаю —
Старый халат не давал носить!

Там на балу был весь цвет? А как же!
Тот еще, знаете, коленкор!
Пальцем, не глядя, — убийца каждый,
А не убийца, так значит — вор...

Видано ль дело, травились оба.
Вместе хотели, вишь, умереть.
Гляньте, выносят пустых два гроба...
Где же тела? Так исчезли ведь!

Да, неспроста! Снова треплют нервы.
Нет, чтоб попроще — в земле лежать.

Эта Марго, говорю вам, стерва!
Ей там — покой, ну а мне — страдать!

Последняя записка. Муж Марго

Вот так вот просто — ходил на службу,
А в перерыве ел бутерброды;
Ждал, не любви — так хотя бы дружбы,
Не понимания — так заботы;
Дарил подарки не в праздник только,
Носил букеты, водил в театры,
Справлял к сезону песцы и норки,
И к каждой сумке — свои караты...

Чего добился? Она — исчезла...
Пришел с работы — в квартире гулко.
Сиди, и думай — а вдруг зарезал
Бандит какой-нибудь в переулке.
Вот так вот просто... звонки по моргам,
Больницам; лепет подруг бессвязный;
И воспаленным, усталым мозгом
Непониманье: за что наказан?..

И вот однажды — в двери записка:
«Прости, — ушла без предупрежденья.
Ты прост и ясен, порою — слишком.
А он... Ты знаешь, он — просто гений.
Ему — нужна, ведь пока — не признан.
А ты — сумеешь, ведь ты так занят».

И каждым словом — кусочек жизни
Из вен и сердца, миную память...

Нашел их адрес. Живут в подвале.
Весь потолок в плесневелых пятнах.
Он — был рассеян, я был — лоялен.
Она — с тревогой в глаза: «Ну, как он?»
...Она поблекла. На лбу — морщинки,
На босу ногу надеты туфли,
Стянула хвостик простой резинкой,
«Шанель» сменила на запах кухни.

Вот так вот просто — сменила кожу,
Меня отбросив как хвост сезонный.
Уже не нужен, забыт... ну, что же...
Что ей теперь все мои резоны?

Впервые в жизни сегодня плакал,
Когда узнал, что её нет больше..
Читал роман; ощущал — Пилатом.
Она — права:
он ведь — Мастер...
Точка!

Бабья немощь

От слабости бабьей, и от одиночества
Укрыться телами, упругими, юными.
Ах, Божечки, разве мне многого хочется?
Ах, Господи, дай погрузиться в бездумие.
Какая любовь, если плечи спиралями
Вокруг позвоночника скручены похотью?
Немножко тошнит от прилива желания;
Немного — смущаюсь.
Как, черт возьми, плохо мне!
Взять тело — в охапку, пусть будет обманчиво;
Диктатом влагилица спишется многое.
Зря, что ли, мечты свои переиначила? —
Всё ради того, чтоб не быть одинокою.
...От дрожи тоскливой, от слабости немощной
Спасаясь по-бабьи в руках перво-встреченных.
Я утром опять буду сильною женщиной,
Забывшись в объятьях чужих этим вечером.

Всё перемелется

Стеклышки, кружево, болтики, фантики —
Мир мой разрушенный сложен в карманчике.
Все перемешано, в крошки размолото,

Что не надорвано — точно расколото.
Строила, маялась, — зря, не иначе как,
Ведь зеркала растеряли всех зайчиков:
Как ни крути, даже блика не вызовешь.
Бережно мозг на ладонь — потерпи, малыш.
Все перемелется, крошки спаяются,
Выживет девица — зря, что ль, старается?
Колышки сердце отторгнет как чуждое...
Где же ты, тело, сегодня не нужное?
Чьи же подушки затылок баюкают?
Мелется, мелется новая мука мне.
Вымелет новое, выбросит старое.
Бочкою с порохом заново стану я,
И — разорвусь, и запрыгают зайчики:
Стеклышки, кружево, болтики, фантики.

Письмо Принцу

Я знаю, что ты где-то строишь свой личный рай,
Сажаешь деревья, возводишь огромный дом.
Но ведь без меня даже замок — почти сарай,
Особенно если рассчитан, чтоб жить вдвоем.
Ты к дальним планетам высчитываешь маршрут,
Мечтаешь о звездах, что только во снах — видны.
А я бы могла создавать для тебя уют,
Рубашки наглаживать, к завтраку печь блины.
Ты где-то воюешь с драконами день и ночь,
Сокровища ищешь на брошенных островах.
Но замуж могла бы уже выйти наша дочь,
И сын бы женился (вдруг бы их было — два?)
Ты фрейлинам чьим-то наряды мнешь и постель,
Плетешь кружева из стихов для прекрасных дам.
А я... я умру от того, что со мной не те
Играют в героев не мной сочиненных драм.
А может, и — нет, может просто — уйду в себя,
И буду — как все — на скамейке носки вязать.
И выпью снотворное... «Скорая» скажет — яд.
И в справке напишут просто: «Устала ждать».
Я правда — устала. Знаешь, уже давно
Я не просыпаюсь ночью на стук копыт;
Спасаясь от сквозняков, по ночам окно
Плотней закрываю — ведь вряд ли кто постучит,
Попросит ночлег, и предложит взамен — свой рай.
А время морщины рисует, впадая в раж.
А замок любой без любви — разве что сарай,
Принцесса без Принца — так, разве что типаж...

Скажи, разве нашей Сказки печален край?
И разве так важно — прожить череду утех?
Давно бы на белом коне прискакал за мной...
Ведь я... я — умру, оттого, что со мной — не те...

Александр СМИРНОВ**alex59**

(Москва)

Родился в Ленинграде в 1959 году. По основному роду занятий — врач-кардиолог, профессор, руководит одной из крупных кардиологических клиник Москвы. Свободное время (которого, в общем-то, немного) отдает художественной литературе. В 2003 и 2004 гг. московское издательство «Высшее образование и наука» выпустило два научно-фантастических романа Александра Смирнова — «Мираж в эдемском саду» и «На задворках вселенной», а в 2006-м в издательстве «Алмаз» вышел сборник его стихов. Все эти издания можно найти в библиотеке Мошкова на Рамблере и в библиотеке «Поэзия.ru». С 2004 г. — член Союза писателей РФ (Московской писательской организации).

Расставание

Порвалась нить взаимопониманья,
Как тонкая, гитарная струна.
Сказал тебе я тихо: «До свиданья».
И вынырнул из розового сна....

В моей душе, как в гибнущей вселенной,
Созвездья гасли, наползала тьма....
А на Земле шел дождь обыкновенный.
Все было мокрым: улицы, дома....

И вот, когда твой силуэт скользкий
Упал в сырой, клубящийся туман,
Мне по глазам ударил свет слепящий,
И в двух шагах пронесся ураган.

Мне показалось, что судьба чужая
Промчалась мимо, не задев меня.
Я обернулся, взглядом провожая,
Два красных, убегающих огня....

Грустная зимняя сказка

Падает снег... тихо, торжественно....
Сосны восторженно шепчут друг другу:
«Как хорошо!.. Как чудесно!.. Божественно!..
К вечеру ждем настоящую выюгу....»

Ветер рыдает в серебряных кронах —
Грустную сказку ему рассказали
Маленькие фантазерки-вороны,
Те, что весь снег во дворе истоптали.

Сказку про то, как «Нечистая Сила»
Крошки-сапожки у них отобрала,
Лапки крутым кипятком обварила,
В лютый мороз из избушки прогнала.

Жалются бедные ветру на холод,
Сильную боль в коченеющих лапках.
Ветру их жалко. Ветер не молод.
Ветру сейчас бы соломы охапку,

Чтобы забиться и спать до капли,
Спать, пока зелень не выйдет из почек,
Спать и сосать из соломенной прели...
Влагу и думать, что это цветочек.

Бог рядом

Как проще обратиться к Богу
За отпущением грехов?..
«Ступайте в Церковь, в Синагогу,
В Мечеть...» — Вам скажет богослов...

Хотите получить причастье?..
Я вам хороший дам совет.
Коснитесь женского запястья...
Не думайте, что это бред!..
Ведь Бог живет отнюдь не в храме,
За золоченым алтарем.
Он в девушке любимой, в маме...
В жене, что возится с бельем...

Эксперимент

Была обычная суббота.
Заканчивался трудный год.
Пришел Ученый на работу
Писать свой годовой отчет.
Решил он, заодно, блестящий
Осуществить эксперимент
К тому же, самый подходящий
Настал для этого момент.

Суббота (это каждый знает) —
День для работы «золотой».

Никто тебя не отвлекает:
У всех законный выходной.

Вошел ученый в зал просторный,
Пиджак неторопливо снял,
Пустой штатив лабораторный
Из белой тумбочки достал.
Открыл малюсенький флакончик.
Как следует его встряхнул,
И тоненькой иголки кончик
В густую жидкость окунул.
Пробирку взял с ближайшей полки,
Бульончика в нее налил,
И мокрым острием иголки
Тихонько в ней поширудил.

Стоял он, молча наблюдая
За ростом пленки на стекле,
И видел, что нас ожидает
В грядущего туманной мгле.

Он видел, как в морской пучине
Кусочки слизи поплывут,
Как по засохшей, серой тине
На берег рыбы проползут...
Как у рептилии на коже
Появится густая шерсть,
Как обезьяна, корча рожи,
Из ветки изготовит шест...
И как планета содрогнется,
Неволью ускоряя бег,
Когда под деревом проснется
«Разумный» первый человек.
Потянется слегка вальяжно,
Осмотрится по сторонам, зевнет...
И с воем жутким и протяжным
Кого-нибудь, тотчас, убьет.
И будет убивать без счета:
И по нужде, и просто так,
И на войне и на охоте,
В хмельном бою на кулаках...
В разгар веселой вечеринки
С друзьями за одним столом...
Насмешкой, гнусной анонимкой,
Угрозой, подлым шантажом....
В правительственном кабинете,
Подписывая документ,
На пышном, праздничном банкете,
Под лицемерный комплимент...
Он в дикой гонке за наживой,
Удобный улучив момент,
Политикой своею лживой

Угробит целый континент.
И с горсткой скарёдных подонков,
Таких же в точности, как он,
Отнимет у своих потомков
Все то, что составляет дом:
Зелёные равнины, горы,
Дожди, упавшие с небес,
Моря, зеркальные озера,
Приветливо шумящий лес...

Планету, на которой детство
Его счастливое прошло,
Не передаст он по наследству
Законам логики назло.

Он - сумасшедший, безусловно.
Он глух к стенаниям и мольбам.
Свой мир убьёт он хладнокровно
И вместе с ним погибнет сам.

.....

Великий Экспериментатор
Пробирку пару раз встряхнул,
Заткнул ее кусочком ваты
И медленно в штатив воткнул...

Андрян НИТКИН Flax

(Санкт-Петербург)

«Мне 32 года. Живу в Питере. Женат, четырехлетний сын пошел в садик. Пишу разные штуки, что вижу. Считаю себя стихотворцем, не по-этом. Открыл новое литературное течение — номинализм, написал три программных статьи. Считаю, что литературные течения — это поиск себя в мире, выход поэта от себя к себе. Из прозы не для Интернета — куча замыслов и один роман. Публикуемый рассказ — аллюзия на русское в себе, вольная фантазия на рус-

скую тему. “Беседа с Зайцем” — милая игрушка, для меня мой любимый рассказ — “Парадокс Платона о Сократе”».

Беседа с Зайцем

Заяц в наших краях — чудак.

Бывало, идёшь на охоту, ружьишко через плечо, верный Трезорка рядом. Вдруг — рысак, Трезорка вот-вот зайчишку нагонит и тут: эхма, заяц замер — задумался, значит.

Задумавшегося зайца пуля не берёт, хищник за версту обходит, от земли такого не оторвать — как вращает в землю, уши пудовыми становятся. Если заяц задумался — охоте конец: может пару месяцев, а то и лет думать. Коль в наших лесах заблудился и почуял, что кто-то в твоей голове шарит, знай: то заяц. Задуматься заяц и на лету может, так и будет висеть, пока не свалится. Раз решил я разузнать, кто у зайцев за главного. Выследил лубяну избушку. Перед ней на постаменте — памятник Деду Мазаю, зайцы как мимо проходят, кланяются. Сижу, слушаю, а тут кто-то как гаркнет:

— Входи, докука, неча хорониться!

— Прохор я.

— Знаю, садись. Почаёвничаем?

Перетрухнул я страшно, хорохорюсь:

— А чёб чаище-то не погонять?

Передо мной Зайчище — глыба: седой, усищи огромны, бородачи больша, кустиста, лопатиста, у Зайца усищи всё, ушами пол метёт.

Смотрю, зайцы самовар уже ладят и так это споро у них выходит.

— Ну, спрашивай.

— Всё хотел узнать, на чью разведку наши зайцы работают?

Сидим, чай попиваем, у Зайца усищи всё в кружку лезут, мокнут, вскоре весь чай из кружки в усы перекочевал...

— Хм... На меня работают, Голубиную Книгу пишу.

— Это как?

— Что в жизни важно? Дать дитям правильное представление о мире. А мир это что?

— Что?

— Морква. Где корнеплод это что?
— Что?
— Мир нутряной или что?
— Что?
— Микрокосым! А макрокосым это что?
— Что?
— Мир внешний или что?
— Что?
— Ботва. То-то. Придётся домой, дитям расскажи.
— А то! Токма, как тебя-то дитям назвать? Кто ты?
— Я — идея или метафора зайца, Всех Зайцев Дед. Так меня зайцы и зовут — Вездед.

Не помнил, как и дома очутился.

А на зайца у нас уже давно не охотятся... хотя сорвиголовы у нас на задумавшегося зайца ловчую птицу ловят. Коршун на замершего пикирует, только мешок подставляй! Вот такие они, зайцы!

Патрисия ТОМПСОН

Patricia

(Тула)

Женщина-кошка. Родилась, живет и творит в Туле. Стихи начала писать от безысходности, поскольку рифмованную в столбик прозу в провинциях не понимали. Любит. Нравится. Увлекается. Старательно наблюдает окружающую действительность и то, чего не понимает, додумывает как бог на душу пошлет. Потом страдает. От этого снова пишет стихи. Любит запах роз, не любит запах розового масла. Любит клубнику, шоколад и мороженое, не любит клубничное и шоколадное мороженое. По-прежнему заблуждается, что два человека могут понять друг друга,

но не всегда вспоминает ключевое «если они того захотят». Имеет в собственности половину Вселенной, подаренную ей по неосмотрительности.

Построение образа идеального героя в виртуальном мире

*Горький опыт. :) Все совпадения случайны,
ни одно животное не пострадало.*

Давние страхи рассыпались мелкими искрами.
Снова готова вдохнуть, без истерик и спазмов.
Разве могу я тебя не придумать? не выстроить
Образ красивый из горсти рассыпанных пазлов?

Не удержаться, а стало быть — в чашу дремучую.
Не возвратиться — и я поняла это сразу.
Только фантазии душу больную измучили,
Значит, пора ампутировать эту заразу.

Может, не принц ты, но тайной по горло укутанный.
Бабы ведутся — выходит, не так уж и страшен.
Прячешь под маской смиренья другую — распутную.
(Тут неизвестно, в которой из масок ты краше).

Вроде, умен. Образован. Ну да, не без этого!
Молод ли? К черту, сегодня приветствуем опыт.
Сколько тебе? Тридцать пять? Пятьдесят? Фиолетово!
(Тот, кто не верит — поднялся, собрался и — в попу!)

Дальше. И глубже. И... ух, увлеклась не по делу я!
Что там в сценарии? Боже, ну как это мило!
«Хочешь меня? Ненасытную, мягкую, белую?..»
Хочет. Понятно: опять повелась с зоофилом...

Пишу письмо скучающему Марко

No comments :)

Пишу письмо скучающему Марко.
Короткими стежочками по шелку
Я тайное посланье вышиваю,
Что только он сумеет прочитать.

Вот подбираю алый цвет для мака,
А вот для солнца — золотисто-желтый,
Вот зелень травяная — как живая...
(Немного жаль, что ей живой не стать!)

Пишу письмо. Холодной узкой тенью
Я нарушаю целостность структуры
Когда-то непорочной тонкой ткани,
Чистейшей и прозрачной, как весна.

Восторг переплетая со смятением,
Рисую мир практически с натуры,
Короткими неспешными глотками
Свободы напиваясь допьяна...

Пишу письмо. Наверно, слишком долго,
Задумчиво, старательно и вятно.
Пытаюсь всеми красками расцветить
И бисером украсить — как могу.

Уж пальцы в кровь исколоты иголкой,
И на посланье розовые пятна...
А впрочем, может, он и не заметит,
Любуясь ярким маком на лугу!..

Пишу письмо скучающему Марко...

Скучаю...

Я скучаю. Я просто скучаю. А может быть, сложно.
Я немного грущу и тихонько смеюсь, вспоминая,
Как однажды с тобой танцевала, и как непреложны
Были истины наши. И наши ошибки. Не знаю,

Что тогда заставляло поверить в твои аксиомы,
Помогало доказывать чьих-то проблем теоремы.
Мы забыли о том, что реально совсем незнакомы.
А теперь? И теперь незнакомы. Но хрупкие темы

Наших нежных признаний другим, а себе — горьковатых,
Возвращают в реальность — иную, чем мы представляли.

И она возвещает о том, что ошибки чреватые.
Мы застыли в пространстве. А раньше свободно гуляли

По волнам, по камням, по граблям, по далеким планетам,
По фантазиям, снам и еще по чему-то — не помню...
Мы могли бы вернуться по брошенным в воду монетам,
Если б только оставили их в океане огромном...

Если б только не стали сердца запирасть на замочек
В неприступном надежном хранилище, рядом с другими.
Я скучаю. Я просто скучаю. И вижу, как молча
Ты скучаешь по мне, запивая водой мое имя
Цвета топленого молока.

Зеленое

Дождь на ладшки ловлю, мечтаю.
Медленно таю и вырастаю
Стеблем в короне зеленых листьев
На черноземе неверных истин.

На безнадежно пустынном поле
Воли твоей и моей неволи
Прячу следы, хоронясь за шторкой
Мягкой воды под ледовой коркой.

Чувствуют юные струны нервов
Веру мою и твою неверность,
Правду твою и мою бесправность,
Нашу затравленность, миг расправы.

Каждая капля дождя как мячик:
Небо роняет — и слезы скачут.
Падает в землю дождинок блистер
С рук моих веток, с ладоней-листьев.

Дневник одной птицы (обрывки заметок на полях, лесах и реках)

* * * (конец июня)

Первый день. Яркий свет вызывает восторг и трепет.
Скорлупа, что служила мне домом — трухой на лапах.
Солнце дарит тепло, ветерок мои крылья треплет,
И густая трава источает пьянящий запах.

* * * (начало июля)

Здесь, на птичьем дворе, называют меня уродом.
Даже братья и сестры со мной не хотят водиться!
Разве я виноват, что немного другой породы,
Что на них непохожим была мне судьба родиться?

Не такая уж явная разница между нами:
Ну подумаешь, пух мой немного другого цвета!
Только все говорят, что я выгляжу — курам на смех.
А они и смеются. И дразнят меня за это.

* * * (сентябрь)

Я от них не сбежал — я банально не смог остаться.
В атмосфере насмешек и травли я сделал вывод:
Если все на меня одного — то разумней сдаться.
Значит, это не зеркало так беспощадно-криво.

Я никем не любим и — увы! — никому не нужен,
Только солнце одно улыбается мне и греет.
Но и это тепло ненадолго: нагрянет стужа,
И тогда я замерзну. Скорей бы уже, скорее.

* * * (октябрь)

Уж не я ли хотел эту землю слезами выжечь?
Уж не я ли стремился покончить со всем и разом?
Только тянет к теплу непонятная жажда выжить,
И не слушают лапы до дрожи промерзший разум.

Может, в этой избушке, что дым из трубы пускает,
Мне настанет конец. Все равно! И ввалился в двери.
Открываю глаза — чьи-то руки меня ласкают.
Значит, жив. Значит, здесь не боятся уroda-зверя.

* * * (конец марта)

Эти солнце и ветер — нежданное наслаждение.
Этот запах сбивает и с ног, и, похоже, с толку.
Ощущенья такие, как в день моего рождения!
Не пойму, почему — до него же еще так долго.

Снова вспомнил, каким мне на свет довелось родиться —
Сердце ухнуло в пятки, разбилось стеклом витражным...
А вчера надо мной пролетали такие птицы,
Что хотелось кричать от восторга!.. Но было страшно.

*** (май)

Вот и озеро — маленький рай, только мой, похоже.
Здесь спокойно и тихо, и можно плескаться вдоволь.
Заблудившийся ветер прозрачным крылом тревожит
Ветви плачущих ив, что стоят над водой как вдовы.

Здесь туман оседает на землю и мягко тает,
Накрывая зеленую траву, как будто снегом...
И сегодня мой рай обнаружила птичья стая.
Или ангелы это на землю спустились с неба?

Я рванулся поближе, коротким простым движеньем
Бросив серое тело в холодную гладь... и замер:
Я увидел дрожащее в озере отраженье.
Я увидел себя — но другими совсем глазами.

Что с уродливым телом за зиму могло случиться?
Где нелепые крылья и пух, что сбивался комом?..
Я несмело позвал, и на зов обернулись птицы,
И ответили криком — знакомым, до слез знакомым!

*** (май, другое)

Мы смотрели друг другу в глаза, от восторга тая,
Я узнал ее сразу и вмиг захлебнулся страстью...
Я такой, как она! Я прекрасен, я принят в стан!..
Я лечу вместе с нею по лунной дороге — к счастью.

*** (Эпилог)

А на птичьем дворе непроснувшимся утром хмурым
Суежилась хозяйка и сыпала крошки хлеба,
Что-то громко кричали гусыни подругам-курам...
И, забыв о кормушке, уставились утки в небо.

Виртуальное (из ненаписанного)

*Видя нашу насквозь пропитавшую грешность
За отсутствие фальши Бог помилует нас.
© Джейн Назарова*

Поутру мои мысли скрывают ресницы —
Пусть никто не поймет, не узнает. А впрочем...
Сделан шаг: ты уже начинаешь мне сниться.
Ну а я? Сколько раз я была с тобой ночью?

Сколько раз ты в мечтах целовал мои губы?
Сколько раз меня звал? или все же ни разу?

Эта хрупкая ложь нас однажды погубит.
Так разбей ее Об пол, как старую вазу!

И не все ли равно, кто капканы расставил
На пути двух безумцев, на тропке обмана?
Мы уходим придумывать игры без правил,
Мы в реальную жизнь напускаем тумана.

Расширяя пространство немыслимых замков,
Виртуальностью день продлевая до ночи,
Мы живем в своем мире. И мир этот замкнут.
И в назначенный час отпустить нас не хочет.

Слишком сложно понять, убежать, распрощаться,
Слишком страшно проснуться — ведь сон наш прекрасен!
Слишком скучен наш быт, чтоб к нему возвращаться.
Почему ты молчишь? разве ты не согласен?..

Мы не станем рабами ненужного спора.
Только шалости наши не так уж невинны!
Мы с тобой — клептоманы, преступники, воры,
Мы друг друга крадем у вторых половинок...

Если

Если все же захочешь ты быть со мной
Так же нежно и верно, как я мечтала,
Если ты не покинешь меня весной,
Просочившись сквозь пальцы водою талой,
Напоследок обдав лишь потоком брызг,
Чуть согретых руками моими; если
Ты попробуешь зелье с названием «риск»,
Сидя вместе со мною в глубоком кресле,
Если все же решишься решить не так,
Как сейчас, если сделаешь все иначе
И поверишь, что даже простой пустяк,
Даже слово твое — очень много значит,
Если сможешь прогнать наваждение тьмы,
Искушение страха и цепкость дрожи...

То, наверное, счастливы будем мы.
Пусть не вечно, как ты обещал. И все же...

Игорь КОВТУН

garrye95
(Екатеринбург)

«"Когда вода всемирного потопа вернулась вновь к границам берегов..." то первыми высохли самые старые на Земле Уральские горы, где теперь живёт очень много народа, в том числе ваш покорный слуга. И хотя я родился совсем не здесь — это уже не слишком важно, потому что всё здесь особенное — и люди, и природа и даже воздух... Ну а я, я просто живу и всё ещё ищу себя».

Разговор с белой птицей

грустному «зверьку»...

Не верь, что всё предрешено,
Что всё прошло, не повторится...
С годами тоньше лишь вино —
на вкус, а цвет — тебе приснится...

Приснится запах — без сомненья,
И цвет весны, пока несмелой...
Давайте черпать вдохновенье
в теоретических пределах...

Вы слишком дороги кому-то,
чтоб не щадить себя и сердце
в замёрзшем небе — парашюты —
десант любви единоверцев...

В моём саду

старенькое...

В моём саду с приходом холодов
преобладает золото с багрянцем
из года в год с завидным постоянством
вжимаясь в грязь под лапами котов

Они, когда-то жившие в домах,
и ощущавшие на спинах чьи-то руки,
который год гуляют в жёлтой скуке —
торжественной природы закромах

Да что коты, сады и чьи-то руки,
что наша жизнь, ушедшие друзья?
Я слышу только душ молчащих звуки,
всё остальное лишь придумал я...

старый хит

*...сейчас бы в прошлое — наповторять
старых добрых ошибок! ©*

«skin to skin» донеслось из эфира
колокольчиком прошлых дождей
потолки побелели в квартире
вспоминая ушедших вождей

беззаботная, нежная юность
не жалею сейчас ни о чём
ты на песню внезапно вернулась
непокорным весенним ручьём...

бесконечное прошлое лето
память слёзы пытается выжать
остывает, старея планета
под непрочной озоновой крышей

что мне классик — «могла бы и знала» —
время строго в вечернем наряде...
«кожей к коже» меня взволновало
чёрной краской оттаили пряди

солнце светит в дублёные спины
и улыбка у стульев во взгляде
вспоминают тепло от камина
два дивана на мебельном складе...

Чистая логика

гоните прочь просчитанное чудо...

Пятый «б» усиленно корпел над сочинением на тему «Что мне запомнилось в популярных эстрадных песнях». Учительница Клавдия Петровна задумчиво оглядела класс. Через какие-то пять быстротечных лет эти несмышлёныши, из всех сил старающиеся выглядеть взрослыми, начнут самостоятельную жизнь. Что их ждёт? Трудно сказать. Впрочем, за некоторых своих учеников опытная учительница беспокоилась в меньшей степени, полагаясь на немалый опыт и развитую интуицию. Вот, например, Оля Петрова. Очень умная, послушная девочка, отличница, родители работают в академии наук. Наверняка пойдёт по их стопам. Серёжа Абросимов — блестящий математический ум, победитель городских олимпиад. Лучшие ученики.

Яркий солнечный свет запускал весенние зайчики в раскрывающихся заданную тему школьников. Клавдия Петровна перевела взгляд на окно — город готовился к встрече праздника весны и труда. Почти везде висели красные транспаранты, так похожие на своих собратьев из прошлых лет. Вот только в последние годы лозунги постепенно утратили свой обычный сухой стиль и обрели зловещное звучание. Это и радовало, и вызывало смутную тревогу, отмеченную ещё мудрыми китайцами: «не дай вам бог жить в эпоху перемен»... Изменялись не только лозунги — если раньше дети хвастались друг перед другом удачно купленной апельсиновой жвачкой производства Прибалтики, то теперь это казалось невинной попыткой самоутверждения в глазах сверстников.

Звонок прервал размышления заслуженной учительницы и стопка тетрадей на краю её стола возвестила об окончании урока.

Дома, проверяя детские творения, Клавдия Петровна привычно по-доброму улыбалась попыткам найти в понравившихся «шедеврах» современной эстрады некие положительные, по-мнению авторов работ и даже судьбоносные черты. «Песня о городских цветах учит нас бережно относиться к окружающей среде, потому что количество растений в городах очень часто гораздо меньше, чем нужно...»

«Недавно я прослушал по радио концерт мастеров эстрады под названием "лучшие песни последнего десятилетия". Одну песню, которую считают очень известной и популярной, я не совсем понял — в её тексте встречается много ошибок, которые я постараюсь описать. "Капает ли дождь, падает ли снег, под окошком возле дома твоего стою", "По ночам в тиши я пишу стихи, пусть твердят, что пишет каждый в девятнадцать лет". Эти места в песне очень противоречивы и просто подозрительны. Если человеку девятнадцать лет, то он должен, согласно закону о всеобщей воинской обязанности, служить в армии и это ни для кого не секрет. Если такого не происходит, то непонятно почему, если бы у человека были проблемы со здоровьем, то он вряд ли бы стал простаивать дни и ночи под окном, да ещё под дождём. Получается, что человек и в армии не служит, и нигде не работает, а разве такое возможно?..»

Клавдия Петровна вертела в руках свои очки в металлической оправе.

— Володя, ты у нас человек новый и я тебя ещё плохо знаю. Неужели ты действительно мыслишь так рационально? Ведь песня, про которую ты написал рассказывает прежде всего о чувствах молодого человека к девушке, пусть и с некоторыми неточностями... Но ведь это не главное!

Белобрысый парнишка с упрямым выражением лица стоял на своём:

— Я вот недавно читал одну книжку про древних восточных мудрецов, так там была поговорка насчёт того, что тот, кто соврёт в малом, тому нельзя верить и в остальном, более серьёзном. Что касается той песни, так здесь же я использовал доводы чистой логики, разве я не прав, Клавдия Петровна?

Учительница рассеянно кивнула головой.

— Фамилия у тебя — Дорожкин и дорога тебе в милицию после школы. Там такие логики очень нужны. А там, глядишь и государством будешь руководить, наведёшь порядок с такими ошибками.

Клавдия Петровна улыбнулась почти что саркастической улыбкой и почувствовала странно возникшую тяжесть где-то в области души — то ли от ощущения необъяснимой беспомощности, то ли от осознания приближаю-

щейся старости, не понимающей дерзкую молодость, ниспровергающую авторитеты...

Каждые пять лет Клавдия Петровна собирала свой последний десятый класс, после выпуска которого она ушла на заслуженный отдых. Приходили не все, далеко не все... Оля Петрова уехала в Германию, про Серёжу Абросимова уже давно никто ничего не слышал, все остальные устроились кто где — без особых изысков. Володя Дорожкин... Что ж, ему теперь очень некогда — государственные дела требуют полной концентрации. Ничего личного, чистая логика...

С каждой новой встречей образ своего самого логичного ученика постепенно стирался из памяти старого педагога, который, как разведчик никогда не станет «бывшим». Возможно, годы просто брали своё, унося здоровье и истончая нить памяти.

Постепенно встречи в превратившейся в частную гимназию школе прекратились. Клавдия Петровна почти всё своё время проводила дома — с больными ногами много не находишься. Иногда она ставила в радиопу чёрный виниловый диск с песнями своей молодости, рассказывающими о любви и светлая печаль пополам с чувством прекрасных воспоминаний зачастую проливалась слезами на приготовленный платочек.

Если судить по тем песням, которые в изобилии заполнили телевизионный экран, с логикой в стране существовали просто чудовищные проблемы... А однажды заветная пластинка предательски выскользнула из рук и разбилась. Этой ночью Клавдии Петровне снилась школа, такие же молоденькие, как и она сама учительницы, весело щебечущие в учительской новенькой школы. Разговор их жизнерадостен и... спешить уже никуда не нужно — прочь от суеты, вперёд к сиянию непросчитанных, нелогичных, прекрасных чувств... Ничего не закончилось — всё только начинается...

Ирина ИВАНОВА-ЕВСТРАТОВА

ierene
(Москва)

Родилась на Урале, выросла в Белоруссии. Окончив Минский политехнический (БНТУ), уехала к мужу в Россию. Дочь и сын в этом году получили дипломы.

Из небольшого, в общем-то, опыта личного общения, могу утверждать, что Ирина — очень противоречивый человек. Мне кажется, что для нее гораздо важнее не она сама как личность и как личность творческая, но некие невидимые причины, которые эту личность формируют. И объясняет собственную противоречивость знаком Весов, пришедшимся на час ее рождения. «Писать я начала со стресса в начале 2004 года... а поскольку друзей собой не грузю, это вылилось в то что вылилось...»

Прозрачной полночи открыты окна...

Прозрачной полночи открыты окна
И звуки, растворяясь, затухают в сини
Желание любви, врываясь в вечность,
Не позволяет в буднях распыляться, превращаясь в иней

Рисует ночь, то шорохом, то скрипом
Полотна всевозможных откровений
Когда теряешься среди реальных звуков
То нереальны отзвуки сомнений

Безудержно желанье раствориться
Остаться лишь сознанием и слухом
Душа тревожно в теле птиц
Трепещет, задевая сердце глухо

Но встреча превосходит ожидание
И тело, исчезая среди вздохов,
Освобождает чувства. Воскликание
Становится началом. Шёпот — эхом...

Елена БЕССАРАБОВА

bess

(Григориополь, Приднестровье)

Очень боюсь пауков. Не пользуюсь косметикой. Люблю повыпендриваться, повыдуhrиваться... так, пожалуй, достаточно. Типичный диалог с мужем:

— Ты когда будешь писать стихи, вот так-раззтак-перетак?!

— Нет, это ты когда, так-растак, будешь писать стихи?!

...Вот так мы уже почти год не пишем стихов. Зато весело.

Нечто большее, чем можно представить

Когда получу зарплату,
побегу в магазин канцтоваров
на Бакунинскую улицу.
Куплю чертежной бумаги,
несколько мягких карандашей
и ластик.
Приду домой,
устроюсь в огромном кресле,
включу компьютер,
достану из папки «фото»
счастье
и начну рисовать уставший взгляд
и немного натянутую улыбку.
Ты будешь принадлежать мне
больше, чем можешь себе представить,
ведь я превращаюсь в тебя,
рисую.
Я чувствую запах кожи,
я улыбаюсь, как ты.
И даже, наверное, взгляд мой
неузнаваем.
Останусь сидеть в белом кресле
до самого серого утра,
затем отправлюсь на почту
и вышлю тебе бандероль.
Я буду принадлежать тебе больше,
чем могу себе это представить.
Ты чувствуешь запах кожи,
смеешься, как я,
и даже, наверное, взгляд твой
неузнаваем.
И пусть мы состаримся
на разных подушках —

разве
нас это волнует?
Ведь есть нечто большее,
чем можно себе представить,
ведь мы
умеем смотреть
так,
что никто
не узнает.

Нечестное, написанное на спор

Отвёртке

Из-под кожи под одежду
Отпускаешь нити-нервы,
Чтоб запутывались между
Тонких пальцев смуглой стервы,

Чтоб дыханьем грела нежно
Я живые эти струны,
В сновидениях небрежно
Чтоб чертила тайны-руны.

Чтоб на вдохе — в легких пусто,
А на выдохе — живая.
Чувствуй — это сладко, густо —
Лаской в горле долго таять,

Мягкой течь в него водою,
Бесконечным поцелуем.
Тело я твоё накрою
Счастьем, стоном... Потанцуем?

Жанна, еврей и роза

Кукла

Если бы сохранились все мои куклы, я бы с удовольствием поиграла в армию. И не только потому, что куклы, продававшиеся в начале восьмидесятых, были лишены самых стыдливых намеков на половые признаки, — в большей степени из-за того, что рано или поздно все они оказывались бритыми наголо. Желание творить проснулось в тот миг, когда было позволено взять в руки ножницы, и я творила до тех пор, пока не исчезал подручный материал. Но самое волнующее наступало позже. Разделительная полоса между верхней и нижней частями пластмассового черепа манила своими тайнами. Дитя не могло проникнуть в тайны человеческие. Дитя искало путь в тайны игрушечные, в мысли и чаяния лысого существа. Все теми же ножницами я вскрывала черепную коробку в надежде обрести Знание. И видела всего лишь два шарика в дырках глазниц, скрепленные

черной проволокой. Больше кукла меня не интересовала и отправлялась на чердак.

Но однажды появилась Она. Внешность заурядная, даже отталкивающая. Изначально короткая рыжая пакля торчала во все стороны, блестящие зеленые глазенки закрывались одновременно (кукла не умела подмигивать), платье цвета детского борща топорщилось на толстом животике. На ценнике надпись: «Кукла Жанна».

«Какое некрасивое имя, — сказала мама. — Грубое, не для девочки. Назови ее по-другому».

Жанна... Что-то в этом имени с детства меня манит, обезоруживает, парализует, завораживает и отталкивает. Из этого родилось слово «страсть». Послушная девочка, я назвала куклу Викой (самое нежное, по детским представлениям, имя). Но, оставшись в комнате одна, вновь разговаривала с Жанной. Ее голова осталась целой. Наверное, я знала уже тогда, что для того, чтобы узнать тайну Жанны, надо вскрыть совсем не кукольный череп.

Иногда я гостила у тетки, повсюду таская за собой рыжеволосую пластмассовую подругу. Любимым развлечением в доме тетюшки были состязания в подлости с кузеном Кирюшей. Кузен в свои тринадцать лет находился в состоянии перманентного желания исподтишка пакостить взрослым, а также доводить до слез пятилетнюю кузину. Кирюша рос хитроватым, наглым молодым человеком с вечно прищуренными глазами и босяцкой улыбкой на конопатом лице. Волосы его и цветом, и жесткостью напоминали медную проволоку, над которой он частенько сиживал вечерами, зачем-то терзая ее паяльником, огромные уши торчали на чебурашкин манер. Похабная рожа Кирюши изрядно ему вредила, вселяя в окружающих недоверие, заставляя их беспричинно нервничать. Я же, пепельноволосяй ясноглазый ангел, подсознательно чувствовала, что могу творить все, что угодно — симпатии общественности всегда окажутся на моей стороне. И всегда этим пользовалась. Дождусь, когда братец после ежевечернего семейного скандала наконец-то усядется за уроки, тихо подкрадусь к нему и начну сочинять нехорошие стишки:

— А у нашего Кирюши
Бледно-розовые уши,
Надо было не Кирюшей
Называть его, а Хрюшей.

Кирюша хватал линейку, срывался с места и начинал гонять меня по всем комнатам. Бить меня он не рисковал — знал, что это грозит ему как минимум запретом гулять с друзьями по выходным, но мстил другим способом. Он меня ловил, выкручивал руки и не отпускал до тех пор, пока я не выслушаю лекцию о том, что я гадкая, мерзкая девчонка, к которой ночью придут Хока с Бабайкой, заткнут ей рот, чтобы никто не слышал ее криков, а потом порежут на кусочки и съедят. Сырую и несоленую. А мама с папой утром придут и будут плакать, а потом умрут от горя. Весь процесс Кирюша описывал подробно и вдохновенно, заканчивая фразой о том, что ему осталось только позвонить Хоке и сообщить мой адрес.

Хока и Бабай после этого ко мне все-таки приходили, но во сне. Хока была худой, в застиранном халате, с шерстяным платком на голове. Она

смахивала на мою тетушку. Бабай не походил ни на кого, это было нечто огромное, каплевидное, черное, глупое и ужасное. Страх в чистом виде.

Кирюша рос талантливым мальчиком, он развивал мою фантазию. Но однажды он потерпел фиаско. Как всегда, на него наорала мать, обозвав дурнем и лоботрясом, и он в тоске поплелся доставать из-под стола портфель. Долго раскладывал тетрадки, складывал стопочками учебники. Потом взялся проводить поля. Это занятие меня поразило: я не могла его логически объяснить. Высунув язык и встав на цыпочки, я выглядывала из-за старого сундука.

— Кирюууш?

— Чо тебе? — буркнул кузен.

— А что ты делаешь?

— Поля провожу, не видишь, что ли.

— Чииво?

— Поля провожу, отстань.

— Тю, дурак! Какие поля? Поля на улице бывают, на них трава растет. А ты полоски рисуешь.

Взбешенный Кирюша вскочил, но я уже удрала к тетке на кухню и была вне зоны доступа. Тогда Кирюша начал хитрить. Он подошел к дивану и схватил мою куклу.

— Леночка, а смотри, что я сейчас сделаю! — елеиным голоском пропел кузен.

— Не ломай мою Жанну! Я все тете расскажу! Вот только попробуй! — и набрала в легкие воздуха, чтобы заорать.

— Не собираюсь я ее ломать. Иди, я тебе что-то покажу. Да не бойся, я тебя не трону.

Осторожно я вошла в комнату, не отводя глаз от зажатой в Кирюшиных лапах куклы. Выражение лица моего брата было многообещающим. Он задумал какую-то гадость космических масштабов. С нехорошей улыбочкой кузен достал из портфеля веревку. Медленно связал петлю и повесил веревку к дверной ручке. Подставил под веревку картонную коробку. Я начала догадываться, что сейчас будет.

— Леночка, а ты когда-нибудь смотрела, как в кино преступников казнят?

— Вешают?

— Умница! Сейчас твоя Жанна, — он выдержал паузу и осклабился, — умрет. Хи-хи-хи. Давай, поплачь. Ну! Чего уставилась? Ревнуй, давай! Смотри, сейчас куклолка стоит на коробочке. Не плачешь? А вот у нее на шейке веревочка. Ты все равно не плачешь? Смотри, как веревочка затягивается. Да что ж ты за девочка такая, что тебе все по барабану?! Ну, ладно, сейчас ты заревешь. Смотри!!!

И выбил коробку из-под кукольных ног. Жанна повисла на высоте двадцати сантиметров над полом.

— Еще!

— Что — еще?! — оторопел Кирюша.

— Убей ее еще раз!

— Сама убивай, если тебе так нравится, не буду я! — казалось, Кирюша сейчас расплачется.

— А ты меня петельку научи делать.

— Да пожалуйста! — Кирюша срывался на истерику.

Вытащив куклу, он развязал веревку и показал мне, как надо вязать петли. Остаток вечера я мирно провела рядом с корпевшим над алгеброй братом, воскрешая и убивая десятки раз свою ненаглядную подругу. После этого случая Кириуша очень долго был каким-то странным, смирным, не реагировавшим на все мои попытки его разозлить.

Подруга

Летнее уличное кафе прячется в тени тополей и акаций, но называется «Под липками». Мы с Жанной пьем белое полусухое и молчим, заслушавшись тоскливой еврейской музыкой. Рыжевато-каштановые волосы подруги немного светятся в лучах почти закатившегося краснодарского солнца. Анемичная кожа, кажется, стала еще блее, и серо-зеленые глаза теперь как будто ярче.

Мы не виделись пять лет с тех пор, как получили дипломы и разъехались по своим городам. Еврейская музыка напомнила ей ее последний студенческий роман, случившийся в самый разгар госэкзаменов. Мы тогда жили в одной комнате в общежитии, утопая среди фолиантов: археология и первобытка, Древний Восток, Рим и Греция, Азия и Африка, Средневековье, Новое и Новейшее времена... На завтрак кофе, на обед что Бог пошлет, на ужин войны и реформы.

В один из тех майских вечеров Жанна забежала к своей приятельнице по каким-то мелким делам, и познакомилась там со старым евреем. Так странно сейчас об этом вспоминать...

— Ты помнишь Якова? — она говорит немного в нос, что придает ее голосу особенное, бархатное очарование.

Я улыбаюсь — вопрос не требует ответа. Жанна затягивается и выпускает светлую струйку ароматного дыма. Она любит вспоминать своих мужчин. Мы всегда были чужими друг другу, наверное, поэтому не ссорились. Я мужчин любила, прощала и мгновенно забывала. Любила — потому что сладко. Прощала — потому что наплевать. Забывала — потому, что прошлое — это смерть, а мне было достаточно учебников истории.

Жанна ненавидела и помнила все до малейшего жеста, до шороха шагов в коридоре. Она не могла без мужчин, она без них ничего не значила — ей необходимо было вести войну, проигрывать и ненавидеть свою униженность.

— Не знаю, любила ли я Якова. Но ради него я пыталась читать Шолом Алейхема. На тридцать восьмой странице поняла, что эта жертва не для меня.

— Ты всегда шла на безрассудства ради любви.

— Не ухмыляйся. Ненавижу, когда ты начинаешь язвить.

— Знаю. Хотела доставить тебе удовольствие.

Жанна изящно выругалась и начала разглядывать вошедшего в беседку торговца цветами. Но долго молчать она никогда не умела, поэтому воспоминания опять стали озвучиваться.

— Помню, как-то я привязалась к нему с просьбой принести мацу. Я ведь никогда раньше ее даже не видела! И он приволок целый пакет. Мы намазывали ее вареньем из чернослива, и мне казалось, что это безумно вкусно, — Жанна несла свою милую дребедень, которую я уже не слышала, растворившись в грустной музыке и южном закате.

Торговец носил оранжево-красные розы вокруг столиков, за которыми сидели влюбленные. Студенты, проклиная в душе цветочника-шантажиста,

вынимали из карманов остатки стипендии, лишь бы только смягчить требовательные взоры своих спутниц. Жанна завистливо смотрела в их сторону.

— Мы были вместе совсем недолго. Евреи боятся своих толстозадых жен. Помню, как он пришел последний раз. Он подарил мне розу. Огромную бордовую голландскую розу. И сказал, что она такая же красивая, как я. Роза совсем не пахла и завяла на следующий день. Мы выпили бутылку хереса — такая испанская дрянь, не вино и не коньяк, а что-то между. Потом он ушел навсегда. Это был единственный раз, когда мне мужчина подарил цветы. Цветок. Без запаха и полумертвый. Похожий на меня.

Стемнело. Музыка уже закончилась, и теперь были слышны цикады, прятавшиеся в траве и на деревьях. Надо было идти на трамвайную остановку и ехать — в разные стороны. Мы расплатились и вышли. Вдруг сзади кто-то крикнул. Мы обернулись. Продавец цветов со своей корзиной подбежал к Жанне и что-то тихо начал говорить. Потом протянул ей корзину. Она ошарашено на него смотрела, а он махнул рукой, отвернулся и быстро, почти бегом направился к ближайшему переулку и скрылся за углом.

Мы присели на лавочку, и Жанна с блаженным лицом, почти плача, начала пересчитывать свое богатство.

— Тридцать шесть. Возьми себе одну. Пожалуйста.

— Не хочу.

— Пожалуйста!

— Нет.

Всю дорогу до дома меня преследовал нежнейший запах прекрасных цветов.

Интересно, мучается ли она до сих пор по ночам от удушья?

Легкая отстраненность провинциалки в наблюдениях будничной столицы

Утро начинается с подозрительного взгляда за окно (я-то думала, что в Ставрополе отвратительный климат!). На грязно-желтом, блеклом фоне забора «Матросской тишины», увенчанного колючими гирляндами, нелепо пестреет детская площадка. Я живу у подруги, в доме, построенном полвека назад для тюремного персонала. По вечерам во дворе веселые потомки тюремщиков резвятся под нудным, холодным апрельским дождем, а сейчас детей на улице нет, и взгляд застывает на стенах здания без единого окна, хорошо видного мне с высоты пятого этажа.

Московская весна похожа на нашу неудавшуюся зиму — она длительна и противна, как легкая простуда. Прогреваю больное горло кофе с молоком и собираюсь на работу. Чтобы добраться до метро, необходимо перейти мост через Яузу — уродливую речонку, спящую под бензиновым покрывалом. А до моста меня ожидает первое маленькое испытание — московские автомобили на шоссе без единого светофора. Правда, есть зебра. Но если в этом городе даже троллейбусы проезжают на красный свет, то такая мелочь, как зебра, в мегаполисе никого не волнует. Впрочем, я уже наловчилась перебежать дорогу без приступов сердцебиения. Однажды остановилась посреди моста специально для того, чтобы пронаблюдать за тем, как себя поведут водители, когда к зебре подошли две девчушки лет семи. Не совсем же они сволочи, думаю, девчонок должны пропустить. Ха! Школьницам оказалось еще труднее перебраться, чем

мне. Прижавшись друг к другу, они несколько раз порывались сдвинуться с места, но инстинкт самосохранения оказывался сильнее, и девочки возвращались назад.

«Осторожно, двери закрываются». Вот оно — вагонное пиршество для моих любопытно прищуренных глаз! Две пьяные бабуся с распухшими пористыми носами, занявшие целую лавку, смердят сивухой на весь вагон и периодически переругиваются. Юродивый необъятной толщины шлепает мокрыми губами и что-то бубнит, изредка вздрагивая и озираясь по сторонам. Напротив меня влипла в стенку влюбленная парочка: юноша отчаянно терзает пятерней девичью задницу, пассажиры старательно этого не замечают, и лишь один подросток в наушниках судорожно впиается ногтями в собственную коленку. У двери пожилой мужчина, держась за поручень рукой в зимней перчатке (а ведь наверняка умрет от какой-нибудь инфекции!), вальсирует с воображаемой партнершей, насколько позволяет вытянутая рука. Слева от меня лениво перебрасываются короткими фразами два молодых человека с большими рюкзаками. Один из них, высокий блондин, строит мне глазки, высоко поднимая левую бровь и хищно и страстно подрагивая правой ноздрей. Ничего себе, какой бесстыжий столичный джигит, думаю. Потом вдруг понимаю: джигит не мною любуется, а своим отражением в дверном стекле. Пока я осознаю промашку, страстный мужчина увлекается другим делом — увидев на лице друга какую-то прилипшую каку, щедро слюнит пальчик и скребет им по товарищеской щеке.

Бауманская. Не могу отделаться от дурацкой привычки — ступив на эскалатор, оглядываюсь назад. На Бауманской всегда огромное число народа, и человечья лента на верхних ступеньках, и человеческий хаос у подножия каждое утро мучают меня приступами агорафобии. В голове замаятинское: «Мы — миллионголовое тело...». Неужели где-то еще существуют безлюдные степи, горы и море?

Выбравшись на волю, попадаю в очередную толпу. Люди спешат на работу. Из восьми женщин, идущих рядом со мной, шесть на ходу курят. Пожилые тетки с остервенением набрасываются на сигареты, будто от этого зависит, выживут они сегодня или нет. Хрупкие школьницы томно выпускают дымок, болтая на ходу по телефону. Напротив Елоховской церкви красивая строгая дама в пальто, с платком на голове любитесь куполами и стряхивает пепел на землю. Я не пропагандирую здоровый образ жизни, просто кажется, что мужчины здесь курят гораздо скромнее, чем женщины.

Я знала давно, что Москва — столица абсурда. Но то, что можно испытывать информационный голод, работая в информационном агентстве, мне никогда не приходило в голову. Работа интересная — редактирование новостей и газетных статей, поиск иллюстраций к последним и вколачивание всего этого добра на сайт. Восемь часов влюбленного созерцания монитора и лихорадочного движения пальцев.

Сколько тонн зяби... Посевная началась вовремя... Ура, товарищи... Губернатор Приморского края высоко оценил послание Владимира Владимировича Путина... Послание звучало в течение одного часа пятидесяти трех минут... Медикам повышена зарплата... План добычи угля в первом квартале перевыполнен на двадцать пять процентов... Врачи Усть-Кута прекратили голодовку... Голодающие шахтеры Воркуты госпитализированы...

Почтовые сайты заблокированы. Все левые сайты автоматически блокируются, как только ты становишься их частым посетителем. Восемь часов колосающейся зяби, в обед совмещающейся с бутылкой йогурта или плиткой шоколада. Особенно радуюсь, когда нахожу злые статьи. А еще больше, когда мои новоиспеченные коллеги надолго замолкают.

Тема дня у девочек в офисе — воспитание детей. Одна из них весело рассказывает: «Мы с друзьями на днях так смеялись, так смеялись! Они уезжали на дачу, а сына дома оставили. И чтобы он не смотрел телевизор и не играл на компьютере, вырубили электричество. А я спрашиваю, что же будет с холодильником? А они как запричитали, что не подумали об этом, вернулись домой, а там лужа на всю кухню! Ой, как смешно!»

Вечером, отправив в печать последние новости, выключаю свой тарахтящий старенький компьютер. Как не хочется выходить из офиса в зябкую мглу! Эх, думаю, а в Ставрополе сейчас солнце ласкает лица прохожих, в глаза всем заглядывает. Сливы цветут, вишни отцветают. И летят вишневые лепестки по ветру, будто теплый снег.

...Снег с дождем. Прячу окоченевшие руки в карманах куртки. Бегом до метро, в спасительное подземелье, в лабиринт моих страхов. Сегодня было три сообщения о суицидах под колесами поезда. Сами же провоцируете, оставляя жадно распахнутой рельсовую глотку!

На самом краешке стою. Из-за колонны на меня пристально смотрит пьяненький юноша. А если он подбежит и столкнет меня? Вздрагиваю и отхожу к стене. Наблюдаю за бабушкой, ведущей за руку маленького внука. Она увлеченно ему что-то рассказывает, а он подпрыгивает на ходу. Навстречу им из вагона выходит женщина лет тридцати пяти. Ребенок выхватывает свою ладошку из бабушкиной руки и несется со счастливой улыбкой к женщине: «Мама! Мамочка!». Руки раскинуты в ожидании объятия, мягкий чуб развеивается на ветру. Мама остановилась и что-то сдержанно проговорила. Ребенок сник.

В вагоне тесно. Сразу три женщины держат в руках гадость из-под пера Дарьи Донцовой. Если меня попросят нарисовать пошлость, я подарю ей лицо Донцовой. Около меня стоит красивая скромно одетая женщина со строгим лицом. Вера Павловна Чернышевского. В такую можно влюбиться с первого взгляда, ничего о ней не зная. Но вот она открывает сумочку и достает книгу. Мне видна только задняя сторона обложки, и я успеваю прочесть: «На ней было блестящее платье из серебряной парчи, полностью открывающее плечи и спину и едва прикрывающее грудь...». Ухмыляюсь — это лучшее лекарство от всех разочарований, больших и маленьких.

На выходе из метро дежурит бессменный раздатчик рекламных листовок, призывающих пройти бесплатное психологическое тестирование. Первый раз я взяла листовку с любопытством. Второй без всяких чувств. На третий раз я рассмеялась, засмеялся и мужчина. На четвертый день я начала злиться: от него никуда не деться, он повсюду со своими бумажками! Поначалу всех раздатчиков листовок было жаль: какой дурацкий способ зарабатывать на жизнь. Потом их назойливость и умоляющие либо требовательные взгляды начали повергать в бешенство. Неужели нельзя найти нормальную работу? Неужели не унизительно стоять, навесив на себя разрисованную рекламой фанеру? Громадное бесформенное и бесполое тело уставилось глазами в никуда, и колышется на бескрайних просторах живота планшет с надписью: «Недвижимость».

Я дома. Странно, уставшей себя не чувствую. Мне все еще ново, еще слишком суетливой кажется столица, но я уже свыклась с мыслью, что этот город будет моим. Я уже начинаю его незаметно подстраивать под себя. И он почти не сопротивляется, ведь он так ничего и не понял.

Я дома.

Андрей ВАСИЛИЦЭ Otvertka

(Григориополь, Приднестровье)

Моя мечта — это чтобы хоть один день был похож на предыдущий. Во фляжке всегда должен быть коньяк, интернет не должен тупить, сигареты не должны заканчиваться. Впрочем, я всегда могу отобрать трубку у Бесс... Дружья не должны теряться, Плутон — планета, люблю орехи кешью, брат увлекается мотоциклами, зелёный чай — самый философский напиток. Готов возвести вышесказанное в ранг непреложных истин.

Систематизация. Открытое письмо Патрисии Томпсон

Я снова попробую храбро построить систему
И происхождение видов увидеть прищурясь.
Для этого нужно пол-литра зелёного чая
И — где-нибудь между бумажек найти авторучку.

А впрочем, вполне подойдёт моторучка. И вело.
Возможно, система от этого станет лишь лучше.
Нашёл. Начинаю кадрили на бумаге чебучить
С сознанием пешего хода и правого дела.

Итак, лично мне уж давно симпатичен подходец
Такой: пусть слова просто прыгнут на нужное место;
Глагол подлежащему будет игривой невестой,
И радостным гвоздиком встукнет предлог-иноходец.

Тогда результат зазвучит очень сладко для слуха,
Тем более если нет времени в смысл углубляться,
А надо сказать всё изящно, при этом — смеяться.
И принцип я сей нареку как «подход Винни-Пуха».

Затем существует такая фигня, как сознание,
Которому можно позволить излиться потоком.
Казалось бы, просто скажи всё, хочешь. Но только
Порою верлибры писать — сущее наказание.

Еще есть картины живые, рожденные глазом,
А также и ухом, и брюхом, ну, и головою —
Больною, звенящею, лёгкой... Явленье такое
Я словописью назову, иль Валеропоказом.

Ну и, наконец, завершающий круг моциона:
Отточенность смысла, летящая в грудь томагавком
И, лучшие струны души зацепив беспощадно,

Блаженно упавшая прямо на дно селезёнки.

Итак: Винни-Пух, словопись, томагавк, meditation.
Такая вот точка прозренья возникла внезапно.
А может, зазренья; кипенья; волненья; сомненья.
Ну, жизнь нам покажет. Следите за нашей рекламой.

О туризме, зоологии и озоне

Часто был я свидетелем странной игры —
Наблюдать мог за ней многочасно:
Мухи любят всходить на вершину горы,
И стоять там,
И думать неясно...

Мухи могут летать; в этом есть сюр и драйв.
Я — большой, но летать не умею.
Но и в пешем ходу, видно, тоже есть кайф,
И от этого мухи фигейут.

На колено моё прикопнившись всласть,
Муха ходит туда и обратно,
И над горной стихией могучую власть
Ощущает всю, вероятно.

Так стоит альпинист, покорив Эверест,
Попирая вершину задорно.
Знать, колено моё — средь заманчивых мест,
Где и звуки альпийского горна,

И цветок эдельвейса, и мирный озон —
Всё в струю, в мемориз и готично.
Потому, я считаю, колено резон
Заповедником сделать приличным.

Покупайте билеты, пакуйте рюкзак,
Для костра приготовьте полено
И пускайтесь в судьбы искромётный зигзаг:
Приезжайте ко мне на колено!

Запишите меня в математики

*Компиляция из:
неотправленных писем Rife,
обещаний, данных мною marko,
вдохновения от SPsp,
деликатности и терпения Poet'a
и собственного занудства*

Я давно грозился жахнуть на пяти страницах разработанную мною в тесном сотрудничестве с Poet'ом со Стихии систему комплексной оценки художественного текста (подразумевается стихотворная форма в её компактном виде — от катрена до нескольких примерно). Толчок дала пятибалльная система оценок на Стихе. Рано или поздно всем причастным становится ясна ее условность и неудовлетворительность. То рецензент поставит тройку и молча удалится, а ты сиди и недоумевай, что конкретно в стихе заставило чела наморщить нос. То немеряно читателей и рецов, а ни одной тебе оценочки. А то наоборот — лепят пятерки, восторженно вздыхают, а об чём — накося выкуся. Сгоряча хочется определенности, знаете ли.

А потом становишься сам читателем и рецензентом, и ситуация переворачивается с ног на голову. Вот — лужа слёз школьницы какой-нибудь, видно — точно не врёт дева, и даже почти понимаешь, что сказать хотела; но написано коряво, и формально это — никакой не стих («Стих выучил?» — спрашивали мы в школе у одноклассников... поэтому, наверно, слово привычно воспринимается чуть ли не как жаргонное. Но «стихотворение» — долго и чуток напыщенно; есть компромисс — «стихо», и мне это изобретение нравится, однако рука, видимо, чувствует, что и оно не всегда уместно), а так — полудневник... рефлексия... или даже вопль в никуда, не более. В то же время оно может зацепить сильнее, чем тщательно вылизанная и продуманно структурированная, но, хоть тресни, холодноватая и чуть ли не из пальца высосанная фарфоровая пастушка с яркими губками — какого-нибудь мэтра («себя мы мэтрами считаем и сантимэтрами — других...»). Ну, если не сильнее, то иначе. Сегодня. А завтра — вдруг проникаешься глубоко скрытым страданием этого самого мэтра, и пастушка начинает блестеть глазами... и что? Бежать менять оценку?

Я решил сам запендюрить классификацию (о, легкомыслие! О, самонадеянность! «Я умираю, но об этом позже») Оценка первая — форма: синтаксис, пунктуация, рифма, размер. Законченность. Изящность, наконец. Марко уверенно классифицирует стихи на тяжеловесные типа «Бронетемкин Поносец» и легковоздушные, которые унесутся к потолку, если их не ухватить за хвост. Стихи Акир отточены и безупречно грамотны, но петь их очень, очень трудно, в частности, потому, что чуть ли не каждое слово приходится интонировать отдельно. Та же история с могучими текстами Филмора, прозрачным переливом ритмов Немаргариты и даже с задумчивыми сольфеджиями Марко. А вот Рустамка, или МэдСестра, или Татти рушатся на мелодию влёт. Безудержные арабески Kusu заставляют стонать над своей беспомощностью подобрать им созвучный благородством аккомпанемент... ээээ, что-то я отвлёкся.

Тем не менее противоречия были найдены немедленно. Пенс, например, порой подчеркнута безграмотен, что обдуманно работает на образ стиха, а форма состоит в абсолютной бесформенности. Ykk играет формой на уровне подсознания — никогда бы не поверил, что можно придумы-

вать слова, которых нет ни в одном словаре, и отливать из них целые стихи. Но тут мы уже сползли в сторону второй оценки — содержания.

Академичность-новаторство, наличие-отсутствие смысла или даже идеи, богатство образов, моральная нагрузка, эмоциональная заряженность... и что прикажете делать с этим добром? Выводить среднее арифметическое?

Третья оценка, субъективная — правдивость. Например, в смоделированные, как утверждает автор, ситуации Акир верится вполне охотно, а в беспощадные в своей простоте и искренности зарисовки Ирихи не поверить нельзя.

И, наконец, четвертая оценка: магия. Без всяких комментов.

На излёте вдохновения я решил: для пущей дискретности сделать шкалу каждой оценки десятибалльной, что, кстати, применено на Сите без всяких намеков с моей стороны. Идеи витают!

Откинувшись на стулку спина, я с гордостью смотрел на грозившее перевернуть околотипографический мир открытие. «Он даже хотел развестись, но что-то его держало...» В чем причина сомнений, я понял, подвергнув оценке несколько хороших и плохих стихотворений. 9-5-1-3 лучше, чем 2-8-5-9? Или как? Или где? И поднял я руку выше головы, и опустил её, и сказал: А! Хрен с ним!

Но закавыка осталась, и чтоб её раскавыкать, я полез в справочники. И опешил. Оказывается, определения литературы как такового НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Имеются многочисленные наукообразные попытки дать алгоритмы узнавания литературности, но все они в итоге разводятся руками, выжав несколько признаков, но не претендуя на их универсальность.

Я похехекал чутарик, пытаюсь представить, как теперь можно обвинить кого-нибудь в графоманстве. Чел ведь может резонно ответить, типа не суйся в калашный ряд, у меня вот такой дискурс...

Наверно, надо проще относиться. Чем проще инструмент, тем он надёжней. О вкусах не спорят. Но каждый может сказать: нравится - не нравится. Принято считать субъектом искусства то, в частности, что нравится большинству. Но есть и противоположная точка зрения: если хоть одному челу из сотни твой стих понравился, значит, написано не зря. Так вот, нравится — когда? Когда интересно, полезно, красиво. Когда услаждается вкус и чувство меры. Когда узнаваемо и нелживо. Вот и всё. Делов-то, оказывается — на рыбью ногу...

Сигнал

Набор поэта несложен: безбрежно, мимолётно, печально, и, а, поэтому, вновь, постичь, всегда, никогда, раздался, бросился. Как гнусно и смешно! А что делать? Сильные мысли думать легче, проще, правильней, потому что мысленный образ сверкает гранями, а слово намертво впечатывает двумерный кирпич. Ну, я попробую.

...Он сжал кулаки, и тут его настиг Машенькин Сигнал. В нём был и дом под липами, и то, как хорошо она всё придумала там; какая долгая, мирная, полная спокойного и радостного удовольствия жизнь их ждёт; как покорно, терпеливо и уверенно она ждёт конца боя, чтобы принять его победителем и больше не расставаться с ним. Сигнал был такой силы, прозрачности и насыщенности, что явно не помещался в одном слове «Люблю!»

Он застыл, ошеломлённый, с открытым ртом и выпученными глазами, и пропустил первый удар. На место растерянности прыгнула ярость, и зрители завопили от восторга.

...
Потом он сидел на камне, нагретом солнцем, и размышлял. Иначе как телепатией не назовёшь, но какое жалкое слово! Молния!!! Тигр!!! Куча шрапнели!!! Это — да, подходяще.

В первый раз, когда они стояли у изгороди, и её мать пришла звать её домой, он стоял так же остекленело. Она тут же ушла за матерью, но в сознании каждого из них осталась висеть большая прозрачно-голубоватая капля её Сигнала. Её осенило: «Люблю. Твоя. Мой», и вера была так похожа на знание, что эту голубую жемчужину получили и он, и её мамаша; да и все её знакомые наверняка перевернулись в постелях и сонно подумали: «Что Машеньке на свадьбу подарить?..»

И вот, значит, она всё приготовила и ждёт. Может, остаться с ней? И закончить галерею сломанных носов и пронзённых сердец... эту бешеную скачку в горизонт... а?

Он поднялся и, раз уж не мог рожать жемчужины, пошёл говорить ответ вслух. Вокруг призывно звенела ночь...

Александр КОЖЕЙКИН

sonet

(Челябинск)

Родом из Калязина Тверской области. В 1978-м окончил Московский институт стали и сплавов и по направлению приехал в Челябинск. До 1990 года работал на цинковом заводе и активно сотрудничал с заводской многотиражкой «Электроцинк», а затем с городскими и областными газетами. Осознав, что металлургия не его дело, по направлению редакции газеты «Вечерний Челябинск» поступил на отделение журналистики Сибирского социально-политического института в Новосибирске и в 1990-м заочно его окончил. В 1990 – 1992 гг. году работал в издательстве «Форум», сначала главным редактором, затем коммерческим директором, с 1992 года — в издательстве «Фрегат». Начиная с 1980 года имеет более двухсот публикаций различных жанров и тематики в прессе и качестве участника представлен во многих поэтических сборниках. В июне 2000 года принят в члены Союза российских писателей.

Автор ряда книг, в том числе поэтических сборников «Необратимость жестокости» (1996), «Города и лица» (1997), «Дорога никуда» (1998), «ПДК» (1999), «Акафист» (1999), «Последняя миля» (2002), «Змеелов» (2004), книги стихов и рассказов «Стена и скрипка» (2000), а также сборников прозы «Умереть, чтобы родиться» (2000), «Реинкарнация» (2001), «Безумец» (2003)». В 2004 году отдельной книгой вышел его роман «Высшая материя».

Любит спорт, рыбалку, путешествия и рок-музыку («Oasis», «Metallica», R.J. Dio, M. Shenker, «Пикник» и «ДДТ»).

Спичка обожжёт пальцы ...

Спичка обожжёт
пальцы,
как порою суть
слова.
Строчка позовёт
дальше,
и начнётся путь
снова.
Думы занесли
в ночь,
и она опять
спросит:
не поставить ли
точку
и стихи писать
бросить?
Знаю, не сумел ...

Поздно!
Не придёт апрель
раньше,
но глядят в прицел
звёзды,
намечая цель
дальше ...

Placebo

Твоё имя по латыни,
А три слога, как три ноты,
на губах помада стынет,
на щеках печать заботы.

Я — безмолвный странник между
двух миров, шумящих грозно.
Спой ещё — и дай надежду
Подыграй, пока не поздно.

Нет фантазии предела,
и опять сойдутся в драке
чёрной магии и белой
изумрудные собаки.

Отстающим — утешенье,
пьедестал — вперёд идущим.
В каждой песне столкновенье
между прошлым и грядущим.

Три судьбы и три желанья
случай в перегретом зале
разыграл бы в три касанья,
как на клавишах рояля.

Кто-то тихо шепчет ныне
в коридорах мрачных зданий
твое имя по латыни,
как начало заклинаний.

12.10.2005 г.

Стена

— Папа! Покажи собачку!

Голос пятилетней дочки раздался опять с кухни. Опять! С того самого дня как на просторной кухне кудесник-кафельщик приклеил последнюю кафельную плитку с замысловатыми перламутрово-серыми, а местами переходящими то в чёрный, то в сизый цвет рисунками, ребёнок то и дело забегал туда, с интересом разглядывая то одну то другую стену помещения.

— А вот бабочка! Бабочка! Папа, смотри какие крылья!

Голос Машеньки стал ещё более восторженным. Андреев отложил газету с кроссвордом. Девочка стояла у стены, и её большие карие глаза загорелись непонятым огоньком.

— Иди, доча, сейчас по телевизору про Чипа и Дейла будет, — поделился информацией глава семейства. И это сработало — девочка встrepенулась и вышла из кухни.

Андреев присел на табуретку и с чувством законной гордости оглядел стены. Он вспомнил как долго и нудно они с женой подыскивали нужную расцветку, объезжая на машине магазин за магазином. Как Вера отвергла то один, то другой вид кафеля. Как, наконец, в одной небольшой лавчонке, где и выбор-то был невелик, наткнулись на эту плитку.

— Это... импорт? — опустила на блестящую поверхность изделия ладонь супруги.

— Нет! — почтительно склонил голову продавец. — Но ... рекомендую: экспериментальный образец! Одно оборонное предприятие освоило. Был у нас тут один художник — как он хотел купить и выложить из этой плитки картину! Да денег как всегда не оказалось...

— Видела я нечто подобное у Клевакиных, — повернулась к мужу Вера, — только у Клевакиных куда попроще этого...

Андреев старался не спорить с супругой — выходило себе дороже. Желает приобрести такой кафель — ради бога! Тем более цена была очень даже приемлемая. Он даже извлек из визитницы калькулятор и забегал пальцами по клавишам. Выходило неплохо. На выделенную из семейного бюджета сумму можно было обшить всю кухню до потолка.

* * *

Сослуживец по прежней работе Клевакин заскочил неожиданно. Он сбросил модную дубленку и, как обычно, проскочил на кухню. Там он заговорщически подмигнул Андрееву, вытащил из кармана пиджака узорную бутылку с яркой глянцевою этикеткой.

— Забойная вещь, Витёк! Сорок пять оборотов! Удмуртский шаман! Давай-ка обмоем твою кухню, а то, глядишь, плитка отвалится. Опрокинув стопку и захрустев домашним огурчиком, он внимательно огляделся:

— Ух, ты! Гляди-ка! Ну ты, Витёк, даешь! А я поначалу и не врубился! Баба голая! И еще одна! А в углу-то, в углу! Что делают? Что делают, а?

— Где?

— Да вот же, у микроволновки. Как он загнул её! Покруче, чем в «Кама Сутре». А баба классная, фигуристая! А мужик здоровенный, с бородой!

— Да где?

Андреев ещё более внимательно вгляделся в угол своей кухни. Здесь, за микроволновкой резвилась на солнышке дочкина бабочка, лаяла злая, мох-

натая болонка. В полуметре от нее извергал пепел и сажу огнедышащий вулкан, который показала Андрееву Вера. Чинно ходили по саванне слоны, бегали гепарды. По деревьям прыгали обезьяны. А клевакинской парочки не было!

— Да ты чо, Витёк! — палец Клевакина уперся в перламутровые разводы, — вот ноги её, вот задница. А мужик... вот он! Ты взглядишь, взглядишь! Да, кстати, как твоя Верка на эти картинки смотрит?

— Как, как... Да никак! Не видела она тут ни баб голых, ни мужиков!

Клевакин встал из-за стола, подошел к простенку у умывальника, с неподдельным интересом всматриваясь в кафель. Его лицо то расплывалось в загадочной улыбке, то приобретало таинственное, какое-то прямо мистическое выражение.

— Короче, Витёк, у тебя тут одна крутая эротика и даже порнография! — заключил Клевакин, наливая по второй, — а скажи, только как другу, во что тебе всё это обошлось?

— С работой?

— Ну, конечно.

— Где-то тысяч десять. Ну, может, с половиной...

— Десять штук баксов? Так это же здорово!

И, не дожидаясь существенной поправки друга, платившего названную сумму в самых обыкновенных рублях, Клевакин начал увлеченно расписывать, как можно преобразить его апартаменты и на какой невиданный уровень сервиса может подняться клевакинское предприятие — банно-массажно-досуговый центр, где, по его выражению, «зависали оч-чень даже крутые люди». Он налил по третьей, залпом выпил, а потом удалился так же внезапно как и возник.

* * *

Андреев убрал бутылку и остатки закуски со стола, и, уставившись в стену, стал сосредоточенно созерцать перламутровые разводы. Меньше, чем через минуту из угла над раковиной прямо на него вылетела, оглушительно хлопая перепончатыми кожистыми крыльями, летучая мышь. Она застыла в воздухе рядом с сидящей на раскидистом дереве пучеглазой совой, очевидно высматривая добычу. Андреев читал, что такие большие летучие мыши водятся в Южной Америке, нападают на спящий домашний скот и поневоле поёжился. По соседней стене крался леопард. Видимо, он хорошо знал, где ночуют павианы, и потому действовал наверняка, мягко ступая подушечками сильных лап по толстым ветвям обмотанного лианами дерева.

Раздался звонок, и Андрееву не удалось досмотреть охоту леопарда. Вошла теща — Нина Петровна. Она со вздохом освободилась от сумок и авосек в прихожей и первым делом заспешила на кухню.

— Верочка вчера звонила... — сообщила новость Нина Петровна, будто не Андреев присутствовал вчера при их полуторачасовом разговоре, а кто-то другой, — говорит, вы сделали ремонт. Ах! Какая прелесть!

Андреев вырос в очень интеллигентной семье и густо покраснел, так как толстый палец Нины Петровны опустился прямо на клевакинскую захватскую парочку из «Кама Сутры». Он смущенно отвел глаза в сторону.

— Витя, — певуче протянула Нина Петровна, — ты погляди, какая прелесть эти «канютины глазки»! А георгинчики, георгинчики! Прям как живые! Помнишь, Витюша, я выписывала по почте из Москвы семена? Так на нашем участке как раз такие и выросли.

Какие «анютины глазки», какие, к чертям собачьим, георгинчики! Где они? Андреев слушал тещину воркотню про мимозы и флоксы и ошалело озирался вокруг. Сколько ни всматривался, он не мог разглядеть среди лиан, деревьев, летучих мышей и леопардов тещины цветочки. А та, не в силах сдержать своего восторга, продолжала изыскивать среди перламутра все новые и новые, столь милые сердцу цветовода-любителя редкостные экземпляры.

* * *

Племянник Денис, студент местного университета, частенько наведывался в гости к Андреевым, и сердобольная Вера, потчует долговязого жильца общежития домашними голубцами, подкладывая ему в тарелку то грибочки, то помидорчики, живо интересовалась житьём-бытьём племянника.

Денис поначалу односложно мычал, но, по мере насыщения вкусной и здоровой домашней пищей, ответы его становились все более продолжительными и развернутыми. Наконец, он потянулся к чаю с домашней выпечкой и только тут обратил особое внимание на стены помещения.

— А откуда у вас здесь... Уоллес Симпсон?

— Кто, кто? — в один голос выпалили Вера и Виктор, — кто это?

Не без помощи племянника с философского факультета они научились отличать сначала Платона от Ньютона, а затем уже и Ницше от Шопенгауэра, но очерченный на стене Денисом портрет Уоллес не проступал, несмотря на все старания. И какой портрет: метр на метр — не пройдешь мимо!

— Как же вы не знаете про Уоллес Симпсон? — искренне изумлялся Денис, — это девушка, из-за любви к которой Эдуард Восьмой, король Англии, отрекся от престола. Она была просто прекрасна! Я вырезал из журнала в библиотеке её фотографию!

— Нехорошо... начал было Андреев, имея в виду порчу книг, но осекся, видя с каким трепетом и обожанием племянник уставился в стену, где ещё совсем недавно среди цветов и голых женщин летали диковинные птицы. Юноша встал из-за стола, оставив недопитую чашку чаю, и бережно погладил портрет Уоллес.

Андреевы переглянулись.

В их скромной некогда кухне попеременно то шел снег, то светило яркое солнце, росли цветы и деревья, порхали бабочки и пикировали с неба хищные птицы. Иногда пробегали собаки. Находилась место для голых женщин и неутомимых шалунов-мужчин. И вот теперь с кафельной стены на них шагнула прекрасная героиня истории о сильной и страстной любви. Любви, из-за которой короли отказывались от короны и бежали с любимой через океан, в Америку.

Андреев открыл дверцу холодильника, достал «Шамана», и, налив себе стопку, залпом выпил. Он снова внимательно вгляделся в перламутровую стену и увидел, как она начала увеличиваться в размерах, вмещая в себя все новые и новые существа, которые влетали, вбегали, вползали, пронеслись на сверкающих автомобилях и ревущих самолетах, признавались в любви, сходили с ума и выращивали в рощах цитрусовые, доставали воду из колодца и решали геометрические задачи, не зная, что являются мизерной частью всё ускоряющейся и всё увеличивающейся, несущейся неведомо куда Вселенной...

Сергей КИНГ

Tikitak

(Киев)

«Родился под знаком Скорпиона, в год Змеи. Дожил до сорока, видать не отлита еще для меня пуля, да и прочее убийственное оружие... и хорошо... не особенно-то и тороплюсь... Живу, творю, дышу в славном городе Киеве... к поэзии, наверное, отношусь не слишком серьезно... ну это характер такой, может... Как там писал Бродский в 45 лет: "Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной"... Вот и у меня так».

Ты будешь что-то говорить...

Не собрать ушедших строчек —
между пальцами и дальше...
(Многоточье — сумма точек,
только в нем чуть больше фальши)

ты будешь что-то говорить,
я буду что-то повторять —
последний срок нельзя отбыть...
в последний раз нельзя понять...
всю суть невысказанных фраз —
в которых смысла даже нет,
которым веря в первый раз
так трудно выдумать ответ...
но навалясь плечом на дверь —
упрямство чувствуя замка,
дави пока хватает сил,
чтоб тот, кто там, наверняка —
поверил в силу и открыл...
а ты войди в просторный дом,
и предъяви свои права
скажи хозяину о том,
что есть последние слова,
что ты решил в последний раз,
сорвать замок, разжечь камин...
...что суть невысказанных фраз
всего лишь в том, что ты ОДИН...

Слушая дождь...

За окошком дождик странный
Омывает листьев раны,
Тихо шепчет, утешает,
Снова лето обещает.

За окошком дождик льется,
И бриллиантовые слезы
На цветах, деревьях, травах
Застывают, как в оправе.
За окошком дождь струится,
А душа моя томится
И невольно ощущает,
Как по каплям наполняет
Дождь сосуд души хрустальный
Капель звук совсем печальный.
Наполняет, не ленится,
Чтоб могли потом пролиться
Капли бурными слезами,
И умытыми глазами
Вновь душа на мир смотрела,
И любила, и горела.
За окошком дождь струится
По души моей ресницам.

Галина ЧЕРНЫШОВА**galchonok**

(Московская область)

Родилась 4 сентября 1960 года на юге Казахстана, в городе Чимкенте. Там же училась и прожила большую часть жизни. По образованию — педагог-историк. Работала в разных сферах: в образовании, в библиотеке, в коммерции. В настоящее время живу в Подмоскowie, работаю в Москве.

А. М.

Праздники, которых ты не ждешь,
Радости, которых ты не хочешь,
Сердце надрывающая ложь
И безумство, что себе пророчишь,
Пустотой сжигающая ночь,
Прошлое, вопящее от боли,
Время, утекающее прочь
И глаза, разъеденные солью...
Никогда не сбывшийся побег,
Круги затянувшегося ада,
Пеной окровавленную снег...
Глупый сон. И жизнь твоя. И правда.

*2003, 26 августа***Диалектика**

(фрагмент)

Мы нашли друг друга. Мы искали.
Разве что еще произойдет?
Лишь опять в хохочущем оскале
Холодом кладбищенским пахнет.

Все понятно. Так наивно просто:
Жизнь — ее и не было, и нет.
Всё не вечно, гаснут даже звезды,
Оставляя мертвый синий цвет.

И когда взорвемся мы, как звезды,
Выбросив навстречу всплески рук —
Как все страшно, хорошо и просто! —
Он опять замкнется, этот круг.

Татьяна ОСЕТРОВА ola

(Харьков)

«Пишу с детства, хотя нигде не печаталась. В реальности (то есть в Харькове) жить не получается, поэтому живу в стихах. Очень хочу вернуться к любимой профессии дизайнера-модельера, поэтому работаю web-дизайнером. Сейчас набирает обороты еще маленькая, но уже собственная студия web-дизайна. Без гитары, фотоаппарата и хороших книг свое существование не представляю («Мастер и Маргарита» зачитана до дыр). Очень люблю горы, выбираюсь при первом же удобном случае. Когда не складывается с командой, выхожу на соло-маршруты, хотя родня категорически против. О возрасте предпочитаю не вспоминать. Самое святое — вечер у костра с гитарой в компании старых друзей. Ради этого так стоит жить».

Старомосковское. Финский квартал

...Два голубя, вдрызг налкавшись рассвета, летают над кладбищем.
Какое им дело, безумным, до маленьких — нас?!
Открыты ворота. Вперед, мимо каменной бабищи,
Туда, где колдует над ямами Яблочный Спас.

А что голубям? Бьются перьями в свет, — закружилась головушка.
Да им ли срастить бузины переломанный хрящ!
Могильщики курят. Водитель косится на вдовушку,
Срывая глазами с рыдающей тоненький плащ.

Вы нынче в чести, корифеи курилок, — Карттунены, Занггелы...
А там, наверху, два пятна режут воздух, как плоть, —
Как будто кружат над деревьями пьяные ангелы,
Забывшие напрочь, куда им отсюда лететь...

Нео-Ромео или сны перевоплощений (мини-поэма)

Ясе...

(Вместо эпиграфа)

Я хотел — авторучкой — на белую гладь листа,
Я мечтал про стихи, чтобы каждой строкой — о ней!!!
Вот, живу, чтоб закончить —

научный до слез —
пьедестал,

И в руках у бухгалтера тихо завывать к весне...

1. (Детство)

Быть щенком... Ну и пусть! — Лопоухим, смешным щенком!
Семеню, не спеша, рядом с туфелькой госпожи...

Мы прошли по Есенинской
(Славный поэт, — о ком
Я и знать не хочу). Мне приятней — идти и жить.
А на старом Арбате — ты снова милее всех,
Развеваются юбки, походка твоя легка.
Что тебе до девчонки, — глядящей куда-то вверх?
Ну сидит себе,
Что-то скулящее на руках...

Обрывается —
...капелька...
...капелька... —
с крыш вода.
Ты все смотришь, красивая, смотришь, — а в горле ком.
Может быть, мы — из прошлого — снова придем сюда,

Где ослепшая девочка с белым слепым щенком...

2. (Юность)

Отражение твое... — кто мне выбрал такую роль?
Убежать, уползти, — лишь бы только хватило сил!..

Ты опять, впопыхах, опрокинешь на кухне соль,
Огоньком сигарет у подъезда мигнет такси.
Ты уедешь таскаться по чьим-то — чужим — рукам,
В дискотечном угаре забудешь последний стыд.
Ты придержишь кого-то, но это пока...
Пока —
Я уткнусь в ноутбук, разбирая твои посты...

Постовые под вечер с проспекта уйдут домой,
На отельной кровати так пусто еще — Смотри! —
Ты, конечно, кому-то прошепчешь — пойдем со мной!..

...А меня... нервно бросишь на столике у двери...

3. (Молодость)

Воробьем — и айда по проспекту гонять ворон!
Прошлым бедам теперь — чик-чирик! — объявив войну.

...Может быть, по весне прилечу на ее балкон,
И застану (увы, так некстати) совсем одну.
И застану ее... Так некстати... Одну, пока...
И халатик слегка расстегнулся, назло весне.
Кухня дразнится запахом хлеба и молока,
Ну а я — ветром в стекла —
безумный!!! —
к чужой жене...
И она, засмутившись (с чего бы такое вдруг?),
Мне протянет в ладошках печенье
и —
... мы вдвоем...
Начирикаюсь всласть, полупьяный от этих рук,

Проклинаю судьбу,
Что оставила воробьем...

Ночной этюд с блузкой

Альковный полумрак.
Раскинув рукава,
На смятых простынях походный дремлет свитер.
(Усталость и экстаз — мохер на кружевах!)
Он выстрадал покой, как опытный пресвитер.

Надкушенка луны осветит стройный стан.
(Совковая кровать так непристойно узка!)
Он счастлив, он пьяним безумием, Тристан —
К истертому плечу щекой приникла блузка.

И мне ли упрекать за этот мезальянс?
Одежда нашу ночь сполна сыграла в лицах.
Мы тоже наготой раскинули пасьянс —
Сопим, как два щенка, боясь пошевелиться...

Клиническая зарисовка

Вечер. Вагнер. Работы горы.
Чай. Статья из газеты «Брест».
Ночь. Под утро сирена «скорой».
Курыт. Молча зайдут в подъезд.

Дверь откроют. Глоточек воли.
Медлят. Голос начнет дурить.
Свет. Осмотрятся. Что-то вколят.
Выйдут. Спустятся покурить.

Сон. Беспмятство. Сладкий морок.
Осень. Вагнер. Шальной рассвет.

37... 39... 40...

Ангел

Благодать сошла на всех на рассвете —
Между шпилей ангел падал, как птица.
Вы вдыхали окровавленный ветер,
Зная точно: ничего не случится.

Что ж не спится под хрустенье баранок?
Все сбежались, с детворой и конями.
Ангел корчился в пыли, как подранок,
Вы же, добрые, — доби́ли камнями...

Снег валил, как серебристая вата,
Укрывая шапки, крылья и руки.
Кто-то плакал за спиной, виновато,
Кто-то маялся, зевая от скуки.

Что ж вы вспомнили, не пившие Леты?
От чего же вжались в тень, онемели?
Вы же драли перья на амулеты,
Так чего же схоронить не посмели?

Так чего ж искали вещие знаки,
Да крестились с остановками — надо ль? —
Если мессу отслужили собаки,
Растащившие по городу падаль?

Бог не злился, для Него всё — крупица,
Но звенел вопрос дырявым алтыном:
От чего же Ты хотел откупиться,
Если мало даже ангела... с СЫНОМ...

Алёна КУРАМШИНА

helku

(Москва)

«Живу в столице России, студентка психфака, пишу недавно и пока только прозу, но буду стараться расширять, охватывать, углублять и повышать свои литературные познания и умения, благо есть у кого учиться. Люблю хорошую музыку, умные книги, веселые фильмы и своих друзей. Ценю дружбу, преданность, правду и искренность. Ненавижу дураков и тупиц».

Странный день

Странный день какой-то.

С самого утра все наперекосяк пошло. Началось с того, что в ванной не оказалось зубной пасты, и пришлось чистить зубы солью с содой. А соль была какая-то странная. У моего бой-фрэнда все не такое, как у всех. Вот, даже соль — серая, крупная, жутко солёная. Говорит, что рыбу он солил ею. А у меня теперь рот саднит от его отравы. Может, он специально пасту припрятал?

Странный день, ох странный.

Мой бой-фрэнд потащил меня на работу. Решил со своим партнёром познакомиться. Партнёр — неплохой парень. Но зачем он со мной здороваться за руку полез? Я ж не виновата, что мои ногти царапаются. Тем более по влажным и мягким ладоням. Я сначала не заметила кровь. Ногти красные, кровь красная. А потом... Батюшки мои, как же неудобно было. Мой бой-фрэнд накричал на меня, отвел в кабинет, битком набитый людьми, оставил меня там с незнакомыми... Я не выдержала и истерику закатила, грохнувшись в обморок. Незнакомцам представление понравилось, откачивали меня почти полчаса, водой брызгали, баранками кормили. А мой пришёл и опять наорал. И я наорала. А он палку взял из-под стола. Я подумала, что бить будет. Но он пошел на улицу и стал на окна тенты натягивать. Надо ж, а я думала, что он — начальник.

Странный день.

Мы с бой-фрэндом после посещения его работы в магазин пошли. Нам хлеб нужен. А продавщица говорит: Батон только один остался, заберите с витрины. Я к витрине подхожу, а батон с меня ростом. Но деваться некуда, хлеб-то нужен, ждут нас с хлебом в гостях. Тяжелый оказался, я его еле-еле до машины доволокла. В багажник с трудом уместила. Уф.. А ведь еще у друзей моего бой-фрэнда выгужать придется. На фиг мне такой друг? И батоны таскать я не нанималась.

Странный день.

Я объявление в Интернете дала: «Устраните бывшего бой-фрэнда за умеренную плату». Никто не откликается. Подруга предположила, что я не

так как надо написала. А что не так? Надо было написать «прошу убить»? Все вроде понятно: устранить, значит устранить совсем, до конца, чтоб не было вообще, способ-то сами придумывайте. Бывший, значит бывший, или будет бывшим после устранения. Умеренная плата — умеренная, не миллион же мне за его голову давать... Один правда написал — некролог в стихах предложил, и тоже за умеренную плату.

Странный день. Весь день так и был странным. Пока не проснулась. Правду мама говорит, что на закате спать вредно...

Ирина СВЕТЛОВА

MarkizaKarabasa

(Ставрополь)

Родилась и живет в Ставрополе. Имеет семью, высшее образование и книгу стихов. Любит Фаину Раневскую, джинсовую одежду и чай с бергамотом. Сочинительством занимается с юности. В настоящее время обобщает жизненный опыт.

На земле — апрель...

На земле — апрель,
на небе — овен,
там, где через времени гранит
улиц разночинное сословье
девичьи фамилии хранит.

Люд жеманно щурится от света.
— «Правды»? Нет...
«Но истина — в вине!» —
фыркают нарзанские бюветы
на экскурсий праздных дефиле:
два француза, немка, итальянка
(у курорта цепка колея!),
чуть поодаль для особ — тальянка,
для особо страждущих — кальян.

Новый преysкурант хорошей жизни:
— Счастье? Есть!..
И евро знак в графе.

Хочет нежелезный пан Дзержинский
вспомнить вкус бабаевских конфет.

Двигутся милиция и кони,
следом — в узких шортах бегуны.
(На душе становится спокойней
За здоровье хрупкое страны).

В воздухе тончайшим шелком вьется
аромат татарского азу,
у скамьи интеллигент-пропойца
Пушкина читает наизусть,
напевает влюбчивая флейта
Августину нежные слова,

юный, необстрелянный ефрейтор
уплетает крапчатый лаваш.

Дальний лес изысканно коричнев,
спешно упакован в объектив
под коктейль из качеств и количеств
рвущихся наружу инвектив.
Соблюдён гостеприимства кодекс,
полон электричками извоз,
вздрагивает вечер-иноходец
в яблоках больших, холёных звезд.
И тоска пустой, фальшивой темой
выгорает дочиста, дотла
в час, когда ручной, но грустный демон
сквозь решетку простирает длань:
— Торопитесь, люди и поэты!
Допивайте солнечный мускат.
Отбываем!..

...Сказочной каретой
Кисловодск несется на закат...

В душе моей надежно и тепло...

В душе моей надежно и тепло,
Горжусь ее казарменным уютом,
Мне выписал бы именной диплом
Свирепый царский пыталыщик Малюта

За то, как арестантов содержу,
Как виртуозно создан микроклимат.
Вот — Вдохновенье (склонно к мятежу),
Вот — Лень (не откликается на имя).

На нарах возле тумбочки — Хандра...
Хандрит, зараза, круглую декаду.
Ей Злость пыталась врезать по мордам,
Теперь бабло копит на адвоката.

Азарт и Хитрость режутся в очко,
И у обоих рукава с тузами,
Привычка Петь протиснулась бочком,
Ей на живучесть предстоит экзамен.

Затравленно глядит из-за угла
Пристрастие к Восточному Искусству,
Раскладывает бесполезный хлам:
Цветные четки, икебаны кустик.

Здесь каждый — сам, и каждому — свое,
И каждый пишет почерком корявым,

Когда в окно черемуха сует
Шальных цветов душистые малявы,

И каждый промолчал, когда взашей,
Сиреной оглушительного свиста
Конвой Любви на выход без вещей
Выталкивал Тоску-рецидивистку.

Молится вечер

...молится вечер, и сладок
вкус ледяного щербета,
ласково шепчется ладан
нотой протяжной, неспетой.
Певчая птица глотнула
ветра густой карамели.
Молится вечер в июле
с нежной печалью апреля
словом от порчи и хвори.
Звёзды прозрачней и выше.
Шелка прохладного ворох
нитью упругою вышит.
Матовой медью мерцает
ризы узор под напёрстком.
Серьги сомкнулись сердцами,
словно сиамские сёстры.
Тает в уютной ложбине
капля щербета, но мёрзнет
имени мятного иней
в час, когда, трогая звёзды,
вечером певчим июля
плачет влюблённый Иуда...
Влажный аккорд поцелуя...
Аппликатура прелюда...

Мой дом хворал...

Мой дом хворал. Он прятал под ковёр
Холодной кожи матовую известь,
Когда сверлил алмазным ливнем вор
Дисперсию цветной оконной призмы.

Дом безнадежен был, неизлечим.
Его уже обкрадывали слуги,
И под надзором сломанной свечи
В камине остывал последний уголь.

И даже мышь из крохотной норы
К соседу унесла халву и вату.

А дом берёг от сквозняков нарыв,
Шурша комком обоев виновато.

Все говорили, до чего он плох,
И делали серьезные прогнозы,
Что тот дверной и очень ветхий блок
Едва ли одолеет эту осень.

Но, черт возьми! Как сильно я хочу
На кухне пить горячий чай с Цейлона!
Я завтра отведу мой дом к врачу
И стану ждать у операционной.

И я дождусь, чтоб врач сложил ножи
И крупный лоб салфеткой нежно вытер:
«Ваш дом здоров. Он будет долго жить.
И вы в нем обязательно живите»

А от нас уехал зоопарк...

А от нас уехал зоопарк...
Рано утром буферами лязгнул,
Увозя с фекалиями бак,
Тигра и пластмассовые ясли.

Где сейчас медлительный удав,
Саламандра и макака-резус?...
Фауна далёких государств!
Ты нужна, нужна мне до зарезу!

Обхожу знакомые места:
Здесь верблюд заносчиво плевался,
Здесь играл упитанный мустанг
С лошадьёю,
В девичестве Пржевальской,

Здесь мартышка создавал уют
И, стеснясь зрителей немножко,
Мучил одноглазую змею
Маленькой, изящною ладошкой.

Где моржа парадное весло?
Где тюленя разноцветный обод?
Для кого подкидывает слон
Тщательно гофрированный хобот?

Завершилось яркое ревью:
Не топорщит осьминог присоски,
И баран казённую травю
Не жуёт с гримасой философской,

Поминая свой сохатый Инь,
Не вздыхают пасмурные лоси,
Утомлённый жизнью бабуин
Попой о решётку не елозит,

Не смущают жёлтую осу
Детский визг и липкие ириски...
...Где же проводить теперь досуг
Тихой молодой вуайеристке?!

Самолеты

Самолеты, как мороженые рыбы
Г. Шпаликов

Куражом ожившие на йоту,
Верой окрылённые на треть,
Замерзают в небе самолеты
Рыбами, решившими взлететь.

Греза о безоблачных Карибах,
Умоляя земно-водных: «SOS!»,
Рвется в небо взбалмошную рыбой
Телом алюминиевый лосось.

Оживает в небе алюминий.
Рыба, а пойми её, пойдя ж,
Хочет, чтобы ждали и любили
Петербург, Оттава и Париж.

Ждём и любим.
Любим их. И ждём их,
Тех, кто в небе рыбою живёт.
Ждём, катастрофически бездомных,
С берега у Минеральных Вод.

Отчего ж, замёрзшие на йоту,
Верой окрылённые на треть,
Умирают в небе самолеты
Рыбами, решившими взлететь?

Ирина КУРАМШИНА

IRINA

(Москва)

«Работа у меня скучноватая, бумажная. Быть может, потому литературное творчество для меня — отдушина, возможность выразить эмоции, передать то, что чувствую я или мои лирические герои, поведавшие о своем наболевшем. Зачастую эти герои выдуманы мной, но чувства их вполне реальны. Печатаюсь в литературном альманахе "Озарение", автор поэтического сборника "Стою на перепутье мыслей". Самая обыкновенная земная женщина, чуть-чуть верящая в чудеса. А от читателей жду только одного — взаимопонимания».

Внешний вид

*Моей любимой подружке и ее маме
с любовью...*

— Мать, опять ты свои дурацкие наряды надела? Полный шифоньер барахла, можно сказать, «эксклюзивом» полки забиты, а ты за свое тряпье по привычке хватаешься. Кто ж у тебя молоко купит, если ты на бомжиху похожа?

Матушка стояла перед Алиской и глупо ухмылялась, держа одной рукой на поводке любимую козу Фросю, а в другой бидон с молоком. Фросе очень нравился ошейник, который ей нацепила хозяйка, с весело звенящими колокольчиками и стразами, переливающимися на солнце. Фрося чувствовала свою привлекательность и, чтобы привлечь внимание Алиски или хозяйки, медленно мотала головой, отчего воздух сотрясался от мелодичного звона.

— А козу, зачем с собой тащишь? — Алиска цыкнула на Фросю, и та покорно прилегла у ног матери, задрала морду и устремила преданный взгляд на хозяйку. — Козе покой нужен, недели две осталось до отёла, а ты её на дорогу... Эх, мама, мама!

Мать у Алиски чудная. Вот ведь несусаица, какая: Алиска ей и покупает хорошие вещи, и свои отдает, а вещи, надо отметить, у Алиски только отличнейшего качества, а мать все равно в обносках ходит. Наденет латанные-перелатанные шаровары, все в цветных заплатках, кофту какую-нибудь линялую и растянутую в разные стороны, туфли растоптанные обует — ну чисто побирушка. А венец экипировки — аляпистый красный платок, кокетливо обмотанный вокруг головы и завязанный узелком спереди на лбу с торчащими в разные стороны кончиками. Обычно так хохлушки платки повязывают, все помнят сей феномен по кинофильму «Свадьба в Малиновке». А этот фильм у матери — один из любимых. Подражает, видимо, героиням.

Как-то раз именно в таком виде мать сидела у дороги, торговала козым молоком да картошкой с солеными огурцами, что соседка подкинула. В деревне ведь как? Взаимовыручка между торговками существует: сегодня

одна торгует, а вторая огороды свои возделывает или какими-то домашними делами занимается, завтра — наоборот. В тот день трудовую вахту несла как раз Алискина мать. День жаркий выдался, матушку сморило, она и не заметила, как заснула.

Проснулась мать оттого, что кто-то тряс её за плечи и что-то приговаривал. Она глаза открыла, ничего понять не может, от испуга из горла только что-то нечленораздельное вылетает. Над ней склонился мужчина, огромный такой, шея бычья, бицепсы под одеждой ходуном ходят. Сам то ли бритый, то ли лысый от рождения, а из ворота рубашки у него цепь золотая в палец толщиной свесилась с крестом, какие мать только у батюшки в церкви видела, и участливо что-то говорит. Матушке спросонья он сначала ангелом показался, она как замороженная смотрела на крест.

— Глухая еще к тому же. — Констатировал «Ангел» и жалостливо погладил мать по голове как маленького ребенка. — Держи, бабуся, купи себе жратвы на все.

С этими словами он сунул матери в руки какую-то бумажку и неспешно направился к своему автомобилю, прихватив одну из бутылок с молоком. Автомобиль, резко стартовав, умчался, и только тут мать обратила внимание на то, что сжимала в руках.

Хрустящая, серо-зелененькая, мужчина лобастый с длинными волосами посредине, буквы иностранные, цифра 100... Мать таких денег отродясь не видела. Но поняла, что бумажка ценная. Свернула ее аккуратненько в четыре раза и поглубже за пазуху засунула.

Алиска долго смеялась, когда мать ей бумажку с длинноволосым показала:

— Да уж! Тебе уже милостыню подают... И не просто подают! Долларами!

Потому и сейчас ругалась, требовала одеться поприличнее:

— Мам, как ты думаешь, почему у меня торговля бойчее идет? А? И продаю я дороже, а тебе все цены сбивают. Не знаешь? Так скажу. — Алиска сделала передышку и прекратила расхаживать по двору перед мамашей и козой.

— Главное в вашем торгашеском деле — внешний вид! — Она подняла вверх указательный палец. Мать с Фросей тут же усталились на него. — Я как на дорогу выхожу? В нарядном платье, в платочке белом и чистеньком, зонтик беру с собой, да не тот дырявый, которым ты всех пугаешь, а свой — веселенький и яркий. И руки у меня чистые. Ты на свои посмотри: под ногтями грязь, а сами-то ногти, — ужас! Уже заворачиваться в крючки начали. Подстричь! Срочно! И хламиду свою сними, и безобразие это шарообразное, и пестроту с головы убери.

Мать при каждом слове дочери хваталась попеременно то за кофточку, то за шаровары, а при упоминании головного убора, заупрямилась:

— Ну, уж нет! Святое не трогай. Как это я без платка? Непокрытая?! Мне вера не позволяет. — Мать двумя руками вцепилась в свой платок, испугавшись, что Алиска прямо сейчас начнет раздевать ее.

— А то я не знаю. — Алиска решила немного позлить мать. — Сама той же веры. Между прочим, мать, староверы белые платки предпочитают, в отличие от тебя. Ничего. Повяжу тебе свой праздничный платочек, будешь у меня куклой на дорожной панели. Еще и сутенеры в свою команду сватать станут. Так тебе что больше по душе: божихой жить или бабонкой порхать? Выбирай!

Мать с козой переглянулись. Конечно же, матери больше нравилась независимость и удобная одежда. А самая удобная одежда — шаровары да размахай-ка, пусть и выцветшая. Да и коза тоже ничего против шаровар не имела, она к своей хозяйке привыкла и в другом виде могла и не узнать. Ну, а как доченька разозлится да сократит денежное довольствие или вообще «родительский день» отменит? Мать молчаливо посоветовалась с Фросей. Наверно, получила поддержку, так как, кряхтя да охая, пошла в дом, переодеваться.

Спустя полчаса у обочины, рядом с которой расположилась Алискина мать, уже выстроился целый кортеж из дорогих автомобилей. И не мудрено: кто ж проедет мимо статной пожилой женщины, разодетой под «светофор»? Если к светло-салатовому брючному костюму и желтым сандалям мать отнеслась безразлично, головной убор она отстаивала как львица. Сошлись на панамке в тон к костюму. Но, как пионеры в далеком прошлом срывали с шеи ненавистные галстуки, едва переступив родительский порог, так и Алискина мать, только дочь удалилась, вытащила свой выдавший виды головной убор и нацепила его вместо панамки.

Кто знает, по какой причине произошло чудо, но выручка от продажи молока у Алискиной матушки в тот день была в три раза выше обычного. Да и соседке повезло. Её картошка с огурцами тоже ушла на «ура». А мать подумала, подумала, и теперь сама без уговоров наряжается для выхода на обочину. Вошла во вкус.

Полюби себя

(опыт первый)

Два месяца назад столкнулась в лифте нос к носу с соседкой Галкой. И просто в осадок захотелось выпасть. Вечно нечесаная, одетая по моде 60-х годов, с килограммовым слоем косметики и взглядом затравленного зверька, Галка всегда вызывала у меня жалость. А тут передо мной стояла Леди! И не просто леди, а Леди с большой буквы Л. И ни знакомых авосек в количестве не менее трех штук, ни почти кирзовых сапог, ни знаменитой на весь район куртки с восемнадцатью карманами на все случаи жизни. Ни-че-го, абсолютно ничего из прежней жизни моей соседки.

Я, конечно, в первый момент дар речи потеряла, что поделаешь, — бабская зависть, а потом насильно затащила Галку к себе и давай выспрашивать ее о тех метаморфозах, что привели к столь значительным изменениям не только в облике, но и в характере соседки.

Галка всегда была любительницей поболтать, а тут и вовсе разоткровенничалась. И, если раньше я отмахивалась от надоедливой соседки, как от мухи, теперь сама оказалась в положении насекомого.

Наше чаепитие плавно перетекло в дружеское застолье с принятием более крепких напитков. Новоиспеченная Леди ушла домой далеко за полночь, изложив свою нехитрую историю и посеяв в моей душе зернышки зависти.

Все дело оказалось в тренинге, который Галка посетила буквально месяц назад. Однако про сам тренинг она говорила очень туманно, чем вызвала еще большее мое любопытство. Я для себя поняла так: это не секта, это что-то типа курсов, на которых людей обучают общаться друг с дру-

гом, видеть свое Я, свое место в жизни, прививают понимание любви и уважения к этому самому Я. Что ж, неплохо. Научиться любить себя, а тем более понимать! Кто ж откажется от такой учебы? Я проворочалась без сна всю ночь. И к утру всходы тех самых зернышек, посеянных моей доброй соседкой, уже проклюнулись, оставалось только решить финансовую сторону вопроса.

А денег этот удивительный тренинг стоил немалых. Но результат в образе преобразенной соседки я уже видела, и причем результат, надо сказать, очень даже и очень неплохой.

У меня два внутренних голоса: один я зову Жабой, второй — Авантюрой. Они всегда в состоянии войны. Причем чаще верх одерживает Авантюра.

Вот и тогда Авантюра мне яростно нашептывала: «Срочно! Бегом! Не откладывая в долгий ящик! Ты тоже будешь такой как Галка! Ты будешь еще лучше!»

А Жаба просто молча душила, денег ей было жалко.

Как водится, победила Авантюра. Я заплатила деньги и стала мечтать о потерейном билетике, который собиралась вытащить на тренинге.

Настал первый день моего звездного часа.

Окрыленная, примчалась я за панацеей в какой-то дом культуры, где собственно и проводился тренинг. Жажущих этой самой панацеи было около ста человек. Разнокалиберная толпа взвинченных сверх меры людей возрастом от 15 до 70 лет меня несколько шокировала. Но я не стала закидываться на толпе, решила принять все, как должное. Слушателям прикрепили таблички с именами. Девочки и мальчики, работавшие на тренинге, с дежурными улыбками, практически молча рассадили нас в актовом зале, где звучала приятная для слуха музыка.

Начало было приятным.

Вошел высокий, интересный, очень подвижный мужчина лет 35 и прокуранным, с хрипотцой голосом пророкотал поздравление с началом нового витка в жизни всех присутствующих. Часть слушателей слишком поспешно (на мой взгляд) и с непонятным мне пока энтузиазмом восприняла здравницу тренера. Невооруженным взглядом на их лицах угадывалось то слепое обожание, что бывает у влюбленных. Но столько влюбленных сразу? Волей-неволей начнешь присматриваться и слушать внимательно столь загадочную личность.

Часа четыре без перерыва тренер (так он представился слушателям) вещал публике о пользе собственно самого тренинга и вытекающих из этого последствиях, которые непременно должны были начаться сразу же после прохождения курса, который длится три дня. Моему изумлению не было предела. Вещала загадочная личность неплохо. Речь тренера была правильной, плавно-тягучей, с неожиданными оборотами, разбавленная яркими примерами из жизни, с постоянными вопросами к слушателям, с вызовом их на откровенный разговор. Непонятно было одно: почему то, о чем можно было рассказать за полчаса, разжевывалось несколько часов, словно детям младшей группы детского сада, сидящим перед воспитательницей кружком на горшках? Прописные истины и больше нечего.

Потом нас отпустили на перерыв, предварительно сообщив, что после перерыва начнется самое интересное.

Те, кто бы возбужден до тренинга, в перерыве перевозбудились окончательно, и во втором отделении со многими начались истерики, объясняе-

мые тренером как выход энергии, освобождение своего любимого Я от разного рода зависимостей.

Я в диалогах не участвовала, просто присутствовала наблюдателем. И наш Красавец-тренер это заметил, я явно прочитала на его лице недовольство.

Нам было предложено (уже в конце первого дня) принять правила на весь курс. Напомню, курс — три дня.

Первое правило было смешное: не курить эти дни, не употреблять алкоголь. Слушатели-курильщики, первоклашки да и только, поднятые тренером с мест, стояли Пизанскими башнями, клялись тренеру (просто рокошущий божок) в верности своих слов. Я — заядлый курильщик с большим стажем, подниматься на всеобщее обозрение не стала, так как знаю, что все равно слово держать не буду. Так зачем клясться? Однако, на этом тренинге разведка поставлена на широкую ногу. Меня к ответу все ж призвали. Я подумала, что от меня не убудет, и поклялась Красавчику. Тем более, что к этому времени уже оформила свое отношение к этому мероприятию.

Второе правило меня задело за живое. Оно гласило: не принимать любых лекарств, за исключением случаев, если прием таблеток связан с угрозой жизни человеку, и они принимаются по рекомендации лечащего врача. А я как раз пила дорогие, привезенные из Франции таблетки, прерывать прием которых было нельзя, это могло привести к неэффективности действия препарата. Соответственно, никаких врачебных рекомендаций у меня не было, в нашу медицину я перестала верить после рождения дочери. Вот я и поинтересовалась у тренера «является ли угрозой жизни перерыв в приеме таблеток, не прописанных никакими докторами, при рецидивах язвы желудка».

Демонстрируя голливудскую улыбку и вежливость, тренер, ехидно улыбаясь, дал отрицательный ответ. И... предложил прием таблеток на эти три дня прекратить. Я — девушка упрямая, попыталась доказать абсурдность правила, стала спорить, категорически отказалась от прерывания приема таблеток.

Помните Остапа Бендера с Кисой на аукционе? Та же картина, и даже концовка совпала. Тренер картинно выкинул руку в сторону выхода и мягко и ненавязчиво попросил меня покинуть зал. При этом сверлил меня своими прищуренными глазами точно буравчик.

Как же я разозлилась! Вылетела из зала пулей пунцовой пунцовой. Взяв себя в руки, начала выяснять у сотрудников, дежуривших за дверью актового зала, о возврате мне денег, уплаченных за тренинг.

Вежливая улыбка и ни слова в ответ. Вот и все, что я смогла добиться от истуканов. Плюнула (причем не в переносном смысле этого глагола) на все и, затаив обиду, ушла.

Жаба ликовала и издевалась надо мной. Авантюра даже пискнуть боялась. Знала, что мы ее совместно с Жабой совсем придушим, подай она голос.

(опыт второй — окончательный)

Первые два дня после тренинга я вынашивала планы мести. Кровавые сцены, главным героем в которых соответственно был красавчик-тренер, то и

дело возникали в воспаленном от злости мозге. Он был и четвертован мною, и повешен, один раз утоплен в ванной, три раза — в различных водоёмах России. Из Франции по каталогу выписала мини-гильотину, и голова тренера долго скакала по моей квартире, пугая собаку и котов, а я никак не могла попасть в этот прыгающий мячик из револьвера для контрольного выстрела.

Я человек быстро отходчивый, обид не помню, и вскоре всё это мне надоело. Тут как раз выяснилось, что возврат денег за тренинг не предусмотрен. Можно лишь повторить попытку.

Узнав об этом, Жаба с Авантюрой заключили перемирие и усиленно принялись агитировать меня на повторное посещение уже заранее ненавистного мероприятия. Да еще Галка подзуживала: не могла что ли встать в зале и спросить присутствуют ли на тренинге врачи? Ведь, если б таковые нашлись, их можно было бы прямо в зале, как говорится, не отходя от аптеки, попросить о назначении принимаемого мною лекарства. Ну, кто ж мог додуматься до абсурдности подобной ситуации? Логически рассуждая, я также пришла к выводу, что лучше немного развлечься, чем потерять деньги просто так. А то, что мой повторный поход на тренинг будет развлечением, я уже не сомневалась.

Итак, я второй раз решила испытать судьбу. Но заранее настроила себя на несерьезность в отношении тренинга.

Все тот же тренер примерно столько же времени вещал в первый день о полезности проводимого мероприятия. Я ему не внимала, мне было интереснее наблюдать за слушателями. Еще в прошлый раз я заметила человек 15 одержимых как тренингом, так и непосредственно самим тренером. И в этот раз наблюдалась идентичная картина. Занимаясь самоанализом, пришла к выводу, что эти люди — «подсадные утки», активно подыгрывающие оратору.

Наступил момент принятия правил. Наш Красавчик делал вид, что не помнит меня. Я отвечала молчаливой взаимностью. Ни к курящим, ни к принимающим лекарства, себя не отнесла, рук не тянула. Просто сидела тихо и скромно, раздаривая направо и налево улыбки окружающим. Ну чем не пай-девочка?

Собственно после принятия правил тренинг и начался. Сказать, что сие мероприятие — фикция, означает сказать ничего. Множество раз позже я задавалась вопросом о том, что же было на тренинге, о чем он, что мне дали эти три дня, научилась ли я чему-то, получила ли я что-либо. Увы, ответа до сих пор нет. Видимо у тренера и организаторов любимыми авторами являются Ильф и Петров. Я не могу сказать, что тренер нес чушь или бред. «Воды» вылил много, на озеро хватит. И опять речь его быластройной, аргументированной, с яркими примерами. А обаятельная внешность, острый ум, мгновенная реакция и знание психологии аудитории просто магнитизировали. Но так как я заранее приготовила себе роль наблюдателя, то сумела увидеть слабость и какую-то тупую бесхребетность, младенческую доверчивость вполне взрослых и состоявшихся людей. Комедия и трагедия в одном флаконе под руководством современного Остапа Бендера разворачивались ежечасно. Возможно, некоторые ситуации даже были тщательно спланированы. Но таких тонкостей я уже различить не могла.

Запомнилось домашнее задание, которое было выдано в конце второго дня. На следующий день предстояло детальное обсуждение выполнения этого задания. Если учесть, что занятия заканчивались около десяти часов

вечера, можно представить каковы были усилия слушателей для его выполнения. А до десяти утра следующего дня нужно было умудриться построить дружественные отношения с двумя соседями.

Это задание я решила выполнить добросовестно, просто для самой себя. Оно мне понравилось. Всю дорогу домой я перебирала в уме соседей. И не могла вспомнить ни одного, с кем бы у меня были плохие отношения. Дом у нас на редкость дружный, все друг друга знаем. У нас даже субботники проводятся каждый год, а на них каждый раз выходит человек по пятьдесят, причем с закусками и различными горячительными жидкостями.

Остановилась я на Ваське, с которым уже год как не здоровалась. Вернее, Васёк со мной перестал общаться после того, как я его в кутузку засадила, где соседусшка провел часа четыре и затаил на меня обиду. Васька очень хороший мужик, рукастый, отзывчивый. Но хулиган. У него даже походка хулиганская с приволакиванием правой ноги, а еще косичка болтается на затылке. После одной Васькиной выходки, когда он перерезал кабель домофонной связи в подъезде, нервы соседей, а мои в первую очередь, не выдержали, и я вызвала наряд милиции, который Васька и повязал. С тех пор Васёк затаил на меня обиду, обходил стороной, совместные семейные чаепития канули в лету. Надо сказать, Васькова жена неплохая кулинару, я с превеликим удовольствием захаживала к ним на чаёк.

Итак, первая кандидатура для выполнения домашнего задания была утверждена, со второй было гораздо сложнее.

И тут я вспомнила давнюю историю.

У нас в доме поселилась эстрадная певичка. Условно назову ее Лилиана. Личность в молодежных кругах очень известная. Да и старшее поколение, особенно мужчины, уважают ее творчество. Но лично я ни одной Лиликиной песни не слышала, вернее не слушала. Но то, что такая есть, — знала.

Лилиана и ее администратор с первых дней появления в нашем доме стали «качать права». Администратор направо и налево сообщала всем соседям, что в дом поселилась сама Лилиана, чтобы никто к ней не приставал на предмет получения автографа, чтобы близко не подходили, не прикасались и т.п.. А публика у нас в доме солидная, встречаются и известные личности, и даже мирового уровня. Потому речи администраторши встретили в штыки. Местные пацаны, наслушавшись дома разговоров взрослых, начали хулиганить. В лифте появились надписи: Лилиана — дура, Лилиана — сволочь, а то и более крепкие выражения. Певичка занервничала, забегала по соседям, выясняя автора посланий, стала требовать у общественности список молодых людей, проживающих в подъезде. Пришла и ко мне с тем же вопросом. Я ей говорю: «Лилиана, видела вчера надпись в лифте “Ира — дура”»? Так это мне поклонник написал. А сегодня надписи нет. Я стерла ее», — и предложила любимице молодежи взять тряпку и все послания стереть самостоятельно. Лилианна в первый момент оторопела, потом стала вопить, что она не полomoйка. Но на следующий день стены лифта сверкали чистотой. С тех пор так и повелось: эстрадной диве пишут, она читает, потом сама же и удаляет послания. Даже неинтересно как-то. Нет бы, переписку продолжить: остальные соседи тоже могли бы свой вклад внести, — рецензии оставляли бы.

С машиной Лилианиной вечно проблемы были. Певичка всегда ставила ее так, что всем перекрывала въезд-выезд, не обращая внимания на призывы быть взаимно вежливыми, которыми у нас весь подъезд увешан.

Наша комендант однажды не выдержала и устроила Лилиане скандал. А наша знаменитость — сама непосредственность и скромность, говорит: «Да ты знаешь кто Я? Я — Лилиана! Ты хоть понимаешь с кем имеешь дело?» Комендант наша за словом в карман никогда не полезет. Тут же нашлась: «Лилиана? Гадалка что ли?» Вот тут диву точно чуть удар не хватил. К такому повороту событий она никак не была готова. Даже не нашлась что ответить. Но машину с тех пор ставила предельно аккуратно.

Потом у Лилианы поселилась подружка, тоже певичка, и тоже известная и модная. Иду как-то выгуливать своих собак, а они у меня мелкие, на руках их обычно выношу из подъезда. Замешкалась у почтовых ящиков, рекламу читала. Вдруг слышу, кто-то в окно колотит, что рядом с входной дверью. Глянула, а там певичкина подружка. С пеной у рта требует открыть дверь. Я ей популярно объяснила, что незнакомым людям дверь не открываю, чтобы она звонила по домофону в нужную квартиру. Подружка стала истерично кричать, что она мол здесь живет. Я этой подружке опять же через дверь предложила в таком случае свои ключи достать. Подружка тут же поменяла версию и сообщила, что в гости пришла, а ей вроде как не открывают. Тогда я внесла тоже новое предложение: подождать на улице, раз хозяев дома нет. Нервы у певички не выдержали, и опять на крик перешла, завизжала, что хозяева дома, что она знает, так как сама здесь живет.

Тут и я не выдержала и предложила ей определиться: постоянно проживает или временно пришла в гости. Мы бы еще долго препирались, но тут щелкнул замок, Лилиана все-таки соизволила открыть дверь. Подружка фурией влетела в подъезд и чуть ли не с кулаками набросилась на меня. Пришлось воспользоваться поддержкой моих маленьких питомцев. Когда я нашкодившего кота ругаю и обзываю его «козлом», собаки мне очень помогают в воспитательном процессе. Вот я и припомнила заветное словечко. Реакция собак не замедлила сказаться. Ох, хорошо, что они на руках у меня были. Дальше жуткого лая на два голоса дело не пошло. Но и этого было достаточно, чтобы звезда эстрады пулей влетела в лифт и умчалась на нем со скоростью ракеты. С тех пор обе дивы, как и Васёк, обходили меня стороной.

«Вот и вторая кандидатка в дружеские объятия», — подумала я.

Подойдя к родному дому, закурила (плевать я хотела на правила), обошла его, чтобы посмотреть на окна Васьки и Лилианы. У обоих свет горел. Значит, дома оба.

Начала я с Васька. Звоню в дверь, хотя понимаю, что время позднее, что пошлет меня сейчас Васька далеко и надолго. Он вышел заспанный, с немым вопросом в глазах. Я от неожиданности произнесла следующую речь: «Василий, у нас с тобой застарелый конфликт, меня гложет такая ситуация, мне надоело проходить мимо друг друга, не здороваясь. Сегодня — день соседа. Давай с сегодняшнего дня хотя бы здороваться начнем». Васька рот открыл, потом закрыл, опять открыл. Стоит, как рыба, воздух глотает, сказать ничего не может. Только головой закивал. Я восприняла это как согласие, быстренько протиснулась мимо Васька в его квартиру, и со словами: «Давай в знак примирения чаю выпьем на брудершafft», — сразу прошмыгнула на кухню. Васькова жена как раз пила чай перед телевизором. С большим интересом Инна Васильевна стала наблюдать за тем, как мы с Васькой молча разлили чай по кружкам, молча чокнулись ими, молча выпили и расцеловались троекратно по русскому обычаю. Васька стал мне

что-то возбужденно говорить, но я не слышала. Из глаз вот-вот могли хлынуть дорогие женские слезы, и я ретировалась, также неожиданно, как и появилась.

Уф, пронесло. Даже стало приятно от сознания совершенного. Полдела сделано. И я пошла в соседний подъезд к Лилиане. Но у самого подъезда увидела знакомый автомобиль, а в нем обеих подружек. Видимо певички только что подъехали и не выходили лишь потому, что увидели меня. Ну, думаю, постою, подожду. Достала сигаретку, закурила. Жду. А они видимо, решили переждать меня. Дурацкая ситуация затянулась минут на десять. Не выдержав, я постучала в стекло. Лилиана от неожиданности отпрянула и стала что-то лихорадочно говорить подружке. Но я настойчиво постучала еще раз. Опустилось стекло, и певичка зло буркнула мне: «Что надо?» Но я, сама вежливость, попросила ее выйти из машины для разговора. Девушки опять зашептались, и только через несколько минут Лилиана нехотя вышла из машины. Но я, воодушевленная беседой с Васькой, смело заявила Лилианиной подружке: «А ты тоже выходи». Видел бы кто в тот момент раскованную на эстрадных площадках звезду. Подружка сначала как Васька, онемела, а потом начала верещать каким-то противным тоненьким голосочком: «я здесь не живу, я только в гости, причем здесь я» и тому подобные глупости. Я ее почти силком вытащила из машины. Поставила певичек обеих перед собой. И торжественно начала речь.

Ну, не пришло мне больше ничего на ум. Я опять толкнула речь про День Соседа. Обе певички молча выслушали меня, а потом неожиданно хором заорали: «А мы ключи где-то в машине потеряли, домой не можем попасть». Дальнейшие полчаса мы дружно искали ключи, вывернув машину, если можно так сказать, наизнанку. При этом и Лилиана, и ее подружка, не умолкая, сыпали в мой адрес комплименты, а я соответственно им. Напросились к друг другу в гости. Я даже похвалила их творчество, с которым и близко не была знакома. И пообещала девушкам посетить их сольные концерты, на которые была в этот вечер приглашена, и на которые я вовсе не пошла бы никогда. Ключи мы все же нашли, и расстались довольные друг другом.

Таким образом, и вторая половина дела была завершена, и тоже удачно. И я получила от этого домашнего задания величайшее удовольствие.

Но пожалуй, это было то единственное, полезное и ценное, что я смогла вынести с тренинга.

Почти весь следующий день мы выслушивали истории построения дружественных отношений с соседями, обсуждали их. В этом процессе я участвовала, рассказав и свою историю. Умом я понимала, что ничего сверхъестественного не произошло, что тренер просто подтолкнул нас всех сделать для себя самого полезное дело. Об этом написано много книг. И за это не стоило платить те деньги, которых стоил тренинг. Кроме того, я никак не могла согласиться с одним из главных лозунгов тренера, с завидной настойчивостью закладываемого в умы слушателей. «Люби себя, наплюй на всех, делай только так, как сам считаешь нужным...» Слава богу, я была просто наблюдателем.

Финал же истории произошел, как это ни странно звучит, опять в лифте, накануне последнего дня тренинга, громко называемого тренером выпускным вечером. Только теперь я ехала в лифте одна, вниз. А второй лифт поднимался, и я стала невольным свидетелем разговора.

Знакомый прокуренный голос пророкотал: «Молоток, Галка! Теперь обработай соседку с третьего этажа. Рожка у нее глупая, а денег много. Тебе труда не составит убедить ее выложить денежки. Давай, сеструха, дерзай, через неделю новый тренинг начинаю».

Авантюра скромно промолчала.

Жаба же желчно прокомментировала: «Что и требовалось доказать».

Татьяна БАЕВА

May

(Екатеринбург)

На сайте известна как May (производное от ника «MaugLee» на одном из дружественных сайтов), а в решетовской Общалке — еще и как Волчь, одна из первых обитательниц окрестностей замка под названием «Решето». О себе говорит с неподражаемой скромностью: «Творческая личность, живущая фантазиями, на бегу сочиняющая простые вещи века. Представляю себя то ли волчицей, то ли амазонкой. Перо, будучи взятым в лапу, то есть в руку, с одинаковой веселостью создает как оригинальную графику, так и стихи. Люблю петь, танцевать, скакать верхом, вышивать бисером, болтать глупости, творить добро... Да что там, активистка, комсомолка (было такое в биографии, было) и просто красавица».

К этому остается только добавить, что May — участница и первый иллюстратор знаменитой саги о Маржиках, а также недавнего стихосериала «Город ангелов», отголоски которых можно обнаружить в лентах «Решета» и в «Золотой коллекции».

Весна

и так понятно, кому)))

Весна моя — девчонка без запретов,
По грязи налегке — босая чужь.
Живет себе, не слушая советов,
Такой вот живчик смеха и причуд.

Летит наперерез суровым дядькам,
Забрызгав их серьезные плащи.
Но взгляды дядек на нахалку, гляньте,
Ложатся, как голодные клещи.

И теток с ниткой губ глухой застежкой
Она ужасно любит подразнить,
Сверкнув призывно обнаженной ножкой,
Капелью смеха их расшевелить.

Чертенок хитро глянет из-под челки,
И всех святых — на воздух выносить.
Весна — неугомонная девчонка.
О скуке можешь даже не просить...

Девушка-Весна...

гормоны, млин...

Не святая в глупейшей наивности,
Не рассеянна, только задумалась,
Сквознячком против шерсти у живности,
Вскинув бровки, смеялась от юности,

От бурлящей потоками радости
Разбивала горячими пятками
Наледь серую, больно до сладости —
Брызги вдрызг! И бежать без оглядки бы,

Тормозить прямо в стылые лужицы.
Вся в грязи? Ну и что, зато весело!
Пусть помятые дачники тужатся
Не упасть от спесивости в месиво

Просоленной присыпки от скользкости.
Толку! Утром катком под подошвами
Из-под ног улепётывать с ловкостью
Озверевшими гладкими кошками.

Наплевать! Проплыть, так на цыпочках!
А тонуть, так в морях вдохновения!
Стоп машины! Порывом рассыпавшись,
Вновь весеннее пехт-настроение.

Что такое счастье?

no comments!.....:)

Жизнь — это просто какое-то невыносимое счастье!
Вот просыпаешься утром и видишь
Потолок, белый, немножко сероватый
(пора бы уж делать ремонт, но кому это нужно?),
Встаешь с кровати, идешь в ванную, открываешь кран,
И начинает течь вода (опять горячую отключили, гады!).
Стиснув зубы обливаешься холодной водой
(А что делать, лучше так, чем ходить липкой от вчерашнего пота).
Потом идешь на кухню, наливаешь себе воды,
Пьешь ее, ощущая сначала в гортани, потом ниже — в желудке
Приятный холодок и повышенную влажность.
Идешь в комнату и превращаешь кровать в диван
(«...и брюки превращаются, превращаются...»)
Несколькими отточенными годами движениями.
Что потом?
А потом идешь в самую любимую комнатку,
(Даже и не комнатку, а так, кладовочку),
Ту, в которой проходят самые насыщенные часы моей жизни.

Да, да, здесь находится комп, это чудо прогресса,
Позволяющее сконнектиться с любой точкой мира.
Но мне не нужен весь мир! (Пока, по крайней мере).
Мне нужны всего несколько, не так уж и мало, но и не так уж и много,
Несколько человек,
С которыми мне нравится «разговаривать»
посредством клавиатуры.
Я нажимаю на кнопку «Пуск» и... понеслась!..
Начинается сказочная,
Отличная от обычной реальности жизнь.
Я попадаю в мир чужих и своих фантазий,
Вижу тени вчерашних разговоров и мыслей на экране —
Они зафиксированы в зыбкой определенности,
Которая завтра станет туманным прошлым,
уйдя в цифровой ряд 2, 3, 4, 5,.....
Туда уходят и мои слова, чувства и мысли,
Которые я впечатывала в желтоватую ткань странички.
А в моей памяти всплывают полуреальные образы тех,
С кем я обменивалась безмолвной речью,
И эта речь не такая, которой пользуются в ситуациях
«Быт как он есть»... это совсем особый вид речи.
Он организован в предложения и иногда ясен,
Иногда неграмотен, иногда
Совершенно непонятен или имеет сразу много смыслов
(Как в известном «казнить нельзя помиловать»),
И я казню или милую, молчу или отвечаю,
Спорю, соглашаюсь, смеюсь, зубоскалю..
Да мало ли чувств можно выразить с помощью
33-х (кажется) букв и особых знаков-смайликов.
Вот она — сказка в жизни, та, о которой я мечтала в детстве,
Читая взахлеб, лежа на кровати, фантастику,
И представляя себе,
Как бы я превращалась в кого-нибудь НеМеня,
Трансформировалась,
Транклюдировалась,
Мгновенно оказывалась в любой, нужной мне
Координате пространства-времени.
Вот оно чудо! И невозможно теперь
Представить свою жизнь без этой второй жизни,
В которой я такая,
Какой хочу быть в эту минуту.
Мне не нужно поддерживать образ
Серьезной деловой женщины,
Которая-ответственно-относится-к-своей-работе-
и-образцовой-мамочки...
К черту!
Я хочу быть безалаберной,
Безответственной
Дикаркой, живущей в лесу,
Беспечно бегающей в чаще (без кроссовок),
Болтающей всяческую чушь,

Смеющейся по делу и без повода
(А какой спрос с дикаря?)...
Да мало ли, чем и кем я еще хочу быть!
Я есть! Я существую,
И совершенно неважно,
Кого я играю в субъективно-реальной
(а кто докажет, какая реальность
на самом деле более реальна?)
Жизни,
Если
Жизнь — это просто счастье!..

Осень. Фантазм

*Осень — это Весна, прилегшая ненадолго
отдохнуть...*

Слетаются птицы на свой ежегодный сходняк,
Подобно «персонам», устроенный там, где тепло,
Где зреют бананы на пальмах, смотри, просто так
Растет авокадо, и ночью как в шахте, черно...

Достану, пожалуй, и я свой полетный мундир,
Ведмакский колпак да проверю, как там помело,
Книжонку о зельях, зачитанную аж до дыр.
Проверю, на сколь сантиметров листвы намело...

Метет рыже-желтую зрелость премудрый скорняк —
Сошьет из метели листвы кружевное манто
Для девушки Осень, рубины рябины — пустяк,
Усыплет камнями наряд, подарив решето,

То самое, ну же, Бажов о котором писал!
Синюшкин колодец, Хозяйка, суровый Урал...
Полно самоцветами сито, в сосновых лесах
Каменья растут, как грибы, из обветренных скал.

Но я-то не Осень, а светлая радость-Весна!
Вперед, на юга с перелетными манит тепло.
Я искренна в радости, в горе — конечно, честна.
Хотя бы с прогнозом погоды хоть раз повезло.

Седлаю свою всепогодную просто метлу,
Держу курс на счастье, живущее где-то вдали,
Уснувшие чувства проказник крылатый взметнул.
Лечу, ощущая магнитные токи Земли.

Донельзя смущенные птицы ломают свой строй,
Еще бы! Впервой на метле человек в небесах!
А я хохочу — я вернулась сегодня домой:
Свершилась мечта о святых в простоте чудесах.

Ипполит ПОХЛЕБКИН Ророед (Харьков)

Физик-теоретик. Родился в Харькове 16 мая 1977 года, там же проживает и в настоящее время. Любимый стихоавтор — Ленка Воробей. В историю «Решета» войдет, видимо, не только как замечательный, очень своеобразный поэт, но и как один из персонажей и авторов «Табачного декамерона», составленного и записанного на основе содержательных диалогов в Общалке между «ключником Ипполитом» и «монашкой Амели».

Воробы

*И в том строю есть промежуток малый
Быть может это место для меня...*

И внутри вода, и снаружи... Везде вода...
Не поверите — дождь стеною со всех сторон
Что-то вплавь, смотрю, пустилась моя слобода
Воробы, как чайки — ждут от меня батон

Я вам дам, батон! Сейчас я возьму ружье!
Да куда ружье... Мне весла бы в самый раз...
Воробы сидят и чирикают что-то свое
С высоты таращатся бисером черных глаз

Вы не в курсе — сегодня будут ходить корабли?
Или лодки с мотором? Шаланды с трюмом сельдей?
Посмотрите! Спокойно гадят себе воробы
Свысока на проблемы жалких мокрых людей

Им смешно до колик от наших нелепых поз
От прыжков по лужам, вскриков и пантомим
И нет дела им до погодных метаморфоз
Я ей-ей завидую... Может мне тоже к ним?

Если только, конечно, сейчас я не утону
Стану с ними летать по небу до самых звезд
В стае мне, наверное, даже дадут жену
Я ее полжюбю за крылья и длинный хвост

И когда опять польется с неба вода
Перезвоном осенних струй, толщиной в жгут

Мы усядемся потеснее на провода
А под нами люди — тупо автобус ждут...

Рефлексия

собранный из отражений, мой человечек
свой силуэт забывает в витринах и лужах...
время разбавленной охрой заботливо лечит
в осень заблудшие неосторожные души,
высь распростерты древесные черные культы
страстной мольбою, граничащей с гневным «доколе!..»
нюхает мой акварельный, но жизненный мультик
в листьях — как призрак невидима — рыжая колли
ищет в велюре намеки подкладки из крепа
сердце пронзает до боли наивная сцена...
легких не хватит — вдохнуть это серое небо —
в общем, пейзажи типичные для голоцена
мало объятий — почувствовать эту безмерность
мой человечек, ты дьявольски несовершенен...
смотрит надежда, переходящая в верность
парой зрачков... из каждого из отражений...

Февральские весенние мечты

кафе-шантан... сидим с тобой вдвоем
я пью за ногти на БФ клею...
да-с, завтра непременно потеплеет
а мы... мы непременно доживем
потратив на случайный нежный взгляд
секунду между выдохом и вдохом
динамик взвизгнет пьяным скоморохом
разрежет вечер плазменный разряд
стирая мысль о страшном мираже
что по ночам меня подушкой душит...
«Священник исповедай мою душу» —
шансон достал до судорог уже...
священник, не вводи меня во грех
не вой, не забивай пролеты лестниц
я здесь тону в глазах своих ровесниц
а ты их распугаешь нафик всех
а впрочем можешь... истина не в том,
не в этих затрапезнейших руладах
ведь жисть... она всегда идет как надо
самой себе известным чередом....

я вижу, существую... я живу
кошу, сажаю, разбиваю, сею
стал как-то не по возрасту рассеян
вдруг полюбил тахинную халву

которую с детства не выносил
не сплю... смотрю на тлеющие угли
и месяца четыре не был в гугле
и не пойду, куда хватит сил...
прости меня... пожалуйста, не плачь
здесь так темно... наверное я умер
зловеще ноет телефонный зуммер
предвестником любовных неудач
ползет, как крот, по нервам нота «ля»...
страхни мне пелену, отдерни полог
мне снился ночью врач хронобиолог
сидящий на останках февраля
да-с... снятся отвратительные сны
я в них убог, и мелочен, и грешен
а хочется так сильно цвет черешен
и полежать на краешке весны
втянув ноздрями небо... высоту
почувствовать ладонями... я верю
надежда за травинками апреля
прорежется в горячечном бреде
и сладостью по жилам потечет...
среди ручьев, котовых криков марта
мне благосклонность ветреной Астарты
печальный нагадает звездочет
порвется мелодично тетива
сомнения и ужас станут тенью
теория свободного падения...
все подтвердилось... ты была права...

Солитьюд

*...А этот-то — стоит. Остался! Да...
Нырять в мою постель, пока хмельная!
Читайте по слогам: Все-гда-одна-я
И-ря-дом-ни-ко-го-и-ни-ко-гда.
Нора Никанорова*

Мерно и очень решительно... в общем, легко
Ухает ветром весенним калитку подъезда
Я выпиваю бутылку в два полных присеста
Пенкой пройдя разделитель из «Ltd. Co»
Много? Не чувствую... Можно... Да нужно еще!
Чувства скорее истомны, изысканно-гладки...
Кто там так дико орет в телевизоре гадком?
Харя какая-то, с красным нарывным прыщом...
Экой! С прыщом — а туда же! Со мной визави,
То есть, по-русски, ко мне своей ежистой репкой
Пива не хочешь?... Да вижу — тебе это крепко
Хочет большой и, конечно же, чистой любви...
Будет любовь... Ты не нервничай... Скоро, усек?
Скоро весна разухарится, вытянет жилы...

Впрочем, признайся, мы этого не заслужили
 Мы ж не читали под окнами танки Басё?
 Нет, не читали... Там сакура... бабочки... блин
 Он понимал... Он без толку папирус не пачкал
 Ты же — напротив, мечтаешь про тугриков пачку
 Я тут вообще утонул в этом е**ном Клине...
 Клинском (простите, отрывка)... Ну вот и перевед *)
 Вот и, прыщавый, проехали саночки мимо
 Хрен тебе скажет блондинка «придвинься, любимый»
 Хрен те согреют в семейном камине обед
 Впрочем, в камине не греют... Сбоят тормоза
 Сорри... Камин бутафорский и папочка Карло...
 Мне тут недавно в музее скелет динозавра
 «Вымрешь ты нафик!» — как-раз после пятой сказал...
 Вот... папа Карло не пил, а строгал буратин
 Даже Басё, что не жрал ничего кроме риса...
 Слушай, мужик, ты куда это вдруг растворился?
 В жопу прокладки! Куда ты?!! Ведь я тут один!!!...

*<http://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/>

Офф

Иду на «вы»
 Обломовы

Дергает перепонки маленький шкалик счастья
 Током искрят нейроны, в тыкву мечтанье бьёт...
 Долго звонят, настырно... Хочется пообщаться...
 Да!.. Ничего не слышно!.. Громче!.. Алё!.. Алё!..

Что-то шипит... Помехи змеями в уши лезут
 Стерва телефонистка тайно плетет муар...
 Ну?.. Говорим?.. А может прямо налить шартреза
 в трубку? Она ж для трепа! Емкий резервуар...

Хрена ей? Не завянет, терпит, не покраснеет
 Сюжит, не разорвется (вспомнилась Тиамат)
 Да!.. Вы опять молчите!.. Ну же, вперед, смелее
 Вам обещаю — буду всенепреренно рад...

Может на речке Лопань в бездну ушел Титаник
 Или немой Герасим недотопил Муму...
 Может быть дядя умер где-нибудь в Пакистане
 Надо забрать наследство — тапочки и чалму

Силюсь понять, услышать... Сбои дает мой пеленг
 То ли жуют мне в ухо, то ли мозги гудят

Музыка... Вроде Витас... (был бы он, что ли, Беринг)
Кто же и что там хочет? Если вообще хотят...

Пары заветных ноток мне б ажводтаг для счастья
Просто б сказали здрасти... Или физкульт-привет...
Буду теперь вживую с женщинами общаться
И утоплю в сортире старенький нофелет

В общем — к ядрене фене... Рвутся признаний нити
Кто и чего там хочет — ведает Саваоф...
Если вам что-то нужно — летом перезвоните!
Я ухожу за водкой! Все! Нажимаю офф!

Дарья ЗАЙЦЕВА**Margarita**

(Обнинск)

«Студентка первого курса. Будущий историк. 18 лет. В данный момент разрываюсь между двумя городами: родным Обнинском и придется-полюбить-Москвой».

Бывшему другу

Ты мне нужен, важен, дорог...
Я опять смеюсь сквозь слёзы.
Сыплет небо мокрый творог.
Как лечить мои неврозы?

Ты мне дорог, ты мне близок,
Ты — ещё одна потеря
Этих странных переписок
И разрушенных материй.

Ты — чужих орбит вращенье...
Не измерить в килогерцах
Как пустое развлечение
Переходит в область сердца.

Ты молчишь... Февраль рыдает,
Ночь опять по крышам бродит.
Я привыкла, так бывает,
Что друзья мои уходят.

Пусть не будет продолжений —
Провести черту продольно...
Выясненье отношений
Это пошло, это больно.

Не пойми меня превратно...
Чувств запутанных дворами
Ты уходишь. Безвозвратно.
Льнёт зима к оконной раме.

И мир как будто не велик...

И мир как будто не велик...
Летела мимо гладь дороги,
И был решительным и строгим
В твоём лице Господний лик.

Оглядка — вечный наш конвой,
А время комкало рассветы,
И снова ветхие заветы
Опавшей сыпались листвою.

Но ветер гнул к земле ковыль,
И билась жилка на запястье...
До боли верилось, что счастье —
Простая маленькая быль.

Дремали вечные дубы,
По небу облака спонялись...
Мы, как могли, оборонялись
От интервенции судьбы.

Ложились сумерки сукном,
И тени принимали позы...
Хотелось не стихов, а прозы
О чём-то близком и родном.

...Не принимали явь в расчёт,
Пожалуй, зря не принимали...
Лишь мы одни в ту ночь не спали,
Да наш хранитель — звездочёт.

Но из-под ног исчезла твердь...
И душу рвёт цикад трещанье,
И это тихое прощанье,
И отрезвление — как смерть.

08.03.2006

Рецидив

Как чёрно-белое кино
Мне снилась осень после мая,
И лист кленовый, догорая,
Стучался вновь в моё окно.

Мне снился неба синий лист,
И тучи хмурые под вечер,

Где, одиночеством отмечен,
Дождь сам с собой играет в вист.

Где день проходит словно год,
И где ничто уже не ново,
Как в изголовье у больного
Печальных лиц круговорот.

И твой рассвет из-под ресниц
Посмотрит пристально и мудро,
Промокшей кошкой бродит утро
По площадям гоняя птиц.

...Всё перепуталось вдвойне:
Огня свечи полночный голод,
И от весны уставший город
В объятий осенью стране.

08.05.2006

Отболевшее

Сам собой раздражённый,
Не способный на бурю,
Вновь, дождливым пижоном,
Вечер маялся дурью:
Брал гитару от скуки,
И намазывал густо
Умиравшие звуки
Отболевшего чувства.

Ноты сыпались глухо
На последнюю мессу,
Ночь шептала на ухо,
Что они не воскреснут,
А они, как назло,
Суете, дешевизне
Всех поступков и слов,
Умалляли о жизни.

Как толпу иноверцев
Их сжигали, и, вроде,
Нежность плакала в сердце
На последнем аккорде,
Отпустив всё, что взято,
В никуда ниоткуда,
Так надрывно и свято,
Как прощенный Иуда.

Чтоб навеки замолкнуть

Успокоено-чёрство,
Не дряхлеть и не мокнуть
От пустого позёрства,
С тихим всплеском разбиться
О гранитную тишь.

...Словно самоубийца,
Утро падает с крыш.

23.05.2006

Мимо знакомых мест...

Мимо знакомых мест,
Вновь устремляясь прочь,
Время несёт свой крест
Вечер вплетая в ночь.

Шляпы сорвав с голов
Ветер чинит разбой,
Путаясь в дымке слов
Люди идут домой.

Кто-то не ждёт Суда
Свой сочиняя ад,
В зонтик стучит вода,
Всё — как сто лет назад.

Улиц гудящих спесь
Не победит никто,
Что изменилось здесь —
Только фасон пальто.

Блеск городских огней,
Серых домов змея,
Жёлтый один на ней:
Может быть, там и я...

...Плёнка времён — reprise.
Звёзды стряхнув с сапог,
Хмуρο посмотрит вниз
Мой повзрослевший Бог.

19.03.2006

Алёна БУДНИК

Iearina

(Беларусь)

Она же Ари, она же Марла – ангел самоубийц, она же принцесса, 27 лет, красавица и умница-вся-в-мать. Уже не замужем, вследствие чего имеет скверный характер, кучу возможностей и творческую профессию. Любит дурить людям головы и пугать их неумённой фантазией.

Введение в бусинковедение

*очередному Особо Прекрасному
Человеку*

Часть 1

Бусинки — маленькие спутники королевы страны Будляндии. Как они выглядят, никто из современников точно описать не может. Хотя у древних, например, у Антиоха, ежели порыться в его труде «И дым отечества напомнит нам о мясе» попадаетесь следующее: «и спрыгнет она с королевской длани и подарит зело удовольствие огромное. Ежели не убоишься гнева владычицы и проникнешь ей на комиссарское тело, то обнаружишь там распушистых существ, приятственных на ощупь и непонятных на вид... ибо скрытны они и к маскировке способности имеют, поэтому цвет хаки предпочитают. Ветеранам на них смотреть нее рекомендуется, ибо противотанковые окопы здесь ни причём, так что не фиг загоняться не по делу...». Они, то бишь бусинки, живут в бутонах цветов и на королевской шее. Ну, им там нравится.

Очень любят собираться стаями и по первому же требованию своей владычицы осуществлять целенаправленный марш бросок в сторону очередного Особо Прекрасного Человека. И выписывать ему Королевский Чмок или Королевскую Буську.

Впрочем, стоит помнить, что бусинки — существа не постоянные и по определению вообще не существующие. Так что не фиг предъявлять претензии. И жаловаться. Всё равно не поможет. Их же нет. А на нет, как говорится, и законопослушный американский гражданин воспылать справедливым гневом не может.

Заманить бусинок к себе, даже если вы Очередной Особо Прекрасный Человек, непросто. Ибо они подчиняются только понятно кому, а совсем не всем желающим. Так что это вам не хухры-мухры, а ответственное мероприятие.

Помните, что ПРИМАНКА ДОЛЖНА БЫТЬ ВКУСНОЙ. И не фиг кивать на червей и кошачий корм. Этим тока оленя какого-нить сумчатого приманить можно. И тот скорее всего окажется дефективным. Так что не прячьте ваши денежки по банкам и углам. А запасайтесь мартини.

Ежели имеется наличие отсутствия мартини, то сойдёт и пиво. Но приманить бусинку-королеву не надейтесь. Счас она с простолюдинами на пиво повелась, как же ж.

Впрочем, иногда они просто приходят. В гости. Так, чисто посидеть. Даже если их королева не посылала. Иногда люди им просто нравятся.

Хотя, это бывает нечасто. Ибо королева ихняя зело подозрительна.

Пуговичный мир. Метаморфозы

1. Жила-была пуговица с одной дырочкой. Она была серенькая, невзрачная и к тому же нестандартная, за что неоднократно подвергалась политическим гонениям, бытовым оскорблениям и двойному тарифу в троллейбусе. Всё это привело к шизофрении её личного психолога. По его совету и под девизом «ВСЕХ УБЬЮ, ОДНА ОСТАНУСЬ» пуговица занялась бодибилдингом и восточными танцами.

В результате она стала большой, гладкой и красивой и всем резко понадобилась.

Так появились компакт-диски. А после Чернобыля — и mp3.

2. Однажды в пуговице проснулся гражданский долг. И по совету Отца и Учителя она пошла в партизаны, где научилась совершать подвиги за определённую плату во вражеской валюте. Причём, платила пострадавшая сторона.

За это дошедшие до пелипса враги приговорили её к пожизненному изучению «Капитала» или расстрелу, что в принципе одно и то же. «А ГДЕ ВАРЕНЬЕ — НЕ СКАЖУ», — с этими словами на губах гордая героическая пуговица была расстреляна. Так появилась эта хрень с дырочками для мясорубки.

Поговаривают, что её наградили. Посмертно. Даже у товарища Че были такие пуговицы с кучей дырок.

3. И что таки оставалось делать нормальным двудырочным пуговицам? Только стать прототипами электрической розетки, свиного пяточка и Пуговицы Пушкина.

Расфилософствовалась...

Как проживаются жизни?

Определяется конечная цель, идеальные составляющие, и методы достижения. А потом всё просто- методы корректируются в соответствии с предлагаемыми обстоятельствами, участники сего спектакля подгоняются под идеал путём грубой лести и откровенной муштры. И составляется огромный паззл из кусочков, которые могли бы быть и другими, но которые нельзя отменить. И получается жизнь — большая, местами неприглядная, местами красивая, цельная.

Как происходит любовь?

Рисуем акварелью эскиз. Как правило, с короной, при обязательном наличии белого коня, алых парусов, или, на худой конец, полцарства. И здесь

не пазл — сложилось — не сложилось. А тщательный отбор — похож — не похож.

Как случается смерть?

Редко по плану. Пить, как правило, не хочется. Белый потолок и голоса за стеной, делящие наследство. Вот тут с идеалом пролетаем. Потому как время на исправление не даётся. Нету там такой опции, как «отмена действия».

Как пишутся стихи?

Не знаю. Это Дар.

Василика ПАЩЕНКО Vasilika

(Днепропетровск)

«Родилась и выросла на юге Украины — на земле запорожских казаков. Таврические степи, Крымские горы и Черное море — моя родина, место, где для каждого солнце всегда ярче, воздух слаще, а трава зеленее. Сейчас живу и работаю в Днепропетровске.

Самое главное в жизни — семья, самое интересное — люди. Отсюда и выбор профессии: я HR-менеджер, руковожу службой персонала на крупном производстве. Никогда не предполагала, что стихи станут частью меня. А случилось это с открытием "Stih.ru" и "Resheto.ru". С каким волнением публиковала я свои первые стихи! Возможность читать и общаться с гениями, писать и быть прочитанной, сделала меня по-настоящему счастливым человеком, давая выход всему, что копится, обретает формы и звучит в душе. Доверяю своей судьбе, но принимать за меня решения ей не позволяю. Закоренелый оптимист, поэтому знаю — этот мир для меня».

Оставь мне белым...

Оставь мне белым снег —
Сугробы у дорог,
Поземки тихий бег,
Окутавшей порог.
Морозность облаков,
Пурги звенящий смех,
Стерильность вечных льдов...
Оставь мне белым снег.
Оставь мне белым свет,
Прозрачным небосвод,
Средь хаоса планет —
Звезды ночной полет.
Цепочку будних дней,
Со вспышками побед...
В прожекторе огней —
Оставь мне белым свет.
Оставь мне белым стих —
Нет ритмики в мечтах,
Чтоб поцелуй затих,
Без рифмы на губах.
Без вычурности снов,
Делимых на двоих,
И пафосности слов...
Оставь мне белым стих.

.....

В калейдоскопах книг,
Бесхитростных раскрасок —
Оставь мне белым снег
Оставь мне белым свет
Оставь мне белым стих...
И миллионы красок.

Осторожность

Осторожность сегодня в вечернем меню.
Через дым сигаретный, как через броню,
Изучает ее — хороша, как назло,
Но еще не известно кому повезло.
Засмотрелся на ноги под узкою юбкой —
Вот поверишь такой, и вся жизнь в мясорубку.
Только он не допустит, чтоб вновь повторилось,
Отболело давно, но еще не забылось.
Ну?.. Когда же начнется атака на сердце?
И бокалы пустеют, и чайник согрелся...
Нет. Она опускает густые ресницы.
Может тоже живая... и тоже боится?..

Тем, кто пишет...

По нечеткому краю реальности,
Вышивая на пальцах кириллицу,
Подбирая капризно тональности,
В кружева, заплетая бессмыслицу —
Заводить хороводами ровными
Одностипия и однострочия,
Выпускать голубями почтовыми
Многословия... и многоточия...
.....
Когда полночь к странице притронется —
Всхлипнет строчка, и тихо задышит,
Расплавившись привычно бессонницей
За надежду: что кто-то услышит...

Роман ТОЧИЛИН
Romann
(madgenius,
kloPomor)
(Тольятти)

«Мне 46, живу в Тольятти Самарской губернии. Работаю на предприятии, электрик-профессионал. Вторая специальность и вторая работа — композитор-аранжировщик, немного (совсем чуть-чуть) продюсер. Стихи пишу с 14-ти лет, но был большой перерыв в творчестве, начал писать снова, когда попал на "Решето" (около года назад), и больше уж, наверное, не брошу».

Привыкаю

привыкаю без тебя
хирургическим касаньем
всё свожу концы с концами
привыкаю без тебя

в поле поезда трубят
в поле ночь над поездами
вышло как решили сами
привыкаю без тебя

привыкаю не любить
привыкаю быть спокойным
по ночам не снятся кони
привыкаю просто жить

просто жить как просто пить
пью обычный день как воду
только за стеклом холодным
веток спутанная нить

вечер сумрачен и строг
эту боль из сердца выну
я распутаю клубок
я когда-нибудь привыкну

Рыжая сказка

Сверкая лисьей гривой,
На огненном коне,
Смеющейся, игривою
Запомнилась ты мне.

Скользнуло змейкой платьице,
Припав к босым ногам...
Куда там солнце катится?
Где стелется туман?

Там сказке сказка чудится,
Там ворон ворожит...
Стыдливая распутница-
Дорога вдаль бежит

И там, за дикой пущей,
Где травы словно мёд,
Пасётся конь отпущенный
И седока не ждёт.

Если очень хочется...

Если очень хочется звезду —
Попробуйте вырастить себе руки.
Руки растут со скоростью 2 метра в час,
И в конце концов вы звезду достанете.
Правда, не сейчас, не сегодня
И даже не послезавтра,
Но всей жизни на это должно хватить.
Во всяком случае, попытаться стОит.

Если очень хочется звезду —
Попробуйте вырастить себе крылья.
Крылья растут не у всякого,
Неизвестно, с какой скоростью,
И даже неизвестно, растут ли вообще.
Но если очень постараться,
И ни в коем случае не проходить мимо,
Уверен — они всё-таки вырастут.
И тогда вы просто оттолкнётесь от Земли
И так же просто полетите к звёздам,
По пути старательно огибая
Растущие вверх руки.

В тебе одной...

В тебе одной — два разных существа,
Два лабиринта, две чудесных маски.
Одна-волшебница из доброй сказки,
Другая-демон тьмы и колдовства.

Одна, склонившись ночью надо мной,
Своих волос сплетала паутину.
Она поила мёртвою водой...

Живой водой другая отходила,
Сказала мне — живи! — и я живу.
Опять смеюсь, и плачу, и страдаю.
Одна мне усмехается сквозь тьму,
Сквозь солнце улыбается другая.

Два крика, две струны, две высоты,
Два взмаха крыльев — черноты и снега,
А между ними — радуга вполнеба!
...Наверно, это истинная ты.

Этюды о душе. Этюд 1

(опубликовано под псевдонимом kloPomор)

*Чужая душа — потёмки.
А своя?*

Моя душа — воздушный шарик,
Надутый невесомым газом.
На тонкой ниточке сознания
Его никак не удержать.
Ещё рванётся — и сорвётся,
И вверх безумною кривою.
А что там, выше? Только небо.
А что там дальше?
А плевать!

Моя душа — костёр в тумане,
Во мраке беспробудной ночи.
Но грея у огня ладони,
Не видишь свет других костров.
И только шарик, проплывая
Над бесконечною равниной,
Взирает с высоты полёта
На россыпь этих огоньков.

Моя душа — глухая чаща,
Где бродят тёмные медведи.
Сквозь бурелом дремучих мыслей

Извне пришельцам путь закрыт.
И где-то в самом центре леса,
На тихой крошечной полянке
Горит костёр.
Привязан шарик.
И человек усталый спит.

Девочка, женщина, кошка, котёнок и Бог

(опубликовано под псевдонимом madgenius)

И. К.

* * *

Девочка стояла на балконе 8-го этажа, рвала белые листочки писем и пускала обрывки по ветру.

Узкие бумажные полоски, трепеща бабочками, завиваясь змейками, разлетались над городом.

Ветер подхватывал их и нёс мимо домов, над крышами, кидал под ноги прохожим, развешивал на ветках деревьев, а то вдруг из какого-то немислимого озорства выстреливал ими прямо в серое небо, и они долго кружились там маленькими парашютиками, сбивая с курса голубей и самолёты.

Девочка этого не видела. Остановившимся взглядом она смотрела на окна дома напротив. Губы её шептали что-то, не слышное даже ей самой. Руки её продолжали двигаться, и ленточки бумаги с мелкими чёрными буквами всё летели и летели, а насмешник ветер вдруг складывал их произвольно, и тогда на прижавшихся друг к другу кусочках бумаги на миг проступали, словно вспыхивая, совсем иные, не прощальные слова:

«...я...тебя...люблю...»

* * *

«Боже, какой смешной!» — думала она, вглядываясь сквозь толстое промытое стекло кафешки в нелепую фигурку на улице напротив, у подножия памятника.

Мужчина расхаживал, прихрамывая и сутулясь, подставляя спину остроуму ноябрьскому ветру, иногда останавливался, запахивал плотнее серое пальто, стараясь не помять букет, что держал в левой руке, и не выронить журнал, который был в правой.

Отсюда не было видно его лица, но она со своим богатым опытом усталой 40-летней женщины легко могла дорисовать остальное.

Они познакомились в Интернете и больше года общались, привыкая друг к другу, а вчера наконец созвонились и целый час разговаривали, и его мягкий хрипловатый голос, произносивший умные, слегка ироничные фразы, задел в её душе какие-то удивительные струны, и она, сама не зная почему, согласилась на свидание, хотя после нескольких неудачных знакомств дала себе слово никогда больше этого не делать.

И вот теперь она стояла, плюща нос о витринное стекло, время от времени неосознанно поглядывая на собственное (всё ли в порядке?) отражение и нервно думала: «Ещё один прокол... Надо прекращать всё это к чёртовой матери!.. Надо идти домой и больше никогда, никогда... Боже, какой смешной!»

А он, стоя к ней спиной, но видя своим нечеловеческим взглядом не только её всю, от кончиков туфель до самых потаённых мыслей, но и весь город, и бесконечную Вселенную, и себя, и её в этой Вселенной, думал: «Ну что же ты медлишь? Ну, Боже... Ну, смешной... Но не все же Боги — Аполлоны!»

* * *

Кошка мчалась по улице, шарахаясь от ног прохожих, почти не видя их за багровым туманом боли, застилающим глаза, и только первобытный инстинкт — забиться подальше и умереть — всё гнал и гнал её по ледяным ноябрьским листьям.

Она смутно помнила свой прыжок — поймать мелькнувший мимо балконных перил, трепещущий, словно бабочка, бумажный листочек, и отчаянные попытки за что-нибудь уцепиться, и смертельный полёт, и инстинктивную группировку мышц перед ударом о землю, и сам удар, от которого всё тело, казалось, провалилось внутрь себя.

Мелькнуло тёмное пятно подвального окна, она поняла: «Здесь!», и метнулась, протискиваясь, и раскалёнными прутьями ткнуло в рёбра прикосновение к железной решётке.

С пронзительным писком брызнули в стороны мелкие серые тени. «Мыши...» — краешком мысли отметила кошка, но даже соблазнительность добычи прошла стороной, отступила перед всё заполняющей, всё поглощающей болью.

И ползком, ползком в тёмный тёплый угол, на мягкую кучу вонючей рухляди, легла, вытянув лапы в последней предсмертной дрожи, и уже угасающим сознанием подумала о своей короткой жизни отстранённо и холодно: «Это была седьмая... Ещё две, стало быть...»

* * *

Прихрамывая и сутулясь, Бог шёл по городу. Он шёл медленно, низко опустив глаза, что-то бормоча себе под нос по привычке, приобретённой в бесконечном одиночестве, и лишь изредка поднимал голову и бросал по сторонам пронзительно синий, стремительный, как взмах сабли, цепкий взгляд. Попавший под этот взгляд встречный прохожий остановился, будто налетев со всего маху на невидимую стенку, и простояв полминуты, помотал головой и двинулся дальше, оглядываясь. А Бог вдруг остановился у неприметной серой многоэтажки, одной в ряду таких же серых подруг, коротко глянул куда-то вверх, щёлкнул пальцами, будто досадуя, и пошёл себе восвояси, бормоча и сутулясь пуще прежнего.

«Здравствуйте, тётъ Люд!» — сказала девочка, настороженно глядя в открывшуюся дверь, поёжилась под немигающим взглядом и что-то поправила за пазухой.

«А у меня Муська пропала, — как-то странно поздоровалась женщина. — Проходи».

«Найдётся», — неуверенно сказала девочка, перешагивая порог.

«Нет, не найдётся, — спокойно ответила женщина. — С ней что-то случилось, я чувствую. Что-то плохое». Она повернулась и пошла на кухню.

Девочка набрала в грудь воздуха и отчаянно, словно прыгнув в воду, выдохнула ей в спину: «А я вам котёночка принесла!»

Женщина словно споткнулась, медленно поворачиваясь к ней, а девочка зачистила, заторопилась в округлённые удивлённо глаза: «Я хотела домой,

а мама ругается, а он такой маленький!.. Пусть у вас поживёт, а?». И замолчала.

«Пусть живёт, — согласилась наконец женщина. — Я его Муськой назову».

«Это котик, — прошептала девочка.

«Тогда будет Мусь. Хочешь чаю? Пошли».

И они сидели на кухне и пили чай, а котёнок Мусь лакал молоко, а потом, отчаянно карабкаясь, забрался по халату к новой хозяйке на колени, пригрелся и заснул, довольно урча, а ветер за окном, возвышая голос, всё пытался о чём-то рассказать и разочарованно отступал, не услышанный.

И где-то далеко отсюда, по проспекту, прихрамывая и сутулясь, брёл прямо на закат немолодой мужчина в потрёпаном сером пальто.

Рита ВЕТРОВА

Rita

(Санкт-Петербург)

«Родилась в Ленинграде, живу в Питере, работаю финансовым директором, люблю цифры и они отвечают мне взаимностью, в свободное от цифир время танцую танго и фокстрот, а также притягиваю за уши упирающуюся реальность. Хобби: наступать на свежевыкрашенные грабли».

Ежиков и Ветер

С. Листу и Бесс

Однажды в теплый весенний денек Ежиков лежал на полянке с закрытыми глазами, вслушивался в жужжание пчел в золотистых кустах мимозы и думал: «Почему жизнь нельзя прожить не изнутри снаружи или снаружи внутрь, а непременно от начала к концу? Почему нужно набить много шишек на голове, чтобы получился опыт? Почему все влюбляются, строят семьи, а потом теряют друг друга? Вот, когда я вырасту, стану большим преуспевающим ежом, я обязательно влюблюсь в прекрасную девушку, женюсь на ней, окружу ее заботой и лаской и запру ее дома. На замок. Нет, лучше на семь замков, вот».

— Разве ты не будешь ее любить? — спросил кто-то.

— Кто здесь? — испугался Ежиков, озираясь по сторонам. — А, это ты, ветер!

Ветер взволнованно зашелестел листвой, закружил вокруг Ежикова, зашуршал иголками.

— Конечно, буду любить, — возмутился Ежиков, — больше жизни, выше неба!

— Но как же можно любить и запирать на замок? — удивился ветер.

— Чтобы она не ушла от меня, — сердито объяснил Ежиков, — что тут непонятного?

— Но, если ты не сможешь ее отпустить, значит, ты не будешь ее любить. Это не любовь, Ежиков, а страх одиночества.

Ежиков крепко задумался.

— Нелегко отпустить того, кого любишь, — наконец произнес он.

— Нелегко, — согласился ветер. — Но свобода — это самое дорогое, что есть на свете! Свобода летать, где хочешь: над ромашковыми полями, над березовой рощицей, над лесным озером, над замком — везде, везде!.. Свобода принимать собственные решения, жить так, как хочешь сам, а не так, как хотят другие.

— А если она уйдет и не вернется? — спросил Ежиков встревоженно.

— Страх — это самая большая помеха в любви, — сказал ветер, — Ты не должен бояться. Тот, кто возвращается — твой, а тот, кто уходит, — никогда не был твоим...

Ветер улетел, а Ежиков, опутанный нежной паутиной мыслью о прекрасной далекой девушке, еще долго лежал в шелковистой траве, глядя на плывущие облака.

Наталья КУЛИКОВА

ShofaNchik

(Иерусалим)

Родилась и выросла в Тольятти. По образованию, образу жизни и основному времяпрепровождению — художник, однако всю сознательную жизнь пишет стихи. Профессионально литературой не занимается. В проект «Решето» попала случайно. В настоящее время живет и работает в Иерусалиме — одном из древнейших и прекраснейших городов планеты.

Ковчег

Я нелепая тварь — мне в ковчег не положено пары:
Те, кого я люблю слишком сильно потянут ко дну.
Я одна на борту, по обшивке я слышу удары —
Может сердце, а может пробоина в левом боку.
Море шире и злей, скоро, скоро потоп и расплата.
Только вот на ковчег не берут одиноких зверей.
Я смотрю, как огромный корабль отчалил куда-то,
Но мне как-то спокойней на маленькой лодке своей.

Брат

О хороших друзьях мне нечего знать и помнить,
О хороших мужьях я думать вообще боюсь.
Где-то там, в пустоте до боли знакомых комнат,
Я знаю, есть тот, кто вылечит эту грусть.
Он знает все тайны моих, и чужих проклятий,
Он знает тропинки, петляющие во мне.
Он помнит мой номер, мой рост и мой род занятий,
И он здесь возник, чтоб не было страшно мне.
Я знаю его, он любит ночные ссоры,
Моими слезами он разбавляет чай.
Мой брат Одиночество тихо задернет шторы,
Чтоб не было видно чернявых кричащих стай.
Хороших друзей мой брат навсегда обидел,
Хороших мужей он не пустил на порог.
Он столько всего обрёл, потерял, увидел,
Что стал для меня излишне угрюм и строг...

Зелье

* * *

Поскребу по сусекам — найду слезу,
Да снесу человеку, что жил в лесу,
В жестяной избушке — в пяти углах,
Жил, и жарил время в сырых углях.

До него тропинка с семи сторон —
Через пень-колоду, да крик ворон.
У него в избе — самоварный дым.
Да не стар, не молод — рождён седым.

В котелке там зреет престранный вар —
Лишь Хозяин смеет вдыхать тот пар:
Из огня и света болотной лжи,
Из зимы и лета, травы да ржи.

Не вдыхая пара, отдам слезу
Человеку странному, что в лесу,
Он закинет соль моих глаз в котёл,
Да раскинет дымом во тьме шатёр.

В том шатре, как в зеркале — я не я...
...Через ночь, да в полымя из огня...
Ведьмовством, да катаньем, да житьём,
Мы увидим завтрашнее — шатром,

Покатим шаром в него всё «сейчас»,
Чтоб не стало правдой оно по нас.
Наизнанку вывернем дым костра,
Да рассыпем серебра два ведра.

Поломать видение на куски,
Чтобы все прозрения — вдребезги.
Чтобы неповадно про «Завтра» знать —
Нынче жив, и ладно — не привыкать...

.....

Над котлом ни дыма, ни огонька,
Только взгляды ворона с потолка.

Разойтись с хозяином по добру,
Да до дому, пешая, чтоб к утру.
Без судьбы на завтра, дык хоть усну...
Поскребу по сусекам — найду весну.

Доктор

Доктор Менгеле, если б ты видел
Стаи миндалевидных глаз,
Доктор, если бы ты предвидел,
Как ты здорово лечишь нас,

Доктор, после твоей прививки,
Здоровеем день ото дня.
Нас, как маленькие обрывки
Вновь сшивает твоя игла.

Ибо нет ничего сильнее
Чувства ненависти к врачу,
Ибо нт ничего больнее
Знания: ЧТО ему по плечу.

Так спасибо, недобрый доктор,
Пациент твой почти здоров.
Догорай потихоньку, доктор,
В самом нижнем из всех адов...

Евгений БАТУРИН

baturine

(Воронеж)

Автор замечательной прозы и не менее замечательных стихов. О себе говорит мало. Так что информацию о нем цитирую с сайта «Точка. Зрения»:

«В первый раз появился на свет 16 сентября 1955 года, в избе деда под Барнаулом, благополучно миновал роддом, но не без усилий бабки повитухи. А уж усилия пришлось приложить — вес 5600 и выходить не хотел. Но... вытянули. Потом дальневосточный гарнизон с папой и мамой, Находка и Рудный — учеба в школе, Ленинград — учеба в ЛВИМУ имени С. О. Макарова, Арктика и гидрография, Воронеж и уголовный розыск и... вся дальнейшая жизнь в Воронеже».

Баба Роза (Байки провинциального бодигарда)

Витя — рафинированный интеллигент со стажем. Стаж у него немалый, общий — сорок два, тюремный — девятнадцать. Родная мама и жизнь научили Витю главному правилу: «вежливость — залог здоровья». Поэтому всюду и со всеми Витя предельно вежлив и на Вы. И абсолютно неважно с кем Витя общается, будь то криминальный авторитет на воле, пахан на зоне, попутчик в поезде или участковый инспектор милиции, не говоря уже об операх из уголовного розыска.

— Гражданин начальник, вы ведь знаете, сколько я отсидел? Шесть судимостей — девятнадцать лет! А знаете за что? Карманные кражи. А сумма, за которую меня судили? Так вот — я отсидел девятнадцать лет за украденные мною по разным карманам тридцать семь рублей девяносто семь копеек. Тридцать семь рублей девяносто семь копеек. Всего, вкупе! Вы понимаете?

Карманная кража — очень специфический вид преступления. Чтобы возбудить уголовное дело по факту карманной кражи абсолютно неважно, сколько вор взял на кармане — тысячу рублей или один рубль двадцать копеек. В среднем каждый год отсидки в неволе стоил Вите... Погодите. Тридцать семь рублей девяносто семь копеек делим на девятнадцать... В среднем каждый год отсидки в неволе стоил Вите приблизительно один рубль девяносто девять копеек.

— Знаю! Знаю и понимаю! Но это ведь не мешает тебе практически каждый день брать на чужих карманах мою месячную зарплату? За день! А то и две-три! Ты уже три месяца как «откинулся», а на работу устраиваться не собираешься. Что там три месяца? Ты с шестьдесят четвертого года нигде не работал, только числился. И на кого тебе обижаться? Седьмая судимость — вопрос времени. Так, что дорогой не забивай мне голову своими обидами на несправедливость. Я тебя в чужой карман не загонял...

Даже выудив портмоне у мужчины в очереди к кассе Аэрофлота или кошелек у дамы в автобусе, Витя предельно вежлив: «Позвольте. Извините. Будьте добры. Не могли бы вы...?» Витя вежлив даже, когда непривет-

лив, даже когда ненавидит оппонента. Настолько вежлив, что если, паче чаяния, ему когда-либо взбредет резать своего недруга кухонным ножом, он обязательно предварительно попросит извинения. Хотя нет. Зарезать кого-то? Фу!

Эта самая вежливость не раз спасала Вите жизнь и здоровье, как в местах не столь отдаленных, так и в родных пенатах. Витя широко улыбается и пытается вежливо поиздеваться над участковым, прикинувшись «дурачком» не понимающим глубинной сути проблемы:

— Гражданин начальник, Вы намекаете, что я Вам за свою спокойную жизнь, типа, бабок должен отстёгивать?

Витя три месяца назад вернулся из тех самых мест, не столь отдаленных. И попал под надзор к новому участковому. Когда Витя уходил на зону шесть лет назад участковым был его знакомец с детства Пашка, лет на шесть-семь постарше. В силу давнего знакомства они друг другу кровь не портили. Витя не воровал на участке, обслуживаемом Пашкой, Пашка не чинил препятствий Вите в силу отсутствия необходимости таких препятствий. Теперь Пашка свободен как ветер — на пенсии. Сыт и пьян, охраняет коммерческую автостоянку против завода горно-обогатительного оборудования. А Витю теребит новый участковый, с которым Витя к несчастью не знаком с детства. А не знаком по той простой причине, что когда у нового участкового начиналось детство, Витино детство уже закончилось и плавно перешло в эковскую юность на зоне.

— Ты Витя парень принципиальный, а дурак, или прикидываешься таковым. Я тебе не Пашка и не намекаю, а конкретно говорю, что мне от тебя надо. Не хочешь сдавать корешков своих? Козлом упираешься? Ну и не сдавай! Имеешь полное право. Только с чего ты взял, что я тебе устрою тут райскую жизнь? Ты будешь рейды по чужим карманам устраивать, нарушать «режим надзора», колоться ханкой и эфедроном, а я должен смотреть на это сквозь пальцы? С какой стати? Каждый из нас тянет свою лямку.

Все шесть раз Витю на карманных кражах брали «спецы» — опера из специализированного подразделения по борьбе с карманными кражами. Терпеливые ребята и настоящие профи. Они следуют за карманником тихо и незаметно и «хлопают» его только, если уверены, что похищенные портмоне или кошелек находится в кармане объекта. Сбросить кошелек секундное дело и надо так взять клиента, чтобы кошелек этот остался у него в кармане, да еще потерпевшего не упустить. Витя тоже настоящий профи, его клиенты никогда не замечают, что остались без кошелька. Профи Витя еще и потому, что «хлопнули» его только шесть раз за прошедшие двадцать пять лет, девятнадцать из которых он отбыл на зоне. А это означает, что в среднем спецы Витю брали один раз в шесть лет с учетом отсидки, и раз в год с учетом длительности нахождения на свободе. Девятнадцать лет практических тренировок на зоне, да шесть лет реального применения таланта на свободе дорогого стоит — просто «Мастер золотые руки».

— Гражданин начальник, за козла ответите... извиниться не грех.

Участковый, несмотря на свои всего лишь тридцать лет, тоже придерживается правила: «вежливость — залог здоровья». Однако это не мешает ему обращаться на ты со всеми, кого можно отнести к классу «ранее судимый». Можно в беседе с судимым употребить слово «козел», или «петух», но это не должно быть оскорблением личности.

Можно заехать «задерживаемому» правонарушителю кулаком в ухо, или преступнику пистолетом по голове в силу необходимости, но этого же

нельзя проделать с «задержанным». Со стороны разница небольшая — просто другой суффикс: «аемый» меняется на «анный», а как меняется внутреннее содержание слова. Все держится на взаимоуважении, по крайней мере, внешнем его проявлении. Ты мент, но есть правила игры, которые ты не можешь нарушать и, тогда ни один жулик не плюнет тебе в лицо. Застрелить — могут, ширнуть ножом в живот или шилом в сердце — могут, а плюнуть — нет.

— Ладно, хорошо, мне тут фасонить! Извиняться я буду, когда «козлом» тебя обзову. «За козла ответите!» Я те отвечу! На зоне фигуры выписывать будешь, художник, ёпэрэсэтэ! Твое дело воровать, мое дело тебя посадить. Если тебя «спецы» не поймают на кармане, я тебя на вполне законном основании отправлю на зону за нарушение режима надзора или на принудительное лечение от наркомании. Понял? Все, привет маме. И не забудь, завтра в восемь на освидетельствование к наркологу, в семь сорок пять я за тобой зайду. И избави тебя бог не оказаться дома.

Мама у Виктора очень интеллигентная и образованная женщина. Не её вина, что когда-то в юности Витя «зарулил» в дурную компанию, где и получил квалификацию карманного вора. Не было в их семье мужской руки, которая могла взять за шиворот и встряхнуть так, чтобы мозги в Витиной голове, наконец, сели на своё штатное место. Ну, не было. Что тут поделаешь? Встал в колею и катиться теперь по ней до конца жизни.

У участкового хорошие отношения с Витиной мамой. Ему всегда больно смотреть в ее грустные глаза, когда он в очередной раз, не застав Витю дома, составляет протокол о нарушении «режима надзора». Или изымает принадлежащую Вите трехлитровую банку сунорэфа. Сунорэф безобидная мазь — очень хорошо помогает при воспалении полости носа и путем не сложных манипуляций превращается в наркотик группы эфедринов. Готовые наркотики Витя дома не держит — жизнь приучила к порядку.

Деваться Виктору некуда. «Высокое» звание «особо опасный рецидивист» обязывает жить по распорядку. Витя находится «под надзором милиции» с 21-00 до 8-00 обязан находиться дома. Одно нарушение — предупреждение, два нарушения — строгое предупреждение, а на третий — извольте пожаловать на зону. До года лишения свободы. Два уже имеется, не будешь в семь сорок пять дома, получаешь третье. А будешь дома, придется с участковым тащиться на освидетельствование к наркологу. А там стопроцентная гарантия направления на принудительное лечение. Витя наркоман со стажем, и последние три месяца, с тех пор, как откинулся с зоны, в глубоком штопоре по этой линии. И светит все то же самое — до года. Называется только иначе, а суть та же. Куда ни кинь — всё клин.

Последний раз участковый почти прихватил Витю на горячем. Почти прихватил. Как-то так сложилось, что Витя в силу объективных обстоятельств четыре дня сидел без дозы. И начало его «ломать» как старую водовозную лошадь. «Ломка» — страшное дело. Не дай бог узнать, что это есть такое «ломка». Наплевав на «режим надзора», Витя вечером двинул в известное место. Как на грех, место было известно и участковому. Откуда его черт выдернул этого участкового? На притоне Витя принял дозу и оттянулся, как положено, да еще прихватил с собой про запас. Стоило Вите выскочить с пузырьком и шприцем в кармане из подъезда, как участковый «как конь перед травой» нарисовался на Витином пути. Вот уж, воистину, конь в галифе. Пришлось бросать пузырек, шприц и делать ноги «аллур три креста» домой, спасаясь от замечания за нарушение режима надзора.

Добежал до дома Витя первым и лады. Участковому мало прихватить отсутствие поднадзорного, надо еще найти понятых, составить протокол и получить подписи оных в подтверждение отсутствия поднадзорного по месту жительства. Витя выкрутился вроде, но оба они и Витя и участковый знают, что выкрутился Витя только формально. Всё равно рано или поздно придет день, когда Витя на чем-то да проколется. И вот тогда уж участковый выполнит все формальности точно и четко, так, что комар носа не подточит.

Участковому гоняться за Витей было недосуг. Он раздавил сапогом шприц, подобрал пузырек, сброшенный Витей, скovyрнул пробку и очень аккуратно помахал ладонью над горлышком, вежливо принюхиваясь. У него имелся печальный опыт трехлетней давности, когда на притоне открыв пузырек с неизвестной жидкостью, он сунул его под нос и глубоко вдохнул из сосуда. Сказать, что участковому стало тогда нехорошо, это ничего не сказать. Вежливость — залог здоровья. И деликатность. Подумав, участковый зашел в подъезд, поднялся на второй этаж, вытянул из кобуры «макаров», передернул затвор и, предварительно деликатно постучав условным стуком в третью дверь слева, выбил её плечом. И попал в точку. На самое варевов...

Витя ничего не говорил участковому по поводу варева на притоне. Участковый никогда не будет утверждать, что, дескать, это Витя сказал. Тем более что Витя-то участковому действительно ничего не говорил. Но факт есть факт — участковый держал Витю за ворот, потом отпустил. То ли участковый пожалел маму Вити, то ли просто был средоточием самого гнусного милицейского коварства. Пока Витя драпал домой, участковый пошел и взял на притоне наркоту и положил на палубу под стволом всех присутствовавших нарков. А потом подъехала целая кодла ментов, загрузила весь этот «колхоз» в машину и увезла в райотдел.

А Витя никого не сдавал. Но все теперь будут думать, что это сделал он. Участковый будет многозначительно молчать, поскольку Витя никого не сдавал. Но все будут думать, что участковый молчит потому, как не хочет сдавать Витю, который сдал ему притон. Витя будет думать, что все думают... В общем, всё всем понятно! Участковому есть с кем поговорить и без Вити. Чтобы все кончилось нормально, Вите остается только, гордо подняв голову, уехать на зону, так чтобы всем стало ясно, что Витя никому никого не сдавал. Поскольку, если бы Витя согласился сотрудничать с участковым, уж тот бы озаботился тем, чтобы Витя остался на свободе, где толку от него не в пример больше чем на зоне. Жизнь такая запутанная штука...

В семь сорок пять Витя был на месте. В восемь ноль-ноль Витя и участковый стояли перед дверями врача нарколога местной поликлиники. Врач-нарколог — усатая, пожилая женщина, грузного телосложения, лет за шестьдесят, известная под псевдонимом «баба Роза». Когда-то давно баба Роза, видимо, была красавицей. Есть в ней такая женская уверенность, которая может быть утверждена в женщине только долголетним и пристальным вниманием мужчин. От былой красоты ничего не осталось, а уверенность, уверенность красивой женщины в своей значимости, в своем праве на все, что дает жизнь, по-прежнему, целоко сидит в ней. Да, пожалуй, еще глаза. Чуть замутненные годами, но по-прежнему с блеском карие вишни глаза.

Дети бабы Розы с внуками уже четыре года проживают в другом городе, да и баба Роза практически сидит на чемоданах. Она и оставалась то в

Воронеже до сих пор, только потому, что семейный совет принял решение, что младший её внук должен, таки, получить диплом Воронежского медицинского института. Баба Роза потомственный медик, как и все члены семьи. Немножко осталось до получения диплома. В июле баба Роза вместе с внуком двинул к новому месту жительства.

Осмотрев Витю, оценив исколотые подмышки и ступни, и, задав ему несколько вопросов, Баба Роза отправила «больного» из кабинета. Дождаться в коридоре своей участи. Затем сдвинула в сторону паспорт и направление на медицинское освидетельствование. Раскрыв личное дело на последней странице, записала диагноз, вывод, проставила дату, подпись и приложила личную печать. Посмотрев выразительно, на участкового, сидящего на стуле в углу, произнесла:

— Нуждается в принудительном лечении от наркотической зависимости.

Затем, послушав указательный палец, она пролистнула личное дело на первую страницу, полюбопытствовать: кого же она сегодня приговорила? По мере чтения лицо её принимало все более растерянное выражение:

— Этого не может быть! Здесь всё, таки, правильно? Вы не могли бы мне показать его паспорт?

Баба Роза судорожно схватила лежащий на краю стола паспорт Виктора и раскрыла на нужной странице. Потом она медленно закрыла паспорт, и у неё задрожали губы:

— Это просто невозможно!

Карие очи бывшей красавицы как-то вдруг наполнились влагой нависшей над нижними веками. Потом первая капелька сорвалась поверх дрожащих ресниц и прочертила влажной полоской щеку.

Слезинки стекали на дряблые щеки и задумчиво повисали на реденьких черных усах бабы Розы, потом как бы, решившись, срывались вниз и падали на раскрытое личное дело особо опасного рецидивиста, карманного вора и наркомана с двадцати пятилетним стажем. Они капали и расплывались, впитываясь в рыхлую фактуру листа из вторичного сырья. Под слезинками медленно расплывались буковки записи:

*«Виктор Израилевич Самуйлович
1947 года рождения
уроженец города Воронежа
проживает: г. Воронеж, ул. ... дом...
национальность: еврей
ранее судим:*

1964 г. ст. 144 ч. 1 — 1 лет лишения свободы

1966 г. ст. 144 ч. 2 — 1,5 лет л. с.

1970 г. ст. 144 ч. 2 — 3 лет л. с.

1974 г. ст. 144 ч. 3 — 3,5 лет л. с.

1979 г. ст. 144 ч. 3 — 4 лет л. с.

1984 г. ст. 144 ч. 3 — 6 лет л. с.

Решением ... суда от 22.01.1984 года, признан "особо опасным рецидивистом"».

Участковый подал бабе Розе её же носовой платок лежавший на столе. Затем, вздохнув, положил паспорт и направление на список судимостей в раскрытое личное дело Виктора Израилевича:

— Ох уж эта баба Роза! — закрыл личное дело и, сунув его под мышку, вышел из кабинета нарколога. Участковому переживания нарколога были «по барабану». Он не разделял чувств бабы Розы, но сразу и без сомнения понял, отчего она закапала слезами личное дело наркомана Самуйловича.

Баба Роза так и осталась, зарывшись носом в платочек, оплакивать свою горе. Она просто не могла представить, чтобы еврейский мальчик, вместо того чтобы стать известным адвокатом или врачом, партийным функционером, банкиром или директором ювелирного магазина, может отсидеть полжизни на зоне и быть признанным «особо опасным рецидивистом». Пусть даже очень интеллигентным рецидивистом. В ее голове такая мысль не укладывалась, по той простой причине, что это НЕВОЗМОЖНО.

А Виктор Израилевич Самуйлович так и уехал принудительно поправлять здоровье, не узнав, отчего плакала по нему, отбывающая в июле в Землю обетованную, в город Тель-Авив, потомственный врач-нарколог с сорокалетним стажем Роза Исааковна Шпильман...

Неисповедимы пути твои, Господи.

Арбатский джаз

Московский двор. Полночный тихий час....

Во тьме протяжная рулада сакса —

Звучит дворовый, сонный, «черный» джаз,

В ночи, упавшей с неба бурой кляксой...

В живую, сочно, в перебив хита

Из припаркованного рядом мерса,

Слетая с губ лохматого «кента»,

Течет тягучим негритянским скерцо.

Мотив то «сладок», то как перец «жгуч»,

Чуть приоткрыв души смятенной дверцу,

То ввысь взлетая, то сверзАясь с круч,

Вползает змеем липким, жарким в сердце,

Ритм, заставляя отбивать ногой,

Мелодии, ручьем журчащей чистым,

Ритм танца страстный, девочки нагой...

Почти нагой... вокруг саксофониста,

В софитах сигаретных огоньков...

Дурман витает тихого экстаза.

И... тает груз обыденных оков —

Под сакс «смакуют» блюз «гурманы» джаза...

Ныряя в омут сотен тихих снов,

Грустит, смеется, плачет и хохочет,

Под грустный звон московских комаров,

Джаз льется в духоту арбатской ночи...

Александр ВОРОНИН Voronin

(Петрозаводск)

«Родился 3 апреля 1961 года в Гатчине Ленинградской области. Среднюю школу посещал в Краснодаре, военный вуз закончил в Ставрополе, служил в РВСН на Украине. Затем пару лет обозначал учебу в Литературном институте им. Горького, после чего осел в Карелии. Живу в Петрозаводске. Автор двух книг стихов и ряда журнальных публикаций, в том числе в переводе на финский язык».

Какая слякоть за окном!..

Какая слякоть за окном!
То тает снег.
Промок до самой шапки в нем
двадцатый век.
Апрель, апрель стоит давно.
Но нет весны.
И зябко, слякотно, темно.
Глаза грустны.
Питает сердце новизной
ожог глотка.
Пытает душу глубиной
тоска, тоска.
Капель — как детский барабан
в руках калек.
Наивный, в сущности, обман —
мгновений бег.
Над явью властвует и сном
озноб тоски.
На батарее под окном
грустят носки.

Обычный нерадостный день на исходе...

Обычный нерадостный день на исходе.
Обычные мысли стучатся каплейю.
Но все-таки что-то меняется вроде,
и веет какою-то новою цельюю.
Быть может, вулкан зародился под спудом,
вторая луна завелась на орбите,

но только, волной проходя по сосудам,
ломается строй параличных событий.
Покуда не выброшен я из обоймы
застывшего цикла, порочного круга,
но это случится, и, будьте покойны,
я выяснил точно, чья это услуга.
Меня Он поставить на новые рельсы
давно собирался, а замысел вечен.
И ждет меня бронь на небесные рейсы,
а мне до сих пор оплатить ее нечем.

sshone

«Основную часть своей жизни прожил в Свердловске, ныне Екатеринбург, сейчас много времени провожу в Подмосковье. Я — духовный учитель и целитель, если того требует процесс обучения. А значит и обладаю нужным для этого образованием. Я начал писать стихи в 12 лет и занимаюсь этим с перерывами вот уже 46 лет. Однако, я не профессионал, не литератор. Стихи — мой своеобразный дневник, в них всё — моя правда. Всегда рад встречать честных людей на своём пути. Всегда искренне рад прощаться с тем, что люди называют злом и ничтожеством. Счастья вам, люди, к свету идущие!»

Сад Эдема

Реальность укуталась в метафоры,
Не больно сердцу,
Всё ещё весна.

Как-то пусто, что нет пути,
Сад Эдема! немного странно,
Не подняться, не снизойти
К речке сквозь молоко тумана.

Тих, прозрачен и невесом,
Круг мое завершает время,
Видится золотым цветком
Мир, мной названный — "сад Эдема".

Я тебя называю так
В память прошлого — сказка детства!
Голос Библии, сей пустяк
Возрождается как наследство.

Сад Эдема, ты чист и строг,
Я вернулся и всё так тихо,
Я прошел путь, что воздал Бог
Познавания фунта лиха.

Человеческая семья,
Не видна ты и точкой мака,
Нет ни Солнца, ни Зодиака,
Продолжается жизнь моя.

Пусть закончится мой привал,
Возрождаюсь я новой темой,
В струях бархатных покрывал,
Знака высшего диадемой.

Сад Эдема, цветы, цветы!
Бог, воздай мне и честь и славу,
Может быть, и тебе по нраву
Пыль дорожная на Пути.

Филмор ПЛЭЙС philmore (МИНСК)

Можно сказать, что philmore — это человек-многоточие, которого окружающие открывают для себя день за днем, и который день за днем открывает себя вместе с ними. Вот что он сам рассказывает о себе.

«Никогда не мог определить, какой я на самом деле. Всегда был по душе даосский идеал человека-зеркала, отражающего других. Может, поэтому люблю восточное мировоззрение... А еще люблю притчи Чжуана-цзы и дзэнские коаны. Люблю суфийские сказки и хасидские предания. Что еще?.. Вот, хокку люблю и американские верлибры, начиная с Уитмена (ну, про зефир в шоколаде упоминать не буду). Вообще, стихи люблю больше, нежели прозу, хотя открытия встречаются везде. Обожаю дзэнскую поэзию, удивительную и непостижимую. Иногда я жалею, что не умею рисовать.

Когда меня спрашивают, почему пишу, я обычно вспоминаю слова японского поэта Таникава Сунтаро: *“Мы живем не для того, чтобы писать стихи. Мы пишем стихи, потому что живем на свете. Поэт любит не свои стихи — он любит мир. Не потому мне удастся найти нужные слова, что я вечно в погоне за словом, а потому, что я стремлюсь доискаться самой сущности нашего мира”*. И Уолта Уитмена:

*“В чем же смысл этой жизни?
В этом бесконечном повторении от рождения до смерти?
В том, что Великая Игра продолжается,
и ты можешь внести свой вклад, свою строчку стихов”*».

Я болею тобой

Лене Бесс

Я болею тобой.
Каждый день я болею тобой.
Я мечтаю о встрече
в хрустальной Варшаве Шопена,
Где под ласковым солнцем
неслышно кружится листва,
Где легко и воздушно
забытый звучит полонез.
Наше время грядет.
Наше время еще не настало,
И не знаем, когда
нам подарит судьба радость встреч.
Только где-то Варшава,
прекрасная наша Варшава,
Верит, любит, надеется, ждет...

Соловей

Дрожит река прозрачным серебром,
Ночь затаилась в ожидание чуда.
Растрепанным влюбленным Соловьем
Я прилечу к тебе из ниоткуда.

А в тишине под каменным мостом
Любовного томленья неизбежность.
Я стану петь над Розовым кустом,
По капелькам выплескивая нежность.

И до утра, и до последних сил,
Захлебываясь так самозабвенно...
Я вдруг пойму, что раньше и не жил,
Что лишь теперь стал вровень со вселенной.

И все на свете — той, что так люблю...
Но умирая с сердцем нараспашку,
Последнюю слезинку уроню
Над маленькой увядшею Ромашкой.

(Стихотворение «Соловей» — победитель поэтического конкурса, проводившегося на «Решете» весной 2005 года по случаю двухсотлетия Ханса Кристиана Андерсена)

Моей принцессе

И вот опять запутались в словах,
В случайных откровеньях поцелуев,
В прикосновеньях, травах и дождях,
Которые меж нами протянулись.

Мы заблудились. Улиц лабиринт
Мерцает неразгаданной загадкой.
И мы кружим в безвременье любви,
Все прежнее теряя без остатка.

И длится бесконечно чудный сон,
Где мы открыли и нашли друг друга,
И этот мир всего лишь пышный фон,
Всего лишь декорация для чуда.

Все тают в поднебесье тени слов,
И мы с тобой парим, одни на свете:
Как два цветка среди других цветов,
Как две звезды среди других созвездий...

Моя принцесса. Солнышко мое...

Пасха

День сегодня так празднично-строг,
Так наполнен любовью и светом!
Словно флаги страницы рассвета,
И деревьев сияющий слог!

Как раскрытая книга трава:
В каждом стебле звенит пробужденье,
В каждом малом листе — возрождение,
В каждой чистой росинке — весна.

И куда-то бегут облака,
Словно строчки заветных посланий...
И кружится осеннее пламя,
И сияет звезда Рождества!

Вот и вечер. Так празднично-строг,
Так наполнен любовью и светом!..
И уже начинается лето,
Я читаю его между строк.

Сергей РОСС

Ross

(Алма-Ата)

Казахстанский поэт и эссеист, живет и работает в Алма-Ате. Выпускник регионального Литературного семинара «Лето-2001» Общественного фонда развития культуры и гуманитарных наук «Мусагет» (при содействии Фонда «Hivos»). Четырехкратный победитель международного сетевого конкурса «Магия твердых форм и свободы» в номинациях «верлибр» и «сонет». Лауреат Международной литературной премии «Связь времен» (Вильнюс).

Между тем

...inter-esse...

Память — это зловредная старушка-процентщица с увесистой связкой ключей на впалой груди: заимствуешь грош — возвращаешь рубль...

Ночью снилась 25-я весна. И та, которая вычла из меня «вторую половину». Я снова увязал в быту, словно бы незрячий гончар в чужой глине. Мы стояли у окна и привычно пренебрегали рифмой, путались в размерах и в итоге утерли всякий такт. Даже сейчас мне не совсем ясно, когда мы перешли на прозу? Но, как и тогда, я очутился в её неисчислимых романах на птичьих правах третьего лица.

Тело прорастает из складок постельного белья, и пальцы аргументируют во мраке форму предмета: теплая вода не утоляет жажды, в горле першит и её имя рвется наружу.

Что толку теперь горевать о своей доле? Ей досталось моё сердце, мне — печень: моя подробная карта зло употребленных в сиюминутных кафе вин.

Сон — это анекдотичная очная ставка с вчерашним днем: не возразить вслух, не отыскать выхода из нелепого положения...

Рассвет. Струнные комарья сменяются щипковыми воробьиной ватаги. Кран влетает ксилофоном, из коридора ему вторит бас гулкой парадной: «Бог устал нас любить... Бог просто устал...». Вчера щедро наполненная сахарница сегодня утром удручает малосодержательным дном. Муравьи отвоевывают жизненное пространство, сообразуясь с тактикой великого переселения народов: плинтус — стена — рама — стол. Преимущество бесспорно на их стороне: «Пьета» — едва лишь иная поверхность, а всё Авраамово семя — в сравнении с популяцией — подробность. С точки зрения муравья, я — тля: каждый вечер наполняю сахарницу, не смахиваю со стола крошки, забываю на подоконнике банку с кофе.

Страшное заблуждение — обитать в гигантском муравейнике — уповать исключительно на одну периодическую систему элементов...

Вечером окно в кухне с видом на реанимацию: солнце закатывается за горизонт, словно зрачок коматозного больного за свинцовое веко. Мрак

упраздняет учение Евклида, и отныне каждый предмет в неоплатном долгу у Лобачевского. Мое бытие между тем напоминает пробел: покрытая теплом поверхность не отвечает взаимностью, и каждое движение соотносится с пустотой слева. Материя обладает своей скоростью движения во времени, а период полураспада тьмы не превышает и нескольких часов. Вчерашние детали покрываются пылью, меняют цвет и теряют внятность. Соломон был прав: все проходит – мимо, сквозь, не касаясь меня – дождь, незнакомец, день, боль, жизнь...

Рассудок все еще путается в доказательствах и лихорадочно ищет предлог для сомнений, но одиночество «с» уже сменяется одиночеством «без»...

Олег КОЧЕВЫХ**Olk**

(Киев)

Родился в 1979 году в Киеве, где с тех пор и проживает. По образованию историк-краевед (Киевский университет), по основной профессии последних лет — пиар-райтер, по призванию («для души») — журналист-культуролог, эссеист, автор более трехсот статей лирико-краеведческой, литературно-критической и другой тематики на русском и украинском языках. Стихотворения пишет как на украинском языке (публиковались многими литжурналами Украины), так и по-русски (данная публикация — первая).

Острые потока

Когда иступится терний,
Когда долетят прошенья —
Придем к Покрова на Нерли,
Нырнем в ее отраженье.

Омоемся в лунной ванной,
И сонный бездонный Китеж
Тебе прозвенит осанной.
Да ты и сама увидишь:

Там крепость и двор булыжный,
И в избах большие рыбы...
Гудят поезда на Нижний
Куда мы уплыть могли бы.

Ведь это совсем не долго:
Возьмем острое потока —
И Клязьма, Ока и Волга
Пройдут во мгновенье ока;

Потом прозвеним трамваем
Крутым Похвалинским съездом;
Закаты закрасим чаем,
Рассветы раскатим тестом.

...Ногой осторожно щупай
Комочки из теплой глины:
Где в заводь уткнулся купол,
На Нерли есть вход в глубины.

Когда иступится терний,
Когда долетят прошенья —
Омоем свои сомненья
Полночнім теченьем Нерли.

Мечта-плагиат

Построить дом в Балаклаве
Чтоб с башней, с окном на море.
В молчании жить всю зиму,
Писать стихи и статьи.

На лето звать поэтов,
И обормотничать с ними,
Водить на вершины, в пещеры
Татарской тайной тропой.

Пребыть в толпе одиноким,
Домоседом и вечным странником,
Гостеприимным отшельником;
Спасать, примирять, сводить.

И не дожить
до катастрофы

самую,
самую
малость...

Линк ЧУМОВСКИ link

Об этом человеке известно мало — для всех он просто Линк. Вспыльчив, но отходчив. Судя по количеству опубликованного, жизнь его представляет собой непрерывный творческий процесс. Причем, стихи его очень разнообразны по тематике и настроению.

Зарождается утро весеннее

Зарождается утро весеннее
Первым солнышком милое славится
Для души я читаю Есенина
Мне стихи его ранние нравятся

Сладкий кофе, разбавленный сливками
Бодрость духу, зубам потемнение
Серенада весенняя — скрипками
Воспевает — мое поколение

Наполняя меня жизни токами
Одевая деревья в зеленое
Мчась с ручьями, куда то потоками
Нахожу что — то определенное

Испытав от весны наслаждение
Убегаю полями и реками
Получив солнца луч в награждение
Пою вместе с людьми — человеками

Испытание холодом — временем
Я прошел, не страшась провокации
Вместе пил с человеческим племенем
Заедаю соцветьем акации

Здравствуй небо, весна неизбежная
Как картина — купчиха с подушками
Вся румяна, немного небрежная
И усыпана поверх веснушками

Rosa

(Израиль)

«Живу в Израиле. Работаю социальным работником после окончания университета (это мое второе высшее, первое — филологическое. Могилевский пединститут). Стихи начала писать года два назад, когда поступила в университет. Наверное, душа встрепенулась. Очень люблю "Решето" — считаю этот сайт исключительно достойным, как в плане литературных достижений, так и учитывая собравшихся там единомышленников... Начинала, правда, на "Стих.ру"».

5 июля

Прадеды ели виноград... а у нас оскомина..

Очаровательная блажь,
 Предавшись размышленьям грустным,
 рассеять призрачный мираж,
 Сплетенный Мастером искусно
 Из поучений мудрецов
 О том, что все на свете бренно...
 ... Мы за оскомину отцов
 Платить должны... — закон Вселенной...

Сказочно-реальное...

Ждущим...

— Расскажи мне о песнях, что шепчут ночные дожди,
 О стихах и балладах, написанных кем-то, не нами.
 — Я устал... Ты немного еще подожди...
 Заменю твою явь я волшебными светлыми снами...
 — Я ждала... Но никто не примчался ко мне.
 Питер Пен опоздал, и у Золушки с Принцем неладно.
 — Не волнуйся. Сейчас разберусь в кутерьме,
 Только верь всей душой, дорогая моя. Безоглядно.
 — Я одна. И мне страшно сегодня до слез.
 Серый волк на охоте. Дюймовочку Крот обижает.
 — Ты не бойся. Я слышал-в пути Дед Мороз...
 Только дату прибытия он, в общем-то, точно не знает.
 — Хорошо мне с тобой. Только встреч очень скудны рядки.
 Ты живешь много лет в тридевятом большом королевстве...
 — Ты дождись... И поблизости будут шаги...
 Это принц. На пороге. Из сказки, прочитанной в детстве...

Потом взгрустнула...

НЕлюбви

Весна решила подшутить...
Из вороха сумбурных красок —
Чудесных и волшебных сказок-
Она свою скрутила нить.

О том, что счастье было зыбким.
Оно решило уходить...
И мы не в силах угодить.
В сетях (увы) не бьется рыбка...

Весна придумала сюжет
О вычитании из сути...
Их было двое... Но не будет
Совместно проведенных лет...

Потом взгрустнула... Ведь ее
Все славят именно за праздник...
Но чувства умерли... И казнью
Довольно в небе воронье...

Ли ЙЕНН Lealenn (Санкт-Петербург)

«Псевдоним: Ли Йенн.

Профессия: редактор-издатель.

Призвание: юный гений.

План-минимум на ближайшие 15 лет: основать собственное издательство, написать бестселлер, получить за него Нобелевку в области литературы, купить домик на берегу Гаронны и жить там вместе с любимым мужем и парочкой очаровательных маленьких дьяволят».

Поющая в Сумерках

Написано в соавторстве с Гэллэйлор

Сперва он услышал женский голос, кажется, что-то поющий. Это было странно. В той стороне, откуда доносилась песня, находились почти непроходимые болота. К тому же уже смеркалось. Вряд ли кто-нибудь отважится петь ночью на болоте. Потому, либо та женщина немного не в своем уме, либо... либо что, Ситтен так и не придумал, но все равно поднялся на ноги и осторожной походкой бывшего охотника пошел в направлении болот.

Постепенно голос становился слышен все лучше и лучше, отчетливее становилась песня. И Ситтен подивился ее красоте. И, хоть он и не понимал языка, на котором она пелась, почему-то все равно понимал, о чем. Правда, не смог бы подобрать нужных слов для описания. Это было на уровне чувств, ощущений, — не речи. И Это заставляло трепетать сердце, заставляло душу рваться ввысь, к темнеющим небесам, сливаться с сумерками, с ароматом трав, с криками птиц и тихими шагами ночных хищников. Хотелось кричать от радости и счастья, наполнивших все существо. Хотелось плакать от щемящей тоски в сердце. И Ситтен, не совсем понимая, что делает, остановился, раскинул руки, запрокинул голову и невидящими глазами, из которых катились слезы, уставился в небо, вгрызаясь в синь ненасытным взглядом, пытаясь увидеть что-то, а потом — оторваться от земли, отдаться на волю ветру и улететь туда, в темно-синее море небес.

Но вдруг наступила тишина. И оборвалась ниточка. Ситтен быстро вытер слезы и, чувствуя злость на неведомую певицу, пошел вперед. Теперь он должен узнать, кто она такая, что здесь делает, и где научился так петь.

Но не так-то просто идти в сумерках по болоту, пусть даже и знакомому. Ситтен с трудом мог разглядеть тропинку, а потому шел медленно, спотыкаясь и чертыхаясь почти на каждом шагу. Порою он проклинал про себя свою любопытство — и свое упрямство, заставлявшее шагать вперед. Но все-таки желание узнать, кто это пел на болоте, почти полностью завладело им, не смотря на промоченную ногу и сгущавшиеся сумерки.

Между деревьями мелькнул маленький огонек. Ситтен не обратил на него внимания. Мало ли что могло привидеться ночью в лесу. Но он снова

увидел этот огонек, пройдя чуть дальше, потом еще и еще: желтые, красные, синие, зеленые. Чем ближе Ситтен подходил, тем светлее становилось. Охотник пошел медленнее, стараясь двигаться бесшумно. Сделав несколько шагов, он пригнулся и, затаив дыхание, приблизился к небольшой поляне, которую облюбовали огоньки. Когда же он бросил взгляд на поляну, то с трудом подавил возглас удивления. То, что он увидел было настолько нереальным, насколько вообще было возможно.

Вся поляна была усыпана сверкающим песком, который казался отражением звездного неба. Он переливался самыми различными цветами и даже излучал свет. Над землей же летали огоньки, которые ранее заметил Ситтен. Но это были не просто сгустки света, это были маленькие существа — не больше бабочки — с крыльями, как у стрекоз, которых окутывало странное сияние. Ситтен вспомнил, что в детстве слышал о таких существах от матери, часто рассказывавшей ему сказочные истории перед сном. Она называла эти огоньки феями. Что-то она говорила о них еще, что-то важное, что он уже не помнил.

Но не феи больше всего поразили Ситтена. Посреди поляны, на трухлявом, поросшем древесными грибами, бревне сидела девушка, красивее которой он никогда не видел и — он был в этом уверен — никогда не увидит. Ее кожа цвета кофе с молоком была совершенно гладкой и без единой родинки, а длинные каштановые волосы тяжелым шелком спускались чуть ниже лопаток. Она имела совершенное тело и, как уже знал Ситтен, удивительные голос. И вдобавок ко всему на ней была лишь серо-зеленая набедренная повязка и такого же цветка узкая полоска ткани, прикрывающая грудь.

Ситтен нервно вздохнул. Он не мог отвести глаз от девушки. Эта совершенная красота был вне его понимания. Нет, сказал он себе, это невозможно, я сплю. Но он не спал. Он видел ее и слышал, как она говорит что-то одному из огоньков, зеленому, что сидел у нее на колене. Ситтен не понимал языка, но ее голос завораживал его.

Мысленно он помолится Эхлоанне, богине лесов, попросил ее развеять видение. Но или богиня его не услышала, или просто не пожелала выполнить его просьбу, но ничего не произошло, картина осталась прежней.

Тут девушка повернулась и посмотрела на него в упор своими шоколадными глазами. Ситтен чуть не застонал — ее лицо...нет, нет в человеческом языке таких слов, чтобы передать красоту ее лица. Девушка продолжала смотреть на него, а он — на нее.

— Ты меня видишь? — спросила она, наконец. И Ситтен узнал ее голос.

Он открыл рот, чтобы ответить, но не смог выдать из себя ни звука, поэтому лишь кивнул. Видимо, ей хватило и этого.

— Ну да... сумерки, — сказала она, видимо, самой себе. По крайней мере, Ситтен не понял, к чему это было.

— Ну, что стоишь? Иди сюда, я не кусаюсь.

Ситтен сделал шаг вперед и окунулся в волшебное сияние. Странно, на поляне было очень тепло, теплее, нежели за ее пределами. А ведь он еще удивился, как она не мерзнет.

Нечаянно взгляд Ситтена упал вниз, где разноцветные огоньки закружились вокруг его старых, поношенных сапог. Смутно припомнились чьи-то слова о зачарованных местах, жители которых никогда не отпускают незваных гостей... Феи, феи... духи леса... не отпускают. Никогда. И среди чудесного, мягкого тепла поляны Ситтен почувствовал холодный озноб — в

прошлом году, весной, Оллет-мельник тоже упоминал «странных светлячков, что появляются на грани дня и ночи». А потом исчез...

Большие карие глаза девушки смотрели на него чуть насмешливо и в то же время необъяснимо-притягивающе. Ситтен понял, что не может не остаться здесь, среди этих огней. Не наслаждаться этой красотой. Не услышать еще раз этой песни... не увидеть... Поющую в Сумерках... Понял, что больше не сможет довольствоваться той жизнью, что вел до сих пор. Просто не сможет. Но если останется здесь — не вернется домой. И там воцарится такая же скорбь, что сейчас в доме Оллета — черная, страшная. Нет... нельзя ему менять чужое счастье на своё.

Никогда не забыть этого дня. Прикосновения к миру между днем и ночью. Никогда не повторить.

Ситтен еще раз взглянул на девушку. И пошёл прочь.

Юлия МОРОЗОВА**yuliam**

(Москва)

«Родилась и живу в Москве, окончила Московский университет культуры им. Крупской и Академию труда и социальных отношений. Трепетно отношусь к животным».

Еще один вираж...

*после прочтения стихотворения IRIHi
«Виражи»...*

Сброшу скорость на поворотах,
А потом наберу опять.
И по-прежнему будет кто-то,
Напрягаясь, меня догонять.

Что есть силы мне лупит ветер
По разорванным в кровь щекам,
Только я ни за что на свете
Руль другому не передам.

И когда-нибудь, к финишу ближе,
На особо крутом вираже
Трассу сверху случайно увижу,
И подумаю: «Всё, уже...»

Сигарета курится семь минут...

Сигарета курится семь минут,
И тебя, наверное, где-то ждут.
Не спеша так, тянется сизый дым,
Торопиться некуда молодым.

На себя ты смотришь — мало лет,
И не найден главный в жизни ответ.
Сигарета курится семь минут,
А тебя по-прежнему где-то ждут.

Впереди не сделано много дел,
И далёк ещё твоих сил предел,

Но торопит времечко молодой,
Не желая дни прожить чередой.

И настанет вдруг такой миг,
Оглянулся — ты уже старик.
Сигарета курится семь минут,
А тебя теперь нигде не ждут...

ЮРВАС**Relikt**

(ИВАНОВО)

«Пенсионер, бывший строитель, серьезно в стихах "плаваю" 12-15 лет».

Синева

Я пройду по дорогам, где проходите Вы...
Удивительно много надо мной синевы!

Синева, синева! Затопила весь город!
Тихо шепчет листва
Имя Тайны моей...
И кружит голова, и под синью простора
Созревают слова
На метель тополей!

Утро звонко щебечет над моей головой...
Я в надежде на встречу прохожу синевою!

Синева, синева! Затопила весь город!
Шепчет нежно листва
Имя Сказки моей...
И кружит голова, и под синью простора
Зазвучали слова
На метель тополей!

Скоро солнце облизнет всю росу на траве...
Если Вас не увижу — утоплюсь... в синеве!

Синева, синева! Затопила весь город!
Повторяет листва
Имя Жизни моей...
И кружит голова, и под синью простора
Льются песней слова
На метель тополей!

Виталий vincent (Франция)

Известен еще и как Шико (chiko), а в решетовской Общалке появляется в обличье Мыша. Медбрат с «русской нутрой» и французскими документами.

Куб (масло)

И. Икконен

Мой мозг пронизывает лед
Сжимает сердце страха стужа
То куба призрачного гнет
Он пьет по каплям мою душу

Он совершенен и жесток
Ты бьешься птицей в его грани
И, обессилив(это рок),
Комочком дремлешь в ожиданьи

Вдали, неистовый закат
Вгрызается вземли просторы
Кроваво-грязный листопад
Витиеватых снов узоры

Воздушных платий кружева
Нагих упругих тел сплетенья
Грехом усеяна трава
И я... за гранями забвенья

Не разбудить тебя — ты спишь
Витая в царстве недоступном
Постранства замкнутого тишь
И недописанный постскрипtum

Рисунок со страницы «Дикой ягоды»

обрывком стены... небо
ворвалось в разрыв крыши
и мрак чердаков мне был
в стаккато дождя слышен
слюдою вечерней, тени
в проемах стенных спали
штрихи поглощало время
углем испещряя память...

Анна ЛАППО

Ева

(Могилев)

Мне 29 лет. Живу и работаю в Могилеве. Мои работы появились на страницах белорусских газет и журналов еще в 1988 году. От поэзии ушла к прозе жизни и сейчас работаю тележурналистом. Люблю жизнь во всех ее проявлениях, и считаю, что творчество — это признание в любви самой жизни и всему окружающему.

Вишни

Вишни, вишни с молоком,
сахар крыш.
В теплотрассе спит дракон —
спи, малыш.

Ванилиновая пурга
в первый раз
на обломках пирога
кружит вальс.

Два огромных фонаря —
мусс разлит.
У подножья января
город спит...

Я не верю

Я не верю хорошим снам,
Я не верю счастливым встречам,
Убегающим облакам,
На плечах уносящим вечер.

Я не верю в мерцанье звезд
И в желтки из фонарных пятен,
Как не верю в венки из роз
И в распятие над кроватью.

Верю в то, что глаза Весны
Снега талого — слез полны...

Встреча

Мы были пленниками света:
витрин и равнодушных глаз,
и продавцы у звонких касс
считали мелкие монеты.

Мы разминуться не могли.
Я эскимо держала глупо,
и мимо нас чужие шубы
как реки снежные текли.

Мне был к лицу мой черный мех,
Тебе-расстегнутая шея,
все в мире замерло, не смея
на нас обрушить этих всех...

И я хотела закричать,
Эй ты, не смей меня тревожить!
Но вновь решила промолчать...

Виктор ЛЕВАШОВ

victorlev

(Ярославль)

Родился 19 мая 1970 года в Ярославле. Ясли, детсад, школа, армия, университет...

Работал электромехаником, проводником, грузчиком, фоторепортером, программистом. Стихи начал писать с 1995 года. Печатался в местной прессе. Участвовал в коллективных сборниках «Третья пятница», «Сорняки», «Шесть историй о...», «Отпечатки», «54 случая», «Мольба». В 2003 году прошла подборка стихов в «толстом» журнале «Русский путь». Занял первое место в Костромском конкурсе имени NN (пardon, не помню). За свой счет выпустил три сборника стихов: «Крамольные мысли», «Огни чужого города» и «Эпизод». Основное направление в творчестве: городская лирика. Женат, в 1996 году родился сын Михаил.

Тетрадка. Ручка. Стол. Будильник...

Тетрадка. Ручка. Стол. Будильник.
Настольной лампы свет родильный.
Глухой стук пульса под ушами.
Слова в строку впаяв насильно,
прислушаюсь; мой мир тишайший.

Прислушаюсь, сквозь стену взглядом
пройду. Пусть расплывется старых
обоев несколько пространный
рисунок. И пусть где-то рядом
грохочут ходиков удары.

Грохочут ходики; диктовка
размера, темпа, рифмы, шага.
Глядишь, и две строфы готово.
Допустим все не так уж ловко.
Глагол не жжет, как шрам от шпаги.

Глагол не жжет, и мысль не греет.
Комар проснулся, ищет пищу,
гудит в ушах до одурения.
Служу ему объектом дичи,
но в рай мне вход проблематичен.

Но в рай закрыта мне дорога;
и глуп, и грешен, и не верю
в ход жизни за чертой порога,
в что-либо за песочной дверью.
Вне этих строк — сует морока.

Отслужил свое полностью вечер...

Отслужил свое полностью вечер,
отмоторил дистанцию доблестно.
Упрекать себя в общем-то не в чем.
Укорять себя в сущности совестно.

Непреклонен, упрям, как обычно,
циферблат шагом стрелки секундной
ночи срок отмеряет привычно,
не скрывая характер свой нудный.

Замирает жизнь в городе сонном.
Окна гаснут по схеме случайной.
Фонарей освещенные зоны
мошкару в светлый плен заключают.

Светофоры квартетом унылым
желтым светом в пятнашки играют.
Тьма пульсирует, сон позабыла,
прячась боязно в тени сараев.

Успокойся бессонница надолго.
Сны заглянут к нам новые, пришедшие.
Мир не наш. Ты доверься мне на слово.
Мы с тобой здесь давно уже лишние.

Илья ТЮРИН и «Илья-премия»

Илья Тюрин родился 27 июля 1980 года в Москве, в семье журналистов. Выпускник лицея при Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). С раннего детства писал стихи, рассказы, эссе.

После окончания лицея Илья, решив стать врачом, год работал в НИИ скорой помощи им. Склифосовского и в 1998 году поступил на педиатрический факультет Российского государственного медицинского университета (РГМУ), но продолжал писать эссе и статьи, размышляя в них над проблемами общественной жизни в России и места в ней молодежи.

На пике творчества случилась трагедия: 24 августа 1999 года Илья Тюрин погиб, купаясь в Москве-реке. Последняя статья, «Русский характер», написанная в том же августе, опубликована в «Литературной газете» 6 октября 1999 года — уже после гибели автора.

Весной 2000 года в издательстве «Художественная литература» вышла книга Ильи Тюрина «Письмо» — сборник стихов, песен, статей и эссе.

26 сентября 2000 года в Центральном Доме журналиста друзья и близкие поэта проинформировали собравшихся об учреждении Фонда памяти Ильи Тюрина и Премии его памяти в области литературы (стихи, эссе, прозаиков) — Илья-Премии, целью которой вот уже семь лет является поиск и поддержка в начале творческого пути молодых людей (поэтов, прозаиков, эссеистов, философов), ориентированных на решение фундаментальных вопросов бытия. Гран-при Илья-Премии — издание первой книги победителя. Работы финалистов конкурса, а также известных поэтов, писателей, критиков публикуются в ежегодном альманахе «Илья» и на сайте «Дом Ильи» (<http://ilyadom.russ.ru>).

Литературное наследие Ильи Тюрина, его стихи, публицистика и культурологические работы с годами приобретают все большую популярность. Он был одним из немногих в поколении творчески мыслящих людей 90-х годов прошлого века, кто напрямую увязывал кризис русской словесности с кризисом русского характера и социальной энтропии. Его работа со словом и стала синонимом преодоления этой энтропии, способом выйти за рамки своего времени. Предлагаем вам самим убедиться в этом, публикуя ниже стихи Ильи и отрывок из его статьи «Русский характер».

Письмо

Оставьте все. Оставьте все, что есть:
За нами, в нас, над нами, перед нами.
Оставьте все: как музыку. Как мечь
Жестокое стекла оконной раме.
Оставьте все. Оставьте прежде свет —
Во всех его телах: в свечах, и возле
Свечей, и возле тех, которых нет,
Но — надо полагать, что будут после.
Оставьте все. Оставьте день — для глаз,
Его конец — для губ, сказавших «Амен».
Оставьте ночь: она запомнит вас,
Забыв себя, заполненную вами.
И все останется. И лишь часы,
Спеша вперед, зашепчут: Альфа, Бета...
...Омега. Все. Оставьте росчерк — и
Оставьте Свет. Но не гасите света.

10.05.96

Ной

Одиночества нет. Лишь сознание смерти других,
Или собственной — это для вас одинаково плоско.
Только Бог и остался, оставленный мозгом, — как штрих
Для себя: чтоб не крикнуть про землю на этой полоске.
Память знает о времени то, что не видит в окне,
Но успела прочесть между «здравствуй» и брошенной трубкой.
«После нас — хоть потоп», как заметили те, что на дне.
Как заметит душа, возвращаясь обратно голубкой.

25.08.96

Осень

Я не думал дожить до тебя — так и стало, не дожил.
Если что-то выводит рука, в том вины ни ее, ни моей
Ни на грош: только долг. Я мучительно помню и должен
Все — своей же душе. Все, что сказано было при ней.
Поворот, поворот. Пахнет свет? Или улица тоже —
И слегка молода, и настолько в обрез коротка,
Что при первой возможности рвется на запахи, точно
Пес — во тьму с поводка.
Мостовая и ночь — как набор существительных в речи,
Скачут: младшая бросит — другая, спеша, подберет,
Устремляясь обратно все больше на ощупь, все реже,
Чем трамвай вперед.

Пятница, 13.09.96

* * *

Мой черный стол диктует мне союз
С толпою развороченных бумаг,
В которые заглядывать боюсь,
Как в письма от сошедшего с ума.
Я словно постоянный адресат
Для этих груд, хоть в зеркале двойник,
Пейзаж в окне, и время на часах
Идут ко мне, опережая их.
Почтовая ошибка? или знак
Ноги на их нетронutom снегу? —
Я лишний здесь, но мне нельзя никак
Исчезнуть: не умею, не смогу,
И не привыкну, и уже свою
Испытываю память, а не страх,
Валяясь по измятому белью
За полночь у бессонницы в ногах.

23.10.96

* * *

Я уеду из дома,
Не услышав от стен
Ни добра, ни худого:
Насовсем, насовсем.

Будет ветер и пусто.
Мне идти одному:
Я последние чувства
Все оставил ему.

Через арку направо,
И вперед до огней.
Вот мой Реквием — браво! —
В перелетном окне.

Десять тактов навстречу
Голубям на карниз, —
И вприпрыжку на плечи
Переулка. И вниз.

Брось печалиться, ужас
Пережди. Не дрожи
О консервах на ужин,
И не бойся за жизнь:

Там, за парой балконов,
Различимых к утру,

Тело станет законным.
Значит, я не умру.

18.11.96

Старинная живопись

Предмесье Тициана. Мешковина
С картофелем из высохших долин,
Полуокно. И свет наполовину.
И тьма в глазах. И Бог преодолим.

Пожалуйста! Давай остудим глину,
Октябрь на красный свет перебежим.
Два выхода: Творцу найти причину
Или себя почувствовать чужим.

Язык не кисть. Не ждет переворота:
Меж фраз его всегда найдутся те.
Но если нет — то хлопнут не ворота,
А воздух на распоротом холсте.

29.11.96

(Екклесиаст)

Я лежу на диване. Передо мной
Стол, покрытый бумажною белизной
В декабре. Но единственная белизна
За окном — это цвет моего окна.
За окном — декабрь. А за ним — январь.
Птицы движутся, время стоит. Календарь
РазминулсЯ со снегом, застрял в пути.
Или некуда больше ему идти.
Из рта навсегда вылетает речь,
И покой наш уже ни к чему стеречь.
Сняв халат, удаляются от одра,
Охладевшим надеясь найти с утра.
Снега нет. Нам нельзя потерять тепло:
Мы испортимся. Будто бы бьет в стекло
Постоялец — и видит еду, ночлег.
Мы не можем открыть, нам не нужен снег.
Мы уверены: это стучится он,
Не оставив следа от голов и крон,
Все, помимо себя, заменив собой —
Как умели лишь мы, и никто другой.

Мы в снегу. Если Бог попадет в метель —
Философия сгинет. И как постель
Будет выглядеть Рай (или Ад — как знать,
Коли смерть занесло, и не нам умирать).
После снега уже не мозги его
Объяснят: что есть серое вещество,
Как не сам он? Под силу понять ежу.
Снега нет. Небо счастливо. Я лежу.

6.12.96

География

Кому, как не тебе — по ремеслу
Родиться в глубине земли усталой,
Где пол определяют по веслу
Иди штыку в глухой руке у статуй;

По фонарю: когда погашен — день,
И ночь — когда разбит. По тени дома -
Что дом еще отбрасывает тень,
И смерть не ждет в конце второго тома

Всех писем, что оставишь по себе,
Всех адресов (все адреса так узки!),
Всех песен, где меж строк — лишь Бог и бег,
да Нобель, окликающий по-русски.

7.12.96

* * *

Примитивный пейзаж
В половину листа,
За который не дашь
Ни окна, ни холста;
Безопасная даль
В половину руки,
Но рука и печаль —
Как они далеки!
Если выйти за дверь
И направо взглянуть,
То напрасно теперь
Открывается путь:
Половина зимы,
И дороги бледны,
И оттудова мы
На ладони видны.
Потому что и там
И, как правило, здесь —

Мы не в тягость богам.
Ибо мы-то и есть
(Глядя издалека —
Чтоб достал карандаш)
Фонари и река,
Примитивный пейзаж,
От неблизких картин
Отстраняющий плоть:
Чем он дольше один,
Тем он больше Господь.

13.12.96

Назад

Я знал свой дар — и в осторожном тоне
Молился укороченной строке,
И жил, как шум в опустошенном доме,
Волной на позабытом молоке.

Росла в небытии и глохла в мире
Бемоль, неразличимая вдвоем,
И ловкость пальцев, странную на лире,
Я слышать стал в сознании моем.

И ощутил, как временность и вечность
В бегах от глаз — образовали звук.
И злым дуэтом скорость и беспечность
Листы марали без участия рук.

Я не читал написанного ночью:
И разве что, оплошно находя
Среди бумаг бывшие многоточья, —
Их суеверно прятал, уходя,

Чтоб память не оставила улики
Для тех времен, когда я, сквозь слезу
Увидев увеличенные блики,
К бессилью на карачках доползу.

23.01.97

Е. С.

Стих клубится над чашками в доме,
И когда я распластан на льду —
Он меня подзывает ладонью,
На которой я просо найду.

Если слух твой не знал изобилья —
Наблюдай через доски сама,
Как петушки короткие крылья
Над привычкой парят без ума.

Нас Творец не учил диалогу,
Презирая двойное вранье.
Мы же видим из окон дорогу:
Дай нам Бог что-то знать про нее.

4.03.97

* * *

Представьте: старый друг к вам возвратился —
Настолько старый, что уже не друг.
Что ваш (вполне естественный) испуг
И на его лице отобразился.
Не шелестя десятками годов,
Не помяная ни зимы, ни лета, —
Вы вспомните об умерших, а это
Знак, что Харон к отплытию готов.
Кого из вас не примет он на борт?
Кто слишком легок для его балласта?
Чей вес чужую смерть вбирал нечасто?
Кто движется в куда как ближний порт?
И где гарантия, что ад и бриз
Меж них не заключили договора
(И направление одно, коль скоро
Желанный гость пускается в круиз)?
Все это рассчитать за полчаса,
И двух минут не уступив без бою —
И есть хорал, разложенный судьбою
Для праздника на ваши голоса.

5.03.97

Остановка

Как кружатся кварталы на Солянке,
Играя с небом в ножки церкви,
Так я пройду по видной миру планке —
Не двигаясь, не расставаясь с ней.

Дома летят, не делая ни шагу,
Попутчиком на согнутой спине.
И бег земли, куда я после лягу,
Не в силах гибель приближать ко мне.

Танцует глаз, перемещая камни,
Но голос Бога в том, что юркий глаз —

Не собственное тела колебание,
А знак слеженя тех, кто видит нас.

Среди толпы Бог в самой тусклой маске,
Чтоб фору дать усилиям чужим:
Чей взор богаче на святые пляски?
Кто больше всех для взора недвижим?

30.04.97

Рублев

Мне чудится счастье, не данное мне,
Когда посторонним пятном на стене
Я вижу богиню и сына ее
И тело теряю свое.

Мне кажутся знаки их временных бед
Навечно влитыми в мой собственный свет,
Как будто узла этих лиц тождество
Дало мне мое Рождество.

Здесь два расстоянья меж них сочтены.
Одно — сокращенное взглядом жены,
Второе — Ему в складках мглы золотой
Открылось доступной чертой.

И воздух сгустился. И трещины дал
Трагических судеб единый овал,
И мимо две жизни прошли, и года —
Как им и хотелось тогда.

И слезы встают за пропавшей спиной,
Минутой терпенья скопляясь за мной.
И в недрах земли, где минуты не жаль,
Со звоном сломалась деталь.

8.05.97

* * *

В мгновенной и чуткой отваге —
Вот словно по зову блесны —
Я ощупью лезу к бумаге
И не узнаю белизны.

К сплетению равных волокон
Пытаясь добавить свой след, —
Вот я отшатнулся от окон,
Когда зажигается свет.

Вот копится пыль на деталях
Ребенком разобранной тьмы,
И мерно качает усталых
Движенье гранитной кормы.

И буквы выходят из пальцев,
(Я сделал, и лег на живот)
Как будто бы племя страдальцев
Во мне неизменно живет.

Что звезды, их ласковый лепет
Лишь ночью на слух различим -
Ручной и заемный мой трепет,
Как смерть, не имеет причин.

Бумага — их смертное поле.
Спускаясь в последний приют,
Их зрение рыщет на воле,
Не зная, что встретит их тут:

Вот ночь, как зовущие блесны,
Вот мы остаемся одни,
Вот пыль, вот и окна (как просто!),
Вот свет — вылетают они.

10.05.97

* * *

В дурном углу, под лампой золотой
Я чту слепое дело санитара,
И легкий бег арбы моей пустой
Везде встречает плачем стеклотара.

Живая даль, грядущее мое —
Приблизилось: дворы, подвал, палата.
Всеведение и нижнее белье
Взамен души глядят из-под халата.

Тут всюду свет; и я уже вперед
Гляжу зрачком литровой горловины;
И лишний звук смывает в толщу вод,
Пока строка дойдет до половины.

Я счастлив, что нащупал дно ногой,
Где твердо им, где все они сохранны.
Я возвращусь, гоним судьбой другой —
Как пузырек под моечные краны.

11-13.08.97

Русский характер (отрывок из статьи)

...За свою тысячелетнюю историю русский народ терял больше, чем успевал накопить. Уже в обозримом прошлом многие наши прекрасные черты претерпели разрушительное отражение в кривом советском зеркале. Исконная крестьянская любовь к земле и работе на ней обернулась стремлением переселиться в город и вести по возможности лёгкую жизнь (а иногда и просто иждивенческую — вспомните «обманутых вкладчиков»). Русские люди были доверчивы, но умели за себя постоять (облаву на разбойника или конокрада устраивали всюю деревней) — теперь они подозрительны к каждому встречному и при этом беспомощны. Русское великодушие превратилось в равнодушие, гостеприимство — в скопидомство. Да и многое другое, что приобрели наши честные и добрые предки, мы, не всегда по своей вине, растеряли. Но вот всё жалкое, глупое, детское — осталось и приумножилось. Остались и живут на всех уровнях общества недалёковидность, беспечное невнимание к себе и своему будущему. Осталась слепая вера в исполнение несбыточных грёз, соседствующая с неумением извлечь выгоду из простых подручных вещей. Осталось тупое чванство ко всему новому и иноземному, обратная сторона которого — глубокое неуважение к собственной истории и пренебрежение традициями. Черты, простительные неграмотному земледельцу средневековья, свободно перекочевали в конец тысячелетия — и продолжают укреплять свои позиции. Почему же так? Разве за века не изменились люди? Нет. Люди изменились, но народ — не столько люди, сколько отношения между людьми. Главный исход всех исторических и социальных перипетий нашей России в том, что мы уже очень давно не можем по-настоящему почувствовать себя *народом, нацией, этносом*. Единственная ситуация, когда это ненадолго удаётся — война.

Но нужно подводить итоги. На долю моего народа выпало не больше бед, чем на долю любого другого; но обидный нюанс в том, что большинство их исходило из его же недр. Собственная власть безжалостно уничтожала его, служа то монгольскому хану, то своему больному сознанию, то исторической необходимости, то мировому коммунизму. Собственная литература обзывала его «черню», высмеивала в сатирических сценках или проливала по нём крокодиловы слёзы. Собственная экономика предлагала ему в качестве деятельности каторжный труд, орудия которого со времён Рюрика и до сих пор не претерпели существенных изменений, а в качестве отдыха — водку, водку и ещё раз водку. В итоге мы представляем собой генетически и духовно истощённый этнос, история которого может в любой момент начаться с чистого листа. Никакая «великая культура» не способна быть ответом на вопрос постороннего: «кто вы есть как нация, зачем вы жили и в чём ваш смысл?» Никакое «великое прошлое» не может служить оправданием загубленной судьбы, пропавшего таланта, потерянного счастья. Общество существует не для какого-то гипотетического отчёта перед инопланетянами, которым можно было бы предъявить иконы Рублёва, стихи Пушкина и самолёт Николая Гастелло, а для того, чтобы всякому достойному человеку в нём жилось хорошо. Просто хорошо, без излишеств — и поверьте, что этого будет достаточно для того, чтобы он почувствовал себя счастливым. В этом смысле национальный характер — таким должен быть и русский его вариант — это та уверенность в себе, та внутренняя

аргументация, с которой народ движется к своей цели. Не более и не менее. В нём не место уловкам типа «особого пути» и «богоизбранности», поскольку они ведут прежде всего к внутринациональному чванству и межнациональным конфликтам. Любые идеи самобытности и самоизоляции способны существовать в нём лишь постольку, поскольку они могут служить его основному призванию — сделать жизнь людей лучше, но никак не для того, чтобы оправдать их бедственное и ничтожное положение. Пусть человек говорит: «я работаю, потому что того требуют от меня Аллах, Иегова, Христос, американская конституция, мои дети, моя семья, моя Родина»; но никто не вправе говорить: «я не буду работать, потому что у меня плохое правительство, плохие законы, плохая зарплата, плохая история, особенная статья». Возможно, не у многих народов есть такой характер — нет его и у русского народа. Но нам в нашей ситуации, мне кажется, он нужнее, чем кому-либо. Потому что ситуация наша такова, что невозможно никакое спокойное поступательное развитие, о котором говорят правительство и официозные «аналитики». Из этой ситуации существует только два выхода — либо смерть русских как дееспособной нации («падение самолёта»), либо появление у нас, наконец, характера и, вследствие этого, полное доброкачественное перерождение. Более чем вероятно, что народный организм уже не способен к такому взрыву: почти век целенаправленной селекции, когда лучшие люди отбирались для уничтожения, не мог не дать результата. Собственно, мы живём в то время, когда будет поставлен окончательный диагноз. И в ближайшие десять лет станет ясно — жить нам или умереть. Но если силы для генерации русского характера у нас остались, то для его появления требуются приличная власть и немного исторического покоя. Есть только один «аргумент» в пользу того, что такие условия в России создадутся: этих двух вещей одновременно на нашей почве ещё никогда не было.

Следующий год станет для всего христианского мира двухтысячным от Р.Х. — в смысле от Рождения Христа. Многим очень хотелось бы знать точнее, каким по счёту он будет до Р.Х. — в смысле до русского характера. И вообще — живём ли мы в той плоскости, где он ещё может появиться.

*Коленцы — Москва,
август 1999*

Содержание

От составителей	3
vvm	4
Выключишь Интернет — и тебя уже нет!	4
Век двадцатый истлел...	7
И слеза с слезою говорит	7
Все выживет...	9
Русско-еврейская сила	9
antfz	13
И когда-нибудь взвять...	13
Вот и осень пришла...	13
Блуждая по квартире...	14
Отдельное стихотворение	15
Из раннего	15
Октябрь бродит нудный	16
Ваша светлость! В самом деле...	16
111111	18
Реприза	18
Из никакого дня	18
Мне нравится	19
akir	20
До озноба	20
Русалочка	21
Разговор у подъезда в день похорон Мастера и Маргариты	21
Последняя записка. Муж Марго	22
Бабья немощь	23
Всё перемелется	23
Письмо Принцу	24
alex59	25
Расставание	25
Грустная зимняя сказка	25
Бог рядом	26
Эксперимент	26
Flax	29
Беседа с Зайцем	29
Patricia	31
Построение образа идеального героя в виртуальном мире	31
Пишу письмо скучающему Марко	32
Скучаю...	32
Зеленое	33

Дневник одной птицы (обрывки заметок на полях, лесах и реках)	33
Виртуальное (из ненаписанного)	35
Если	36
garrye95	37
Разговор с белой птицей	37
В моём саду	37
старый хит	38
Чистая логика	38
ierene	41
Прозрачной полночи открыты окна... ..	41
bess	42
Нечто большее, чем можно представить	42
Нечестное, написанное на спор	43
Жанна, еврей и роза	43
Легкая отстраненность провинциалки в наблюдениях будничной столицы	47
Otvertka	51
Систематизация. Открытое письмо Патрисии Томпсон	51
О туризме, зоологии и озоне	52
Запишите меня в математики	53
Сигнал	54
sonet	56
Спичка обожжёт пальцы	56
Placebo	57
Стена	58
Tikitak	61
Ты будешь что-то говорить... ..	61
Слушая дождь... ..	61
galchonok	63
Праздники, которых ты не ждешь,	63
Диалектика (фрагмент)	63
ola	64
Старомосковское. Финский квартал	64
Нео-Ромео или сны перевоплощений (мини-поэма)	64
Ночной этюд с блузкой	66
Клиническая зарисовка	66
Ангел	67
helku	68
Станный день	68
MarkizaKarabasa	70
На земле — апрель... ..	70
В душе моей надежно и тепло... ..	71

Молится вечер	72
Мой дом хворал.....	72
А от нас уехал зоопарк... ..	73
Самолеты	74
IRINA	75
Внешний вид	75
Полюби себя	77
May	85
Весна	85
Девница-Весна... ..	86
Что такое счастье?	86
Осень. Фантазм	88
Popoed	89
Воробы	89
Рефлексия	90
Февральские весенние мечты	90
Солитьюд	91
Офф	92
Margarita	94
Бывшему другу	94
И мир как будто не велик... ..	95
Рецидив	95
Отболевшее	96
Мимо знакомых мест... ..	97
Iearina	98
Введение в бусинковедение	98
Пуговичный мир. Метаморфозы	99
Расфилософствовалась... ..	99
Vasilika	101
Оставь мне белым... ..	101
Осторожность	102
Тем, кто пишет... ..	102
Romann (madgenius, kloPomor)	103
Привыкаю	103
Рыжая сказка	104
Если очень хочется... ..	104
В тебе одной... ..	105
Этюды о душе. Этюд 1	105
Девочка, женщина, кошка, котёнок и Бог	106
Rita	109
Ежиков и Ветер	109
ShofaNchik	110
Ковчег	110

Брат	110
Зелье	111
Доктор	112
baturine	113
Баба Роза (Байки провинциального бодигарда)	113
Арбатский джаз	118
Voronin	119
Какая слякоть за окном!..	119
Обычный нерадостный день на исходе...	119
sshone	121
Сад Эдема	121
philmore	122
Я болею тобой	122
Соловей	123
Моей принцессе	123
Пасха	124
Ross	125
Между тем	125
Olk	127
Острие потока	127
Мечта-плагиат	128
link	129
Зарождается утро весеннее	129
Rosa	130
5 июля	130
Сказочно-реальное...	130
Потом взгрустнула...	131
Lealenn	132
Поющая в Сумерках	132
yulaM	135
Еще один вираж...	135
Сигарета курится семь минут...	135
Relikt	137
Синева	137
vincent	138
Куб (масло)	138
Рисунок со страницы «Дикой ягоды»	139
Eva	140
Вишни	140
Я не верю	140
Встреча	141
victorlev	142
Тетрадка. Ручка. Стол. Будильник...	142

Отслужил свое полностью вечер.....	143
Илья ТЮРИН и «Илья-премия»	144
Письмо	145
Ной	145
Осень	145
Старинная живопись	147
(Екклесиаст)	147
География	148
Назад	149
Е. С.	149
Остановка	150
Рублев	151
Русский характер (отрывок из статьи)	153

